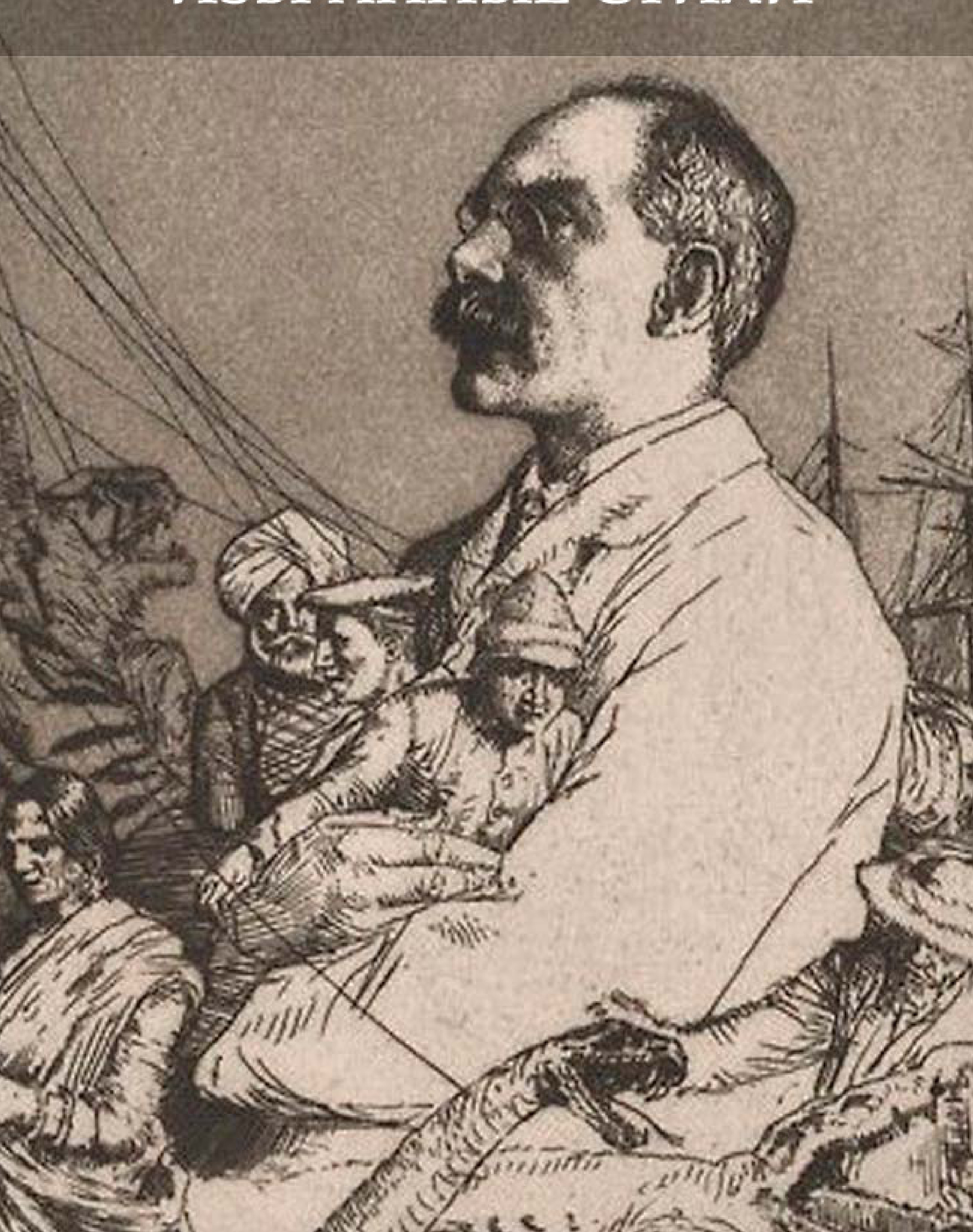
Редьярд Киплинг

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

Salamandra P.V.V.

Редьярд Киплинг

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

из всех книг

Составитель и редактор новых
переводов Василий Бетаки

Salamandra P.V.V.

Киплинг Р.

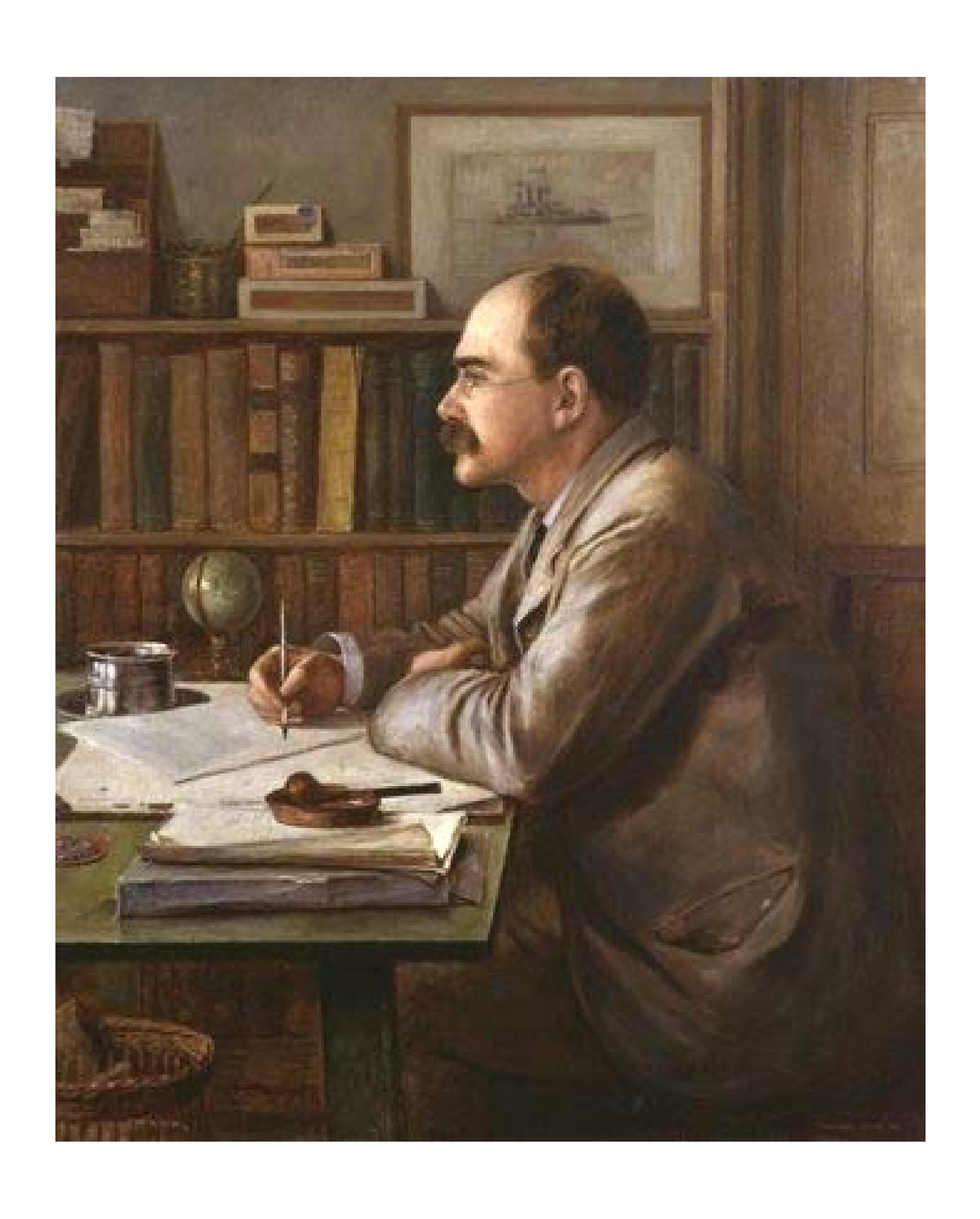
Избранные стихи из всех книг. Сост., ред. новых переводов, послесл. и прим. В. Бетаки. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2011. – 331 с., илл. – PDF.

Книга, подготовленная к изданию известным поэтом и переводчиком В. Бетаки, включает лучшие стихотворения Редьярда Киплинга, собранные из всех его книг, в наиболее удачных поэтических переводах.

Многие переводы, вошедшие в книгу, взяты из первого русского издания стихов Киплинга (М., 1936), давно ставшего библиографической редкостью. Ряд переводов Г. Бена и В. Бетаки публикуются по парижской книжке 1986 г., также ставшей библиографической редкостью.

Некоторые стихотворения представлены в двух-трех переводах. Есть в книге как и совсем старые, давно полюбившиеся русскому читателю, переводы, так и довольно много совсем новых.

Многие стихотворения, никогда не переводившиеся на русский язык, представлены в этой книге впервые.

Rudyard Kipling

ШТАБНЫЕ ПЕСЕНКИ
(«ДЕПАРТАМЕНТСКИЕ ПЕСНИ»)

КАЗАРМЕННЫЕ БАЛЛАДЫ

СЕМЬ МОРЕЙ

ПЯТЬ НАЦИЙ

МЕЖВРЕМЕНЬЕ

ВСТАВНЫЕ СТИХИ ИЗ ПРОЗАИЧЕСКИХ КНИГ,

НЕ ВКЛЮЧАВШИЕСЯ АВТОРОМ НИ В ОДИН ИЗ СБОРНИКОВ СТИХОВ

Памяти Георгия Евсеевича Бена (1934-2008), работавшего над переводами стихов Р. Киплинга с 1958 года и до последних дней жизни. В эту книгу включено большинство его переводов из Киплинга, причем некоторые из них, выполненные в 2008 году, стали последними переводческими работами Г. Е. Бена.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Сначала эта книга задумывалась, как сборник переводов на русский язык всех стихотворений из книг «Казарменные баллады» и «Семь морей», но по мере работы я понял три важные вещи: во-первых, многие стихи из других книг Киплинга относятся к лучшим в его поэтическом наследии, и было бы очень обидно их не публиковать; во-вторых, в «Казарменных балладах» и «Семи морях» есть откровенно слабые, неинтересные вещи, и не хочется портить читателю впечатление от Киплинга их публикацией; и наконец, в-третьих, есть стихи, существующие переводы которых мне настолько не нравятся, что мне не захотелось эти стихи включать. Конечно, когда мне казалось, что оригинал очень хорош, а перевод никуда не годится, я сам переводил стихотворение заново, но в тех случаях, когда и оригинал плохого перевода мне был не слишком интересен, я выбрасывал стихотворение из книги.

В раздел «Вставные стихи из прозаических книг» включены стихи к сказкам и рассказам о Маугли из 1-й и 2-й «Книг Джунглей» (кроме эпиграфов), а также некоторые из самых знаменитых киплинговских стихотворений, которые не включались автором ни в одну из книг стихов – они рассеяны по его прозе. Например, такие прославленные стихи, как «Boots» (известное по-русски под названием «Пыль»), «The Press» («Пресса»), «If» («Заповедь») фигурируют у автора только как вставные стихотворения внутри соответствующих новелл.

Многие переводы, входящие в эту книгу, публиковались уже не раз, они взяты как из парижской книжки 1986 г. (в переводах Г. Бена и В. Бетаки), давно ставшей библиографической редкостью, так и из нескольких сборников, вышедших в России после 90-х годов. Кое-что лучшее перепечатано и из первого русского издания стихов Киплинга (М., ГИХЛ, 1936), также ставшего библиографической редкостью.

Несколько стихотворений представлены здесь в двух-трех переводах. Есть тут совсем старые, давно полюбившиеся русскому читателю, переводы. Есть и довольно много совсем новых.

Многие стихотворения, никогда не переводившиеся на русский язык, представлены в этой книге впервые.

Переводы, помеченные знаком * – публикуются впервые.

Стихи, помеченные знаком ** – переведены впервые специально для этого издания.

Тексты выверены по стереотипному изданию «Rudyard Kipling's Verse: Definitive Edition», выпускаемому в Англии, Канаде и Австралии раз в 5-6 лет начиная с 1940 года.

В. Б.

ΩΩΩ

ПРЕЛЮДИЯ

Я делил с вами хлеб и соль…
Вашу воду и водку пил,
Я с каждым из вас умирал в его час
Я вашей жизнью жил.

Что осталось из вашей судьбы
В стороне от жизни моей?
Ни в тяжком труде, ни в горькой беде,
За волнàми семи морей?

Я так нашу жизнь описал,
Что людей забавлял мой рассказ…
Только мы с вами знаем, что шутка дурная:
Веселого мало для нас!

Перевел В. Бетаки

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ ИЗ ЮНОШЕСКОЙ КНИГИ

«ШТАБНЫЕ ПЕСЕНКИ И ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»

(«Департаментские песни»)

ОСНОВНОЙ ИТОГ*

Изменилась ли Европа
Со времен питекантропа?
Некий предок, тот, чей лук был подлинней,
Даже с мамонтом сражался,
Носом к носу с ним встречался,
И, как мы, плевать хотел на всех людей:

Лодку лучшую оттяпал,
Бабу лучшую захапал,
И чужой добычи кучу отхватил,
Кем-то вырезанный идол
За свою работу выдал,
И улегся в самой классной из могил.

А пройдоха, что когда-то
Стал папашей плагиата,
Заслужил хвалу и честь от короля!
Фавориты и воры
Правят нами с той поры,
Как себя считала девушкой земля.

В чем, скажите без обиды,
Тайна некой пирамиды?
Да, один подрядчик был других шустрей,
Он сумел спереть казенных
Пару-тройку миллионов,
И в Египте стал богаче всех людей.
А Иосиф? Продвиженье
До Начальника Снабженья
И ему не вредно было, ей же ей!

Извините, эта песня
Не новей, не интересней
Тех, что самый дальний предок распевал,
Таковы уж человеки:
Ныне, присно и вовеки
Воровство на этом свете правит бал!

Перевел В. Бетаки

ШИФР НРАВСТВЕННОСТИ

Оставив юную жену хозяйничать по дому,
Уехал Джонс на горный пост к афганскому кордону.
Там гелиограф был, и Джонс жене растолковал
Сигнальный шифр, чтоб ей с горы слать нежные слова.

Любовь ему вручила ум, ей красоту – Природа,
И гелиограф их связал в честь Феба и Эрота.
Джонс наставленья слал жене, когда вставал рассвет,
И на закате тоже слал супружеский привет.

Он ей твердил: «Страшись юнцов, внушающих соблазны,
И льстивых, лживых стариков с отеческою лаской».
Но подозрительнее всех для Джонса, говорят,
Был генерал-полковник Бенгс, заслуженный солдат.

Ущельем как-то ехал Бенгс, с ним штаб и адъютанты.
Вдруг видят: гелиограф с гор сигналит беспрестанно.
Они подумали: мятеж! туземцы жгут посты!
Остановились – и прочли шифровку с высоты:

«Тире, и точка, и тире, тире, тире, и точка… »
О черт! Давно ли генерал стал нежным ангелочком?
«Мой птенчик… Козочка моя… Мой свет… Моя звезда… » –
О дух милорда Уолсли! Кто сумел попасть туда? –

И штаб, как вкопанный, застыл, и адъютант опешил;
Все стали, сдерживая смех, записывать депешу.
А Джонс как раз на этот раз писал жене своей:
«Не знайся с Бенгсом, он ведь здесь распутней всех, ей-ей!»

И, гелиографом с горы безжалостно сигналя,
Из жизни Бенгса сообщал интимные детали;
Тире и точками жене он мудрый слал наказ…
Но, хоть Любовь порой слепа, у мира – много глаз.

И штаб, как вкопанный, застыл, и адъютант опешил,
И генерал в седле краснел, читая, как он грешен;
И наконец промолвил он (что думал он, не в счет):
«Все это – частный разговор. Кррругом! Галоп! Вперед!»

И, к чести Бенгса, Джонсу он ни словом, ни взысканьем
Не дал понять, что прочитал в горах его посланье.
Но всем известно – от долин до пограничных рек,
Что многочтимый генерал – распутный человек.

Перевел Г. Бен

ΩΩΩ

ДУРЕНЬ*

Жил-был дурень. Вот и молился он
(Точно как я или ты!)
Кучке тряпок, в которую был влюблен,
Хоть пустышкой был его сказочный сон,
Но Прекрасной Дамой называл ее он
(Точно как я или ты).

Да, растратить года и без счета труда,
И ум свой отдать и пот,
Для той, кто про это не хочет и знать,
А теперь то мы знаем, – не может знать,
И никогда не поймет.

Дурней влюбленных на свете не счесть
(Таких же, как я или ты),
Загубил он юность, и гордость и честь
(А что у дурней таких еще есть?)
Ибо дурень – на то он дурень и есть...
(Точно как я и ты).

Дурню трудно ли все, что имел, потерять,
Растранжирить за годом год,
Ради той, кто любви не хочет и знать,
А теперь-то мы знаем – не может знать
И никогда не поймет.

Дурень шкуру дурацкую потерял,
(Точно как я или ты),
А могло быть и хуже, ведь он понимал,
Что потом уж не жил он, а существовал,
(Так же как я и ты).

Ведь не горечь стыда, даже так – не беда
(Разве что-то под ложечкой жжет!)
Вдруг понять, что она не хотела понять,
А теперь-то мы поняли – не умела понять,
И ничего не поймет.

Перевел В. Бетаки

МОЯ СОПЕРНИЦА

Я езжу в оперу, на бал –
И все-то ни к чему:
Я все одна, и до меня
Нет дела никому.
Совсем не мне, а только ей
Все фимиам кадят.
Затем, что мне семнадцать лет,
А ей – под пятьдесят.

Я то бледна, то вспыхну вдруг
До кончиков волос.
Краснеют щеки у меня,
А часто даже нос.
У ней же краски на лице
Где надо, там лежат:
Румянец прочен ведь у той,
Кому под пятьдесят.

Я не могу себя подать,
Всегда я так скромна!
О, если б только я могла
Смеяться, как она,
И петь все то, что я хочу, –
Не то, что мне велят!
Но мне всего семнадцать лет,
А ей – под пятьдесят.

Вниманья молодых людей
Не привлекаю я,
А с ней танцуют те, кто ей
Годятся в сыновья.
Берем мы рикшу – так за ним
Тут каждый сбегать рад:
Ведь мне всего семнадцать лет,
А ей – под пятьдесят.

Она добра ко мне, но я
При ней в тени всегда.
Она с мужчинами меня
Знакомит иногда.
Но разговаривать со мной
Лишь старики хотят,

А молодые рвутся к ней –
Ведь ей под пятьдесят!

Своих любовников она
Мальчишками зовет,
И к ней всегда мужчины льнут
Ко мне никто не льнет.
И как бы ни оделась я
На бал, на маскарад,
Я все одна... Скорей бы мне
Уж было пятьдесят!

Но ей не вечно танцевать!
Года возьмут свое!
Толпы поклонников уже
Не будет у нее!
И отыграюсь я тогда,
Пленяя всех подряд:
Ей будет восемьдесят два
А мне – под пятьдесят.

Перевел Г. Бен

МОЛИТВА ВЛЮБЛЕННЫХ

Серые глаза... И вот –
Доски мокрого причала...
Дождь ли? Слезы ли? Прощанье.
И отходит пароход.
Нашей юности года...
Вера и Надежда? Да –
Пой молитву всех влюбленных:
Любим? Значит навсегда!

Черные глаза... Молчи!
Шепот у штурвала длится,
Пена вдоль бортов струится
В блеск тропической ночи.
Южный Крест прозрачней льда,
Снова падает звезда.
Вот молитва всех влюбленных:
Любим? Значит навсегда!

Карие глаза – простор,
Степь, бок о бок мчатся кони,
И сердцам в старинном тоне
Вторит топот эхом гор...
И натянута узда,
И в ушах звучит тогда
Вновь молитва всех влюбленных:
Любим? Значит навсегда!

Синие глаза... Холмы
Серебрятся лунным светом,
И дрожит индийским летом
Вальс, манящий в гущу тьмы.
– Офицеры... Мейбл... Когда?
Колдовство, вино, молчанье,
Эта искренность признанья –
Любим? Значит навсегда!

Да... Но жизнь взглянула хмуро,
Сжальтесь надо мной: ведь вот –
Весь в долгах перед Амуром
Я – четырежды банкрот!
И моя ли в том вина?

Если б снова хоть одна
Улыбнулась благосклонно,
Я бы сорок раз тогда
Спел молитву всех влюбленных:
Любим? Значит – навсегда…

Перевел В. Бетаки

ΩΩΩ

КАЗАРМЕННЫЕ БАЛЛАДЫ И ДРУГИЕ СТИХИ

КАЗАРМЕННЫЕ БАЛЛАДЫ

Часть I (1892)

ПОСВЯЩЕНИЕ К «КАЗАРМЕННЫМ БАЛЛАДАМ»

Во внешней, запретной для солнца тьме, в беззвездье пустого эфира,
Куда и комета не забредет, во мраке мерцая сиро,
Живут мореходы, титаны, борцы – создатели нашего мира.

Навек от людской гордыни мирской они отреклись, умирая:
Пируют в Раю они с Девятью Богинями щедрого края,
Свободны любить и славу трубить святому Властителю Рая.

Им право дано спускаться на дно, кипящее дно преисподней,
Где царь – Азраил, где злость затаил шайтан против рати Господней,
На рыжей звезде вольно им везде летать серафимов свободней.

Веселье земли они обрели, презрев ее норов исконный,
Им радостен труд, оконченный труд, и Божьи простые законы:
Соблазн сатанинский освищет, смеясь, в том воинстве пеший и конный.

Всевышний нередко спускается к ним, Наставник счастливых ремесел,
Поведать, где новый Он создал Эдем, где на небо звезды забросил:
Стоят перед Господом, и ни один от страха не обезголосел.

Ни Страсть, ни Страданье, ни Алчность, ни Стыд их не запятнают вовеки,
В сердцах человечьих читают они, пред славой богов – человеки!
К ним брат мой вчера поднялся с одра, едва я закрыл ему веки.

Бороться с гордыней ему не пришлось: людей не встречалось мне кротче.
Он дольнюю грязь стряхнул, покорясь Твоим велениям, Отче!
Прошел во весь рост, уверен и прост, каким его вылепил Зодчий.

Из рук исполинских он чашу приял, заглавного места достоин, –
За длинным столом блистает челом еще один Праведник-Воин.
Свой труд завершив, он и Смерти в глаза смотрел, беспредельно спокоен.

Во внешней, запретной для звезд вышине, в пустыне немого эфира,
Куда и комета не долетит, в пространствах блуждая сиро,
Мой брат восседает средь равных ему и славит Владыку Мира.

Перевел Р. Дубровкин

ПОСВЯЩЕНИЕ ТОМАСУ АТКИНСУ*

Для тебя все песни эти,
Ты про них один на свете
Можешь мне сказать, где правда, где вранье,
Я читателям поведал
Твои радости и беды,
Том, прими же уважение мое!

Да настанут времена,
И расплатятся сполна
За твое не слишком легкое житье,
Будь же небом ты храним,
Жив, здоров и невредим.
Том, прими же уважение мое!

Перевел В. Бетаки

ДЕННИ ДИВЕР*

«Еще заря не занялась, с чего ж рожок ревет?»
«С того, – откликнулся сержант,– что строиться зовет!»
«А ты чего, а ты чего, белее мела стал?»
«Боюсь, что знаю отчего!» – сержант пробормотал.
Вот поротно и повзводно (слышишь, трубы марш ревут?)
Строят полк лицом к баракам, барабаны громко бьют.
Денни Дивера повесят! Вон с него нашивки рвут!
Денни Дивера повесят на рассвете.

«А почему так тяжело там дышит задний ряд?»
«Мороз, – откликнулся сержант, – мороз, пойми, солдат!»
«Упал там кто-то впереди, мелькнула чья-то тень?»
«Жара, – откликнулся сержант, – настанет жаркий день».
Денни Дивера повесят... Вон его уже ведут,
Ставят прямо рядом с гробом, щас его и вздернут тут,
Он как пес в петле запляшет через несколько минут!
Денни Дивера повесят на рассвете.

«На койке справа от меня он тут в казарме спал...»
«А нынче далеко заснет» – сержант пробормотал.
«Мы часто пиво пили с ним, меня он угощал».
«А горькую он пьет один!» – сержант пробормотал.
Денни Дивера повесят, глянь в последний на него,
Ночью, сукин сын, прикончил он соседа своего.
Вот позор его деревне и всему полку его!
Денни Дивера повесят на рассвете.

«Что там за черное пятно, аж солнца свет пропал?»
«Он хочет жить, он хочет жить» – сержант пробормотал.
«Что там за хрип над головой так жутко прозвучал?»
«Душа отходит в мир иной» – сержант пробормотал.
Вот и вздернут Денни Дивер. Полк пора и уводить,
Слышишь, смолкли барабаны – больше незачем им бить,
Как трясутся новобранцы, им пивка бы – страх запить!
Вот и вздернут Денни Дивер на рассвете.

Перевел В. Бетаки

ТОММИ

В пивную как-то заглянул я в воскресенье днем.
А бармен мне и говорит: «Солдатам не подаем!»
Девчонки возле стойки заржали на весь зал,
А я ушел на улицу и сам себе сказал:

«Ах, Томми такой, да Томми сякой, да убирайся вон!»
Но сразу «Здрассти, мистер Аткинс», когда слыхать литавров звон.
Оркестр заиграл, ребята, пора! Вовсю литавров звон!
И сразу «Здрассти, мистер Аткинс» – когда вовсю литавров звон!

Зашел я как-то раз в театр (почти что трезвым был!).
Гражданских – вовсе пьяных – швейцар в партер пустил,
Меня же послал на галерку, туда, где все стоят!
Но если, черт возьми, война – так сразу в первый ряд!
Конечно, Томми, такой-сякой, за дверью подождет!
Но поезд готов для Аткинса, когда пора в поход!
Пора в поход! Ребята, пора! Труба зовет в поход!
И поезд подан для Аткинса, когда пора в поход!

Конечно, презирать мундир, который хранит ваш сон,
Стоит не больше, чем сам мундир (ни хрена ведь не стоит он!)
Смеяться над манерами подвыпивших солдат –
Не то, что в полной выкладке тащиться на парад!
Да, Томми такой, Томми сякой, да и что он делает тут?
Но сразу «Ура героям!», когда барабаны бьют!
Барабаны бьют, ребята, пора! Вовсю барабаны бьют!
И сразу «Ура героям!», когда барабаны бьют.

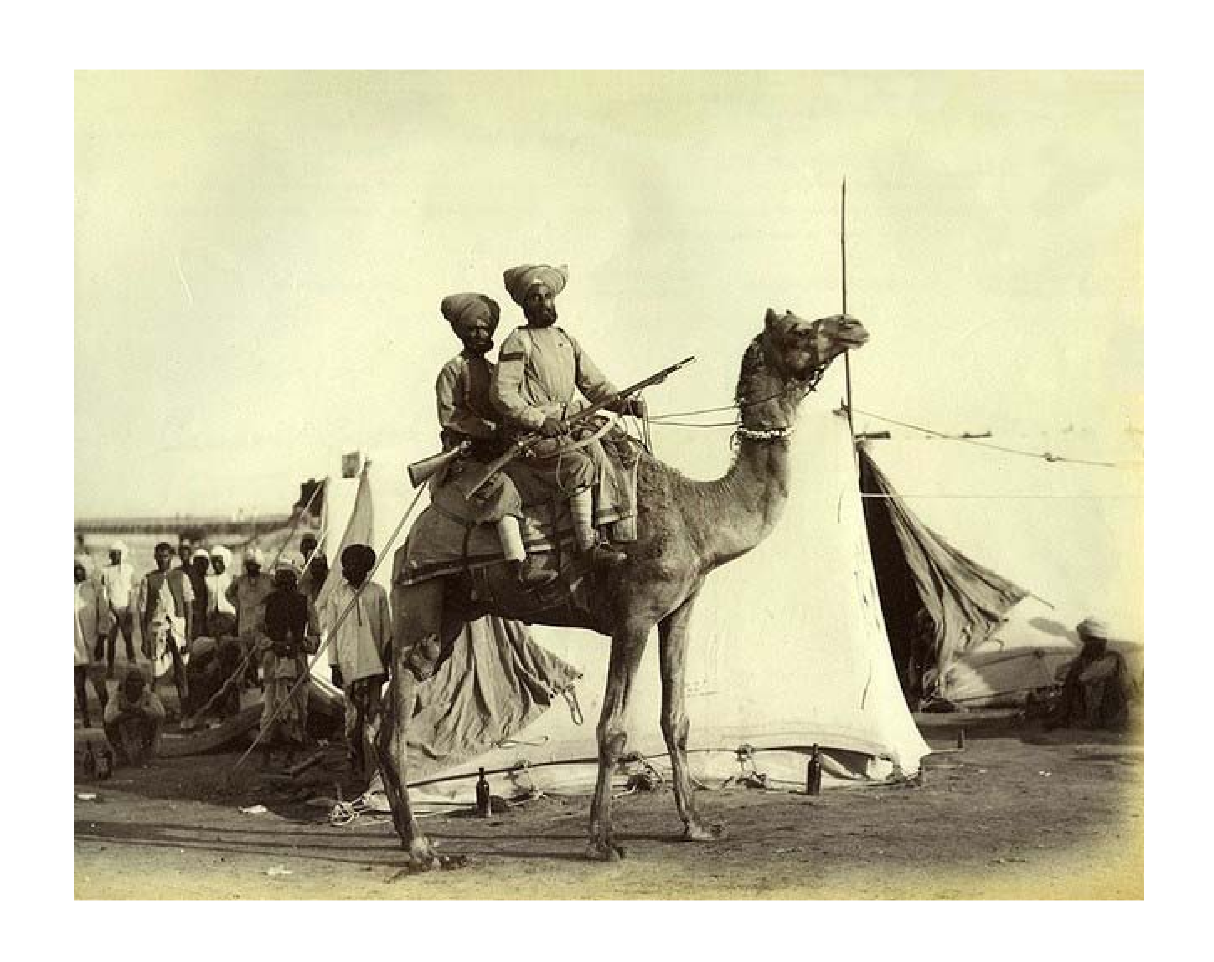
Мы, может, и не герои, но мы ведь и не скоты!
Мы, люди из казармы, ничуть не хуже, чем ты!
И если мы себя порой ведем не лучше всех –
Зачем же святости ждать от солдат, и тем вводить во грех?
«Томми такой, Томми сякой, неважно, подождет...»
Но: «Сэр, пожалуйте на фронт», когда война идет!
Война идет, ребята, пора, война уже идет!
И «Сэр, пожалуйте на фронт», когда война идет!

Вы все о кормежке твердите, о школах для наших детей –
Поверьте, проживем мы без этих всех затей!
Конечно, кухня – не пустяк, но нам важней стократ
Знать, что солдатский наш мундир – не шутовской наряд!

Томми такой, Томми сякой, бездельник он и плут,
Но он – «Спаситель Родины», как только пушки бьют!
Хоть Томми такой, да Томми сякой, и все в нем не то и не так,
Но Томми знает, что к чему – ведь Томми не дурак.

Перевел В. Бетаки

ΩΩΩ

ФУЗЗИ-ВУЗЗИ
(СУДАНСКИЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ЧАСТИ)

Знавали мы врага на всякий вкус:
Кто похрабрей, кто хлипок, как на грех,
Но был не трус афганец и зулус,
А Фуззи-Вуззи – этот стоил всех!
Он не желал сдаваться, хоть убей,
Он часовых косил без передышки,
Засев в чащобе, портил лошадей,
И с армией играл, как в кошки-мышки.

За твое здоровье, Фуззи, за Судан, страну твою,
Первоклассным, нехристь голый, был ты воином в бою!
И тебе билет солдатский мы уж выправим путем,
А захочешь поразмяться, так распишемся на нем!

Вгонял нас в пот Хайберский перевал,
Нас дуриком, за милю, шлепал бур,
Мороз под солнцем Бирмы пробирал,
Лихой зулус ощипывал, как кур,
Но Фуззи был по всем статьям мастак,
И сколько ни долдонили в газетах
«Бойцы не отступают ни на шаг!» –
Он колошматил нас и так, и этак.

За твое здоровье, Фуззи, за супругу и ребят!
Был приказ с тобой покончить, мы успели в аккурат.
Ну, винтовку против лука честной не назвать игрой,
Но все козыри побил ты и прорвал британский строй!

Газеты не видал он никогда,
Медалями побед не отмечал,
Но честно скажем, до чего удал
Удар его двуручного меча!
Он нà головы из кустов кувырк
А щит навроде крышки гробовой –
Всего денек веселый этот цирк,
И год бедняга Томми сам не свой.

За твое здоровье, Фуззи, в память тех, с кем ты дружил,
Мы б оплакали их вместе, да своих не счесть могил.
В том, что равен счет – клянемся мы, хоть Библию раскрой:
Потерял побольше нас ты, но прорвал британский строй!

Ударим залпом, и пошел бедлам:
Он в дым ныряет, с тылу мельтешит.
Это ж, прям, порох с перцем пополам!
Притворщик, вроде мертвый он лежит,
Ягненочек, он – мирный голубок,
Прыгунчик, соскочивший со шнурка, –
И плевать ему, куда теперь пролег
Путь Британского Пехотного Полка!

За твое здоровье, Фуззи, за Судан, страну твою,
Первоклассным, нехристь голый, был ты воином в бою!
За здоровье Фуззи-Вуззи, чья башка копна копной:
Чертов черный голодранец, ты прорвал британский строй!

Перевел С. Тхоржевский

ΩΩΩ

«СОЛДАТ, СОЛДАТ»

«Солдат, солдат, воротился ты –
А мой что ли, там остался?»
– Да ведь было нас битком, я не знаю ни о ком,
Заведи-ка ты себе другого!
Снова! Другого!
Другого поищи.
Раз уж мертвому не встать, так чего ж тут горевать,
Заведи-ка ты себе другого.

«Солдат, солдат, воротился ты –
А мой-то был с тобою?»
– Королеве он служил, с честью свой мундир носил...
Заведи-ка ты себе другого.

«Солдат, солдат, воротился ты –
А мой-то что там делал?»
– Я видал, как дрался он, враг палил со всех сторон, –
Заведи-ка ты себе другого.

«Солдат, солдат, воротился ты –
А мой-то как там дрался?»
– Дым глаза мне разъедал, я и боя не видал, –
Заведи-ка ты себе другого.

«Солдат, солдат, воротился ты –
А мой-то где там помер??»
– Лег в истоптанной траве, с вражьей пулей в голове, –
Заведи-ка ты себе другого.

«Солдат, солдат, воротился ты –
А мне бы к нему в могилу!»
– В яме вместе с ним лежат двадцать человек солдат, –
Заведи-ка ты себе другого.

«Солдат, солдат, воротился ты –
А мой-то что послал мне?»
– Ничего я не привез, только прядь твоих волос, –
Заведи-ка ты себе другого.

«Солдат, солдат, воротился ты –
А мой никогда не вернется...»

– Говорю тебе опять – мало проку горевать,
Может, мы с тобой и сговоримся?

Снова! Другого!
Раз уж мертвому не встать,
Так чего уж горевать, –
Надо завести себе другого!

Перевела Г. Усова

ΩΩΩ

ГОРНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ

Куря обгоревшую трубку, вдыхая и ветер, и дым,
Шагаю в коричневых крагах за коричневым мулом моим;
За мной шестьдесят канониров, и Томми ничуть не соврет,
Коль скажет, что к пушкам приставлен
Лишь самый отборный народ.
Тсс! Тсс!

Вы все обожаете пушки, они в вас души не чают!
Подумайте, как бы нас встретить: вас пушки салютом встречают!
Пришлите Вождя и сдавайтесь – другого вам нет пути,
Разбегайтесь в горах или прячьтесь в кустах,
Но от пушек вам не уйти!

Нас гонят туда, где дороги, но чаще туда, где их нет,
Хоть на крыши могли б мы взобраться, но нам утомляться не след.
Мы Нага смирили и Лушай, Афридиям дали сполна,
Нас, думаете – две тыщи? А нас-то всего – два звена!
Тсс! Тсс!

Вы все обожаете пушки...

Как? Не хочет работать он? Ладно... Забудет у нас баловство!
Он не любит походного марша? Прибьем и зароем его!
Не треплитесь без толку, братцы, пожалуйста, без болтовни!
В полевой артиллерии трудно? Попотей-ка у нас и сравни!
Тсс! Тсс!

Вы все обожаете пушки...

Орлы раскричались над нами, реки замирающий рев.
Мы выше тропинок и сосен, – на скалах, где снежный покров,
И ветер, стегающий плетью, доносит до самых степей
Бряцание сбруи и топот, и звяканье звонких цепей.

Тсс! Тсс... Вы все обожаете пушки...

Колесо на Созвездие утра, от другого до Бездны – вершок,
Провал в неизвестность под нами –
Прямей, чем солдатский плевок,
Пот застилает глаза нам, а снег и солнце слепят.
И держит орудье над бездной чуть ли не весь отряд.

Тсс! Тсс! Вы все обожаете пушки...

Куря обгоревшую трубку, вдыхая прохладу и дым,
Я лезу в коричневых крагах за коричневым мулом моим.
Знаком обезьяне маршрут наш, и знает коза, где мы шли.
Стой, стой, длинноухие!
К пушкам!
Прочь цепи! Шрапнелью – пли!

Тсс! Тсс...
Вы все обожаете пушки, они в вас души не чают:
Подумайте, как бы нас встретить, вас пушки салютом встречают!
Пришлите Вождя и сдавайтесь – другого вам нету пути,
Прячьтесь в ямы и рвы, там и сдохнете вы,
Но от пушек вам не уйти.

Перевел М. Гутнер

ΩΩΩ

ПОД АРЕСТОМ

Язык мой во рту – как пуговица; голова, как гармошка, звенит,
И кажется – рот мой картошкой набит, до чего же меня тошнит.
Но я позабавился над патрулем, я пьяный был в дым в тот раз
И здесь очутился за то, что напился и капралу подкрасил глаз.
Шинель под головой лежит,
Во двор прекрасный вид, –
Сюда я заперт на замок на двухнедельный срок.
Я спуску не дал патрулю!
Сопротивлялся патрулю!
За то, что дрался во хмелю,
Я заперт на замок на двухнедельный срок –
Ведь я сопротивлялся патрулю.

Я кружкой портера начал и кружкой пива кончал,
Но джин появился, приятель мой смылся, и джин меня укачал.
Патруль пихнул меня носом в грязь, но прежде, чем в грязь упасть,
Я рванул у капрала его ружье и рубашки фасадную часть.

Я шапку и плащ потерял в кабаке, ремень – у этих лачуг,
А где мой сапог – это знает Бог, а я и знать не хочу.
Они мне денег моих не дадут и нашивки мои сдерут,
Зато у капрала лицо в синяках, и надеюсь – не скоро сойдут!

Жена моя плачет у этих ворот, сынок мой под окнами ждет,
Участь моя не смущает меня, а вот это мне сердце жжет!
Жене поклянусь, что я пить воздержусь, я так ей всегда говорю,
Но, как только окажется джин под рукой, я опять чудеса натворю.
Шинель под головой лежит,
Во двор прекрасный вид, –
Сюда я заперт на замок на двухнедельный срок.
Я спуску не дал патрулю,
Сопротивлялся патрулю!

За то, что дрался во хмелю,
Я заперт на замок на двухнедельный срок –
Ведь я сопротивлялся патрулю.

Перевел С. Тхоржевский

ГАНГА ДИН

Радость в джине, да в чаю –
Тыловому холую,
Соблюдающему штатские порядки,
Но едва дойдет до стычки –
Что-то все хотят водички
И лизать готовы водоносу пятки.
А индийская жара
Пропекает до нутра,
Повоюй-ка тут, любезный господин!
Я как раз повоевал,
И – превыше всех похвал
Полковой поилка был, наш Ганга Дин.

Всюду крик: Дин! Дин! Дин!
Колченогий дурень Ганга Дин!
Ты скорей-скорей сюда!
Где-ка там вода-вода!
Нос крючком, зараза, Ганга Дин!

Он – везде и на виду:
Глянь – тряпица на заду.
А как спереди – так вовсе догола.
Неизменно босиком
Он таскался с бурдюком
Из дубленой кожи старого козла.
Нашагаешься с лихвой –
Хоть молчи, хоть волком вой,
Да еще – в коросте пота голова;
Наконец, глядишь, привал;

Он ко всем не поспевал –
Мы дубасили его не раз, не два.
И снова: Дин! Дин! Дин!
Поворачивайся, старый сукин сын!
Все орут на бедолагу:
Ну-ка, быстро лей во флягу,
А иначе – врежу в рожу, Ганга Дин!

Он хромает день за днем,
И всегда бурдюк при нем,
Не присядет он, пока не сляжет зной;

В стычках – Боже, помоги,
Чтоб не вышибли мозги! –
Ну а он стоит почти что за спиной.
Если мы пошли в штыки –
Он за нами, напрямки,
И всегда манером действует умелым.
Если ранят – из-под пуль
Вытащит тебя, как куль:
Грязнорожий, был в душе он чисто-белым.

Опять же: Дин! Дин! Дин!
Так и слышишь, заряжая карабин,
Да еще по многу раз!
Подавай боеприпас,
Подыхаем, где там чертов Ганга Дин!
Помню, как в ночном бою
В отступающем строю
Я лежать остался, раненый, один
Мне б хоть каплю, хоть глоток –
Все ж пустились наутек,
Но никак не старина, не Ганга Дин.
Вот он, спорый, как всегда;
Вот – зеленая вода
С головастиками, – слаще лучших вин
Оказалась для меня!
Между тем из-под огня
Оттащил меня все тот же Ганга Дин!

А рядом: Дин! Дин! Дин!
Что ж орешь ты, подыхающий кретин?
Ясно, пуля в селезенке,
Но взывает голос тонкий:
Ради Бога, ради Бога, Ганга Дин!

Он меня к носилкам нес.
Грянул выстрел – водонос
Умер с подлинным достоинством мужчин,
Лишь сказал тихонько мне:
«Я надеюсь, ты вполне
Был водой доволен», – славный Ганга Дин.
Ведь и я к чертям пойду:
Знаю, встретимся в аду,
Где без разницы – кто раб, кто господин;
Но поилка наш горазд:
Он и там глотнуть мне даст,
Грешных душ слуга надежный, Ганга Дин!

Да уж – Дин! Дин! Дин!
Посиневший от натуги Ганга Дин,
Пред тобой винюсь во многом,
И готов поклясться Богом:
Ты честней меня и лучше, Ганга Дин.

Перевел Е. Витковский

ΩΩΩ

ВЕРБЛЮДЫ
(Товарные поезда Северной Индии)

Когда сердца солдат сильней забиться бы могли?
От слов команды: «Заряжай!» – а после: «Ляг!» и «Пли!»?
Нет: вот когда у тесных троп все с нетерпеньем ждут,
Чтоб интендантский груз привез снабженческий верблюд.
Ох, верблюд! Ох, верблюд! С важным видом идиота
Он раскачивает шеей, как корзиной злобных змей.
Не ворчит он, не кричит, делает свою работу.
Нагрузите-ка побольше, приторочьте поплотней!

Что заставляет нас, солдат, все в мире проклинать?
И что солдат-туземцев так заставит задрожать?
То, что патаны в эту ночь нам разнесут палатки?
Да нет, похуже: вдруг верблюд над ней раздует складки!
Ох, верблюд! Ох, верблюд! Волосатый и косматый,
За оттяжки от палаток спотыкается в пыли.
Мы шестом его бьем, мы орем ему: «Куда ты?»,
Ну а он еще кусает руки, что его спасли.

Известно: лошадь-то чутка, а вол совсем дурак,
Слон – джентльмен, а местный мул упрямей, чем ишак.
Но вот снабженческий верблюд, как схлынет суета,–
И дьявол он, и страус он, и мальчик-сирота.
Ох, верблюд! Ох верблюд! Ох, кошмар, забытый богом,
Где приляжет – вьется птичка и мелодию свистит.
Загородит нам проходы – и лежит перед порогом,
А как на ноги поднимем – так, скотина, убежит!

Хромает, весь в царапинах, воняет – просто страх!
Отстанет – потеряется и пропадет в песках.
Он может целый день пастись, но в ночь – поднимет вой,
А грязь найдет – так уж нырнет аж чуть не с головой!
Ох, верблюд! Ох, верблюд! Шлеп и хлоп – в грязи забавы,
Только выпрямил колени – и во взгляде торжество.
Племя дикое налево, племя дикое направо,
Но для Томми нет заторов, раз верблюд везет его!

Но вот закончен трудный марш, и лагерь впереди.
И где-то выстрелы гремят, и крики позади,
Тут расседлаем мы его – испил он скорбь до дна,
И так мечтает он за все нам отомстить сполна,

Ох, верблюд! Ох, верблюд! Как горбы в пустыне плыли!
У источника приляжет, где фонтанчиком вода,
А когда к нему подходим так не ближе, чем на милю:
В бочку морду он засунет – пропадем ведь мы тогда!

Перевела Г. Усова

ΩΩΩ

МАРОДЕРЫ

Если яйца ты фазаньи хоть однажды воровал,
Иль белье с веревки мокрое упер,
Иль гуся чужого лихо в вещмешок к себе совал –
Раскумекаешь и этот разговор.
Но армейские порядки неприятны и несладки,
Здесь не Англия, подохнешь ни за грош.
(*Рожок*: Не врешь!)
Словом, не морочься вздором, раз уж стал ты мародером,
Так что –
(*Хор*) Все – в дрожь! Все – в дрожь! Даешь!
Даешь! Гра-беж!
Гра-беж! Гра-беж!
Ох, грабеж!
Глядь, грабеж!
Невтерпеж прибарахлиться, невтерпеж!
Кто силен, а кто хитер,
Здесь любой – заправский вор,
Все на свете не сопрешь! Хорош! Гра-беж!
Хапай загребущей лапой! Все – в дрожь! Даешь!
Гра-беж! Гра-беж! Гра-беж!
Чернорожего пристукнешь – так его не хорони,
Для чего совался он в твои дела?
Благодарен будь фортуне – да и краги помяни,
Коль в нутро твое железка не вошла.

Пусть его зароют Томми – уж они всегда на стреме,
Знают – если уж ограбим, так убьем.
И на черта добродетель, если будет жив свидетель?
Поучитесь-ка поставить на своем!
(*Хор*) Все – в дрожь!.. – и т. д.
Если в Бирму перебросят – веселись да в ус не дуй,
Там у идолов – глаза из бирюзы.
Ну, а битый чернорожий сам проводит до статуй,
Так что помни мародерские азы!
Доведут тебя до точки – тут полезно врезать в почки.
Что ни скажет – все вранье: добавь пинка!
(*Рожок*: Слегка!)
Ежели блюдешь обычай – помни, быть тебе с добычей
А в обычай – лупцевать проводника.
(*Хор*) Все – в дрожь!.. и т. д.

Если прешься в дом богатый, баба – лучший провожатый,
Но – добычею делиться надо с ней.
Сколько ты не строй мужчину, но прикрыть-то надо спину,
Женский глаз в подобный час – всего верней.
Ремесло не смей порочить: прежде чем начнешь курочить,
На кладовки не разменивай труда:
(*Рожок*: Да! Да!)
Глянь под крышу! Очень редко хоть ружье, хоть статуэтка
Там отыщется, – поверьте, господа.
(*Хор*) Все – в дрожь!.. и т. д.

И сержант и квартирмейстер, ясно, долю слупят с вас –
Отломите им положенную мзду.
Но – не вздумайте трепаться про сегодняшний рассказ,
Я-то сразу трачу все, что украду.
Ну, прощаемся, ребята: что-то в глотке суховато,
Разболтаешься – невольно устаешь.
(*Рожок*: Не врешь!)
Не видать бы вам позора, эх, нахлебнички Виндзора
А видать бы только пьянку да дележ!
(*Хор*) Да, грабеж!
Глядь, грабеж!
Торопись прибарахлиться, молодежь!
Кто силен, а кто хитер,
Здесь любой – матерый вор.
Жаль, всего на свете не сопрешь! Хо-рош! Гра-беж!
Гра-беж!
Служишь – хапай! Всей лапой! Все – в дрожь!
Все – в дрожь! Гра-беж! Гра-беж!
Гра-беж!

Перевел Е. Витковский

ВДОВА ИЗ ВИНДЗОРА

Кто не знает Вдовы из Виндзора,
Коронованной старой Вдовы?
Флот у ней на волне, миллионы в казне,
Грош из них получаете вы
(*Сброд мой милый! Наемные львы!*)
На крупах коней Вдовьи клейма,
Вдовий герб на аптечке любой.
Строгий Вдовий указ, словно вихрь гонит нас
На парад, на ученья и в бой
(*Сброд мой милый! На бойню – не в бой!*)
Так выпьем за Вдовье здоровье,
За пушки и боезапас,
За людей и коней, сколько есть их у ней,
У Вдовы, опекающей нас
(*Сброд мой милый! Скликающей нас!*)

Просторно Вдове из Виндзора,
Полмира числят за ней.
И весь мир целиком добывая штыком,
Мы мостим ей ковер из костей
(*Сброд мой милый! Из наших костей!*)
Не зарься на Вдовьи лабазы,
И перечить Вдове не берись.
По углам, по щелям впору лезть королям,
Если только Вдова скажет: «Брысь!»
(*Сброд мой милый! Нас шлют с этим «брысь!»*)
Мы истинно Дети Вдовицы!
От тропиков до полюсов
Нашей ложи размах! На штыках и клинках
Ритуал отбряцаем на зов
(*Сброд мой милый! Ответ-то каков?)*!

Не суйся к Вдове из Виндзора,
Исчезни, покуда ты цел!
Мы, охрана ее, по команде «В ружье!»
Разом словим тебя на прицел.
(*Сброд мой милый! А кто из вас цел?*)!
Возьмись, как Давид-псалмопевец
За крылья зари – и всех благ!
Всюду встретят тебя ее горны, трубя,
И ее трижды латаный флаг
(*Сброд мой милый! Равненье на флаг!*)
Так выпьем за Вдовьих сироток,

Что в строй по сигналу встают,
За их красный наряд, за их скорый возврат
В край родной и в домашний уют
(*Сброд мой милый! Вас прежде убьют!*)

Перевел А. Щербаков

ΩΩΩ

БЛЯХИ

Мы подрались на Силвер-стрит: сошлись среди бульвара
С ирландскими гвардейцами английские гусары.
У Гаррисона началось, потом пошли на реку.
Там портупеи сняли мы и выдали им крепко.
Звон блях, блях, блях – грязные скоты!
Звон блях, блях, блях – получай и ты!
Звон блях!
Ттрах! Ттрах!
Удар! Удар! Удар!
Пускай ремни свистят на весь бульвар!

Мы подрались на Силвер-стрит: схватились два полка.
Такого, верно, в Дублине не видели пока.
«Индусские ублюдки!» – ирландцы нам кричали.
«Эй, тыловые крысы!» – кричали англичане.
Мы подрались на Силвер-стрит, и я был в этом деле.
Там на бульваре вечером – зззых! – ремни свистели.
Не помню, чем все началось, но помню, что к рассвету
Я был заместо формы одет в одни газеты.

Мы подрались на Силвер-стрит – и нас патруль застукал.
Мы чересчур перепились, и заедала скука.
Ирландцев морды постные нам что-то не понравились:
Одних мы в реку сбросили, с другими так расправились.

Мы подрались на Силвер-стрит... Дрались бы и сейчас,
Да вот револьвер на беду схватил один из нас.
(Я знаю, это Хуган был). Мы смотрим: лужа крови...
Хотели поразмяться – и парня вот угробили.

Мы подрались на Силвер-стрит, и выстрел кончил драку,
И каждый чувствовал себя побитою собакой.
Беднягу унесли; мы все клялись: «не я стрелял»,
И как нам было жаль его, он так и не узнал.

Мы подрались на Силвер-стрит – еще не кончен бал!
В кутузке многие сейчас, пойдут под трибунал.
И я вот тоже на губе сижу с опухшей рожей.
Мы подрались на Силвер-стрит – но черт! Из-за чего же?

Звон блях, блях, блях – грязные скоты!
Звон блях, блях, блях – получай и ты!

Звон блях!
Тррах! Тррах!
Удар! Удар! Удар!
Пускай ремни свистят на весь бульвар!

Перевел Г. Бен

ΩΩΩ

БРИТАНСКИЕ РЕКРУТЫ

Если рекрут в восточные заслан края –
Он глуп, как дитя, он пьян, как свинья,
Он ждет, что застрелят его из ружья, –
Но становится годен солдатом служить.
Солдатом, солдатом, солдатом служить,
Солдатом, солдатом, солдатом служить.
Солдатом, солдатом, солдатом служить,
Слу-жить – Королеве!

Эй вы, понаехавшие щенки!
Заткнитесь да слушайте по-мужски.
Я, старый солдат, расскажу напрямки,
Что такое солдат, готовый служить,
Готовый, готовый, готовый служить...

Не сидите в пивной, говорю добром,
Там такой поднесут вам едучий ром,
Что станет башка – помойным ведром,
А в виде подобном – что толку служить,
Что толку, что толку, что толку служить...

При холере – пьянку и вовсе долой,
Кантуйся лучше трезвый и злой,
А хлебнешь во хмелю водицы гнилой –
Так сдохнешь, а значит – не будешь служить,
Не будешь, не будешь, не будешь служить... – и т. д.

Но солнце в зените – твой худший враг,
Шлем надевай, покидая барак,
Скинешь – тут же помрешь, как дурак,
А ты между тем – обязан служить,
Обязан, обязан, обязан служить... – и т. д.

От зверюги-сержанта порой невтерпеж,
Дурнем будешь, если с ума сойдешь,
Молчи, да не ставь начальство ни в грош –
И ступай, пивцом заправясь, служить,
Заправясь, заправясь, заправясь, служить... –

Жену выбирай из сержантских вдов,
Не глядя, сколько ей там годов,
Любовь – не заменит прочих плодов:

Голодая, вовсе не ловко служить,
Неловко, неловко, неловко служить... – и т.д.

Коль жена тебе наставляет рога,
Ни к чему стрелять и пускаться в бега;
Пусть уходит к дружку, да и вся недолга, –
Кто к стенке поставлен – не может служить.
Не может, не может, не может служить... –

Коль под пулями ты и хлебнул войны –-
Не думай смыться, наклавши в штаны.
Убитым страхи твои не важны,
Вперед – согласно долгу, служить,
Долгу, долгу, долгу служить... – и т.д.

Если пули в цель не ложатся точь-в-точь,
Не бубни, что винтовка, мол, сучья дочь, –
Она ведь живая и может помочь –
Вы вместе должны учиться служить,
Учиться, учиться, учиться служить... – и т.д.

Задернут зады, словно бабы, враги
И попрут на тебя – вышибать мозги,
Так стреляй – и Боже тебе помоги,
А вопли врагов не мешают служить,
Мешают, мешают, мешают служить... – и т. д.

Коль убит командир, а сержант онемел.
Спокойно войди в положение дел,
Побежишь – все равно не останешься цел,
Ты жди пополненья, решивши служить,
Решивши, решивши, решивши служить... – и т. д.

Но коль ранен ты и ушла твоя часть, –
Чем под бабьим афганским ножом пропасть,
Ты дуло винтовки сунь себе в пасть,
И к Богу иди-ка служить,
Иди-ка, иди-ка, иди-ка служить,
Иди-ка, иди-ка, иди-ка служить,
Иди-ка, иди-ка, иди-ка служить,
Слу-жить – Королеве!

Перевел Е. Витковский

МАНДАЛЕЙ

Смотрит пагода в Мульмейне на залив над ленью дня.
Там девчонка в дальней Бирме, верно, помнит про меня.
Колокольцы храма плачут в плеске пальмовых ветвей:
Эй, солдат, солдат британский, возвращайся в Мандалей!

Возвращайся в Мандалей,
Слышишь тихий скрип рулей?
Слышишь ли, как плещут плицы из Рангуна в Мандалей,
По дороге в Мандалей,
Где летучих рыбок стаи залетают выше рей,
И рассвет, внезапней грома,
Бьет в глаза из-за морей!

В яркой, как листва, шапчонке, в юбке, желтой, как заря...
Супи-Яулат ее звали – точно, как жену Царя.
Жгла она какой-то ладан, пела, идолу молясь,
Целовала ему ноги, наклоняясь в пыль, да в грязь.

Идола того народ
Богом-Буддою зовет...
Я поцеловал девчонку: лучше я, чем идол тот
На дороге в Мандалей!

А когда садилось солнце и туман сползал с полей,
Мне она, бренча на банджо, напевала «Кулла-лей»,
Обнял я ее за плечи, и вдвоем, щека к щеке,
Мы пошли смотреть, как хатис грузят бревна на реке.

Хатис, серые слоны,
Тик весь день грузить должны
Даже страшно, как бы шепот не нарушил тишины
На дороге в Мандалей.

Все давным-давно минуло: столько миль и столько дней!
Но ведь омнибус от Банка не доедет в Мандалей!
Только в Лондоне я понял – прав был мой капрал тогда:
Кто расслышал зов Востока, тот отравлен навсегда!

Въестся в душу на века
Острый запах чеснока,
Это солнце, эти пальмы, колокольчики, река
И дорога в Мандалей...

Моросит английский дождик, пробирает до костей,
Я устал сбивать подошвы по булыжникам аллей!
Шляйся с горничными в Челси от моста и до моста –
О любви болтают бойко, да не смыслят ни черта!

Рожа красная толста,
Не понять им ни черта!
Нет уж, девушки с Востока нашим дурам не чета!
А дорога в Мандалей?..

Там, к Востоку от Суэца, где добро и зло равны,
Десять заповедей к черту! Там иные снятся сны!
Колокольчики лопочут, тонкий звон зовет меня
К старой пагоде в Мульмейне, дремлющей над ленью дня.

По дороге в Мандалей.
Помню тихий скрип рулей...
Уложив больных под тенты, – так мы плыли в Мандалей,
По дороге в Мандалей,
Где летучих рыбок стаи залетают выше рей
И рассвет, внезапней грома,
Бьет в глаза из-за морей...

Перевел В. Бетаки

ПИКНИК У ВДОВЫ

«Эй, Джонни, да где ж пропадал ты, старик,
Джонни, Джонни?»
«Был приглашен я к Вдове на пикник».
«Джонни, ну, ты и даешь!»
«Вручили бумагу, и вся недолга:
Явись, мол, коль шкура тебе дорога,
Напра-во! – и топай к чертям на рога,
На праздник у нашей Вдовы».
(*Горн: «Та-рара-та-та-рара!»*)

«А чем там поили-кормили в гостях,
Джонни, Джонни?»
«Тиной, настоенной на костях».
«Джонни, ну, ты и даешь!»
«Баранинкой жестче кнута с ремешком,
Говядинкой с добрым трехлетним душком
Да, коли стащишь сам, – петушком
На празднике нашей Вдовы».

«Зачем тебе выдали вилку да нож,
Джонни, Джонни?»
«А там без них уж никак не пройдешь».
«Джонни, ну, ты и даешь!»
«Было что резать и что ворошить,
Было что ткнуть и что искрошить,
Было что просто кромсать-потрошить
На празднике нашей Вдовы».

«А где ж половина гостей с пикника,
Джонни, Джонни?»
«У них оказалась кишка тонка».
«Джонни, ну, ты и даешь!»
«Кто съел, кто хлебнул всего, что дают,
А этого ведь не едят и не пьют,
Вот их птички теперь и клюют
На празднике нашей Вдовы».

«А как же тебя отпустила мадам,
Джонни, Джонни?»
«В лёжку лежащим, ручки по швам».
«Джонни, ну, ты и даешь!»

«Приставили двух черномазых ко мне
Носилки нести, ну а я – на спине
По-барски разлегся в кровавом говне
На празднике нашей Вдовы».

«А чем же закончилась вся толкотня,
Джонни, Джонни?»
«Спросите полковника, а не меня».
«Джонни, ну, ты и даешь!»
«Король был разбит, был проложен тракт,
Был суд учрежден, в чем скреплен был акт,
А дождик смыл кровь – да украсит сей факт
Праздник нашей Вдовы».
(*Горн: «Та-рара-та-та-рара!»*)

Перевел А. Щербаков

ΩΩΩ

ПЕРЕПРАВА У КАБУЛА

Возле города Кабула –
Шашки к бою, марш вперед! –
Нас полсотни утонуло,
Как мы пёрли через брод –
Брод, брод, брод у города Кабула,
Брод у города Кабула в эту ночь!
Там товарищ мой лежит,
И река над ним бежит
Возле города Кабула в эту ночь!

Возле города Кабула –
Шашки к бою, марш вперед! –
Половодьем реку вздуло.
Боком вышел нам тот брод,
Не забуду за бедой
То лицо под той водой
Возле города Кабула в эту ночь.

Зной в Кабуле, пыль в Кабуле –
Шашки к бою, марш вперед! –
Кони вплавь не дотянули,
Как мы пёрли через брод,
Брод, брод, брод у города Кабула,
Брод у города Кабула в эту ночь!
Лучше мне бы лечь на дно,
Да теперь уж все равно
После брода у Кабула в эту ночь.

Нам велели взять Кабул –
Шашки к бою, марш вперед! –
Я б не то еще загнул,
Так им сдался этот брод,
Брод, брод, брод у города Кабула,
Брод у города Кабула в эту ночь!
Там сухого нет подходу, –
Не хотите ль прямо в воду –
В брод у города Кабула в эту ночь?

К черту-дьяволу Кабул –
Шашки к бою, марш вперед! –
Лучший парень утонул,
Как поперся в этот брод,
Брод, брод, брод у города Кабула,

Брод у города Кабула в эту ночь!
Бог, прости их и помилуй,
Под ружьем пошли в могилу
С этим бродом у Кабула в эту ночь.

Прочь от города Кабула –
Шашки в ножны, марш вперед! –
Так река и не вернула
Тех, кто лезли в этот брод.
Брод, брод, брод у города Кабула,
Брод у города Кабула в эту ночь!
Там давно уж обмелело,
Но кому какое дело
После брода у Кабула в эту ночь!

Перевел М. Гаспаров

ΩΩΩ

МАРШЕМ ПО ДОРОГЕ

Вот и мы в резерв уходим среди солнечных полей.
Рождество уж на носу – и позади сезон дождей.
«Эй, погонщики! – взывает злой трубы походный рев.
По дороге полк шагает – придержите-ка быков!»
Левой-правой, впе-ред!
Левой-правой, впе-ред!
Это кто еще там споты-ка-ет-ся?

Все привалы так похожи, всюду то же и одно:
Барабаны повторяют:
«Тара-рам! Тара-ро!
Кико киссиварсти, что ты там не *хемшер арджи джо*?»

Ух торчат какие храмы, аж рябит от них в глазах,
И вокруг павлины ходят, и мартышки на ветвях,
А серебряные травы с ветром шепчутся весь день,
Изгибается дорога, как винтовочный ремень.
Левой-правой, впе-ред, и т. д.

Был приказ, чтоб к полшестому поснимать палатки вмиг,
(Так в корзины сыроежки клали мы, в краях родных)
Ровно в шесть выходим строем, по минутам, по часам!
Наши жены на телегах, и детишки тоже там.
Левой-правой, впе-ред, и т. д.

«Вольно!» – мы закурим трубки, отдохнем да и споем;
О харчах мы потолкуем, ну и так, о том о сем.
О друзьях английских вспомним – как живут они сейчас?
Мы теперь на хинди шпарим – не понять им будет нас!
Левой-правой, впе-ред, и т. д.

В воскресенье ты на травке сможешь проводить досуг
И глядеть, как в небе коршун делает за кругом круг.
Баб, конечно, нет, зато уж без казармы так легко:
Офицеры на охоте, мы же режемся в очко.
Левой-правой, впе-ред, и т. д.

Что ж вы жалуетесь, братцы, что вы там несете вздор?
Есть ведь вещи и похуже, чем дорога в Каунпор.
По дороге стер ты ноги? Не дает идти мозоль?
Так засунь в носок шмат сала – и пройдет любая боль.
Левой-правой, впе-ред, и т.д

Вот и мы в резерв уходим, нас индийский берег ждет:
Восемьсот веселых томми, сам полковник нас ведет.
«Эй, погонщики! – взывает злой трубы походной рев –
По дороге полк шагает – придержите-ка быков!»
Левой-правой, впе-ред!
Левой-правой, впе-ред!
Это кто еще там спотыка-ет-ся?
Все привалы так похожи, всюду то же и одно.
Барабаны повторяют:
«Тара-рам! Тара-ро!
Кико киссиварти, что ты там не *хемшер арджи джо*?»

Перевела Г. Усова

ШИЛЛИНГ В ДЕНЬ

Зовусь я о'Келли, и я в самом деле
От Бирра до Дели весь путь одолел;
Бывал в Дургапуре,
В Нагпуре, в Канпуре,
И много других этих «пуров» видал.
Пришлось мне несладко: хватал лихорадку,
Под выкладкой топал и в дождь, и в сухмень.
И стал вроде болен –
И вот я уволен,
И платят мне нынче по шиллингу в день.

Хор: *По шиллингу в день –*
Подтяни-ка ремень
И будь благодарен за шиллинг в день.

А помню, когда я, поводья сжимая,
Летел, а сипаи за мною неслись;
Плескались знамена, и два эскадрона
С врагами сшибались, да так, что держись!
Берет меня злоба, как вижу трущобу,
В которой с женой мы ютимся вдвоем.
Стал Патрик о'Келли
Рассыльным в отеле
И письма по Дели разносит бегом.

Хор: *Стал Патрик о'Келли*
Рассыльным в отеле,
Так дайте письмо вы сержанту о'Келли.
Повсюду бывал он,
И повоевал он,
И вот он теперь вне себя от гнева:
Боже, храни королеву!

Перевел Г. Бен

«ДРУГИЕ СТИХИ»

БАЛЛАДА О ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ

Запад есть Запад, Восток есть Восток – им не сойтись никогда
До самых последних дней Земли, до Страшного Суда!
Но ни Запада нет, ни Востока, ни границы, ни расы нет,
Если двое сильных лицом к лицу, будь они хоть с разных планет!

Поднять восстание горных племен на границу бежал Камал,
И кобылу полковника – гордость его – у полковника он угнал.
Чтоб не скользила – шипы ввинтил в каждую из подков,
Из конюшни ее в предрассветный час вывел – и был таков!
Тогда сын полковника, что водил Горных Стрелков взвод,
Созвал людей своих и спросил, где он Камала найдет?
И сказал ему рессалдара сын, молодой Мухаммед Хан:
«Людей Камала найдешь ты везде, где ползет рассветный туман;
Пускай он грабит хоть Абазай, хоть в Боннайр его понесло,
Но чтоб добраться к себе домой не минует он форта Букло.
Если ты домчишься до форта Букло, как стрела, летящая в цель,
То с помощью Божьей отрежешь его от входа в Джагайскую щель.
Если ж он проскочит в Джагайскую щель – тогда погоне конец:
На плоскогорье людей его не сочтет ни один мудрец!
За каждым камнем, за каждым кустом скрыты стрелки его,
Услышишь, как щелкнет ружейный затвор, обернешься – и никого».
Тут сын полковника взял коня – злого гнедого коня,
Словно слепил его сам Сатана из бешеного огня.
Вот доскакал он до форта Букло. Там хотели его накормить,
Но кто бандита хочет догнать, не станет ни есть, ни пить.
И он помчался из форта Букло, как стрела, летящая в цель,
И вдруг увидел кобылу отца у входа в Джагайскую щель.
Увидел он кобылу отца, – на ней сидел Камал, –
Только белки ее глаз разглядел – и пистолет достал.
Раз нажал и второй нажал – мимо пуля летит...
«Как солдат стреляешь!» – крикнул Камал, – а каков из тебя джигит?»
И помчались вверх, сквозь Джагайскую щель – черти прыщут из-под копыт, –
Несется гнедой как весенний олень, а кобыла как лань летит!
Ноздри раздув, узду натянув, мундштук закусил гнедой,
А кобыла, как девочка ниткой бус, поигрывает уздой.
Из-за каждой скалы, из любого куста целится кто-то в него,
Трижды слыхал он, как щелкнул затвор, и не видал никого.
Сбили луну они с низких небес, копытами топчут рассвет,
Мчится гнедой как вихрь грозовой, а кобыла – как молнии свет!
И вот гнедой у ручья над водой рухнул и жадно пил,
Тут Камал повернул кобылу назад, ногу всадника освободил,
Выбил из правой руки пистолет, пули выкинул все до одной:
«Только по доброй воле моей ты так долго скакал за мной!

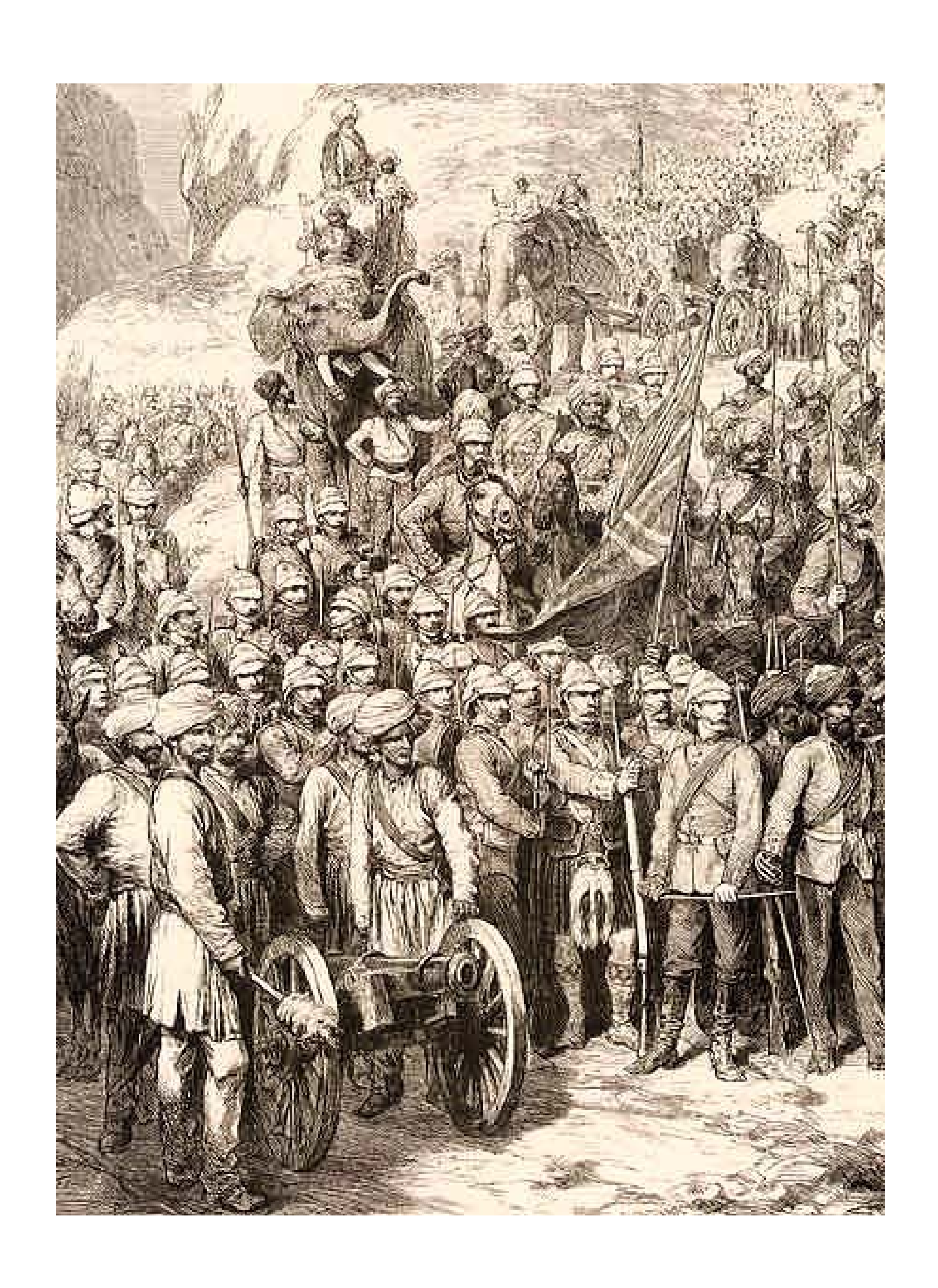
Тут на десятки миль окрест – ни куста, ни кучки камней,
Где б не сидел с винтовкой в руках один из моих людей!
И если б я только взмахнул рукой (а я и не поднял ее!),
Сбежались бы сотни шакалов сюда, отведать мясо твое!
Стоило мне головой кивнуть – один небрежный кивок –
И коршун вон тот нажрался бы так, что и взлететь бы не смог!»
А сын полковника отвечал: «Угощай своих птиц и зверей,
Но сначала прикинь, чем будешь платить за еду на пирушке твоей!
Если тысяча сабель сюда придет кости мои унести –
По карману ли вору шакалий пир? Сможешь – так заплати!
Кони съедят урожай на корню, а люди – твоих коров,
Да чтоб зажарить стадо твое, сгодятся крыши домов,
Если считаешь, что эта цена справедлива – так в чем вопрос,
Шакалов, родственников своих, сзывай на пирушку, пес!
Но если сочтешь ты, что заплатить не можешь цены такой,
Отдай сейчас же кобылу отца, и я поеду домой».
Камал его за руку поднял с земли, поставил и так сказал:
«Два волка встретились – и ни при чем ни собака тут, ни шакал!
Чтоб я землю ел, если мне взбредет хоть словом тебя задеть:
Но что за дьявол тебя научил смерти в глаза глядеть?»
А сын полковника отвечал: «Я – сын отца своего.
Клянусь, он достоин тебя – так прими эту лошадь в дар от него!»
А кобыла уткнулась ему в плечо, побрякивая уздой.
Нас тут двое – сказал Камал, – но ближе ей молодой!
Так пусть она носит бандитский дар – седло и узду с бирюзой,
Мои серебряные стремена и чепрак с золотой тесьмой.
А сын полковника подал ему пистолет с рукояткой резной:
«Ты отобрал один у врага – возьмешь ли у друга второй?»
«Дар за дар, – отвечал Камал, – и жизнь за жизнь я приму:
Отец твой сына ко мне послал – своего отправлю к нему.
Свистнул Камал, и тут же предстал его единственный сын.
«Вот командир горных стрелков – теперь он твой господин.
Ты всегда будешь слева с ним рядом скакать, охранять его в грозный час,
До тех пор, пока или я, или смерть не отменят этот приказ.
Будешь служить ему ночью и днем, теперь своей головой
За него и в лагере, и в бою отвечаешь ты предо мной!
Хлеб его королевы ты будешь есть, его королеве служить,
Будешь против отца воевать и Хайбер от меня хранить,
Да так, чтоб тебя повышали в чинах, чтоб знал я: мой сын – рессалдар,
Когда поглазеть на казнь мою сойдется весь Пешавар!»
И взглянули парни друг другу в глаза, и не был взгляд чужим:
И клятву кровными братьями быть хлеб-соль закрепили им.
Клятву кровными братьями быть закрепили дерн и огонь,
И хайберский нож, на котором прочтешь тайну всех Господних имен.
Сын полковника сел на кобылу отца, сын Камала скакал на гнедом,
И к форту, откуда уехал один, примчались они вдвоем.

А им навстречу конный разъезд – двадцать сабель враз из ножен:
Крови горца жаждал каждый солдат, всем был известен он.
«Стойте, – крикнул полковничий сын, – сабли в ножны! Мы с миром идем
Тот, кто вчера бандитом был, стал сегодня горным стрелком».

Запад есть Запад, Восток есть Восток, им не сойтись никогда
До самых последних дней Земли, до Страшного Суда!
Но ни Запада нет, ни Востока, ни стран, ни границ, ни рас,
Если двое сильных лицом к лицу встретятся в некий час!

Перевел В. Бетаки

ΩΩΩ

ЦАРИЦА БУНДИ

Он умирал, Удаи Чанд,
Во дворце на кругом холме.
Всю ночь был слышен гонга звон.
Всю ночь из дома царских жен
Долетал приглушенный, протяжный стон,
Пропадая в окрестной тьме.

Сменяясь, вассалы несли караул
Под сводами царских палат,
И бледной светильни огонь озарял
Ульварскую саблю, тонкский кинжал,
И пламенем вспыхивал светлый металл
Марварских нагрудных лат.

Всю ночь под навесом на крыше дворца
Лежал он, удушьем томим.
Не видел он женских заплаканных лиц,
Не видел опущенных черных ресниц
Прекраснейшей Бунди, царицы цариц,
Готовой в могилу за ним.

Он умер, и факелов траурный свет,
Как ранняя в небе заря,
С башен дворца по земле пробежал –
От речных берегов до нависших скал.
И женщинам плакать никто не мешал
О том, что не стало царя.

Склонившийся жрец завязал ему рот.
И вдруг в тишине ночной
Послышался голос царицы: – Умрем,
Как матери наши, одеты огнем,
На свадебном ложе, бок о бок с царем.
В огонь, мои сестры, за мной!

Уж тронули нежные руки засов
Дворцовых дверей резных.
Уж вышли царицы из первых ворот.
Но там, где на улицу был поворот,
Вторые ворота закрылись, – и вот
Мятеж в голубятне затих.

И вдруг мы услышали смех со стены
При свете встающего дня:
– Э-гей! Что-то стало невесело тут!
Пора мне покинуть унылый приют,
Коль дом погибает, все крысы бегут.
На волю пустите меня!

Меня не узнали вы? Я – Азизун.
Я царской плясуньей была.
Покойник любил меня больше жены,
Но вдовы его не простят мне вины!... –
Тут девушка прыгнула вниз со стены.
Ей стража дорогу дала.

Все знали, что царь больше жизни любил
Плясунью веселую с гор,
Молился ее плосконосым божкам,
Дивился ее прихотливым прыжкам
И всех подчинил ее тонким рукам –
И царскую стражу, и двор.

Царя отнесли в усыпальню царей,
Где таятся под кровлей гробниц
Драгоценный ковер и резной истукан.
Вот павлин золотой, хоровод обезьян,
Вот лежит перед входом клыкастый кабан,
Охраняя останки цариц.

Глашатай усопшего титул прочел,
А мы огонь развели.
«Гряди на прощальный огненный пир,
О царь, даровавший народу мир,
Властитель Люни и Джейсульмир,
Царь джунглей и всей земли!»

Всю ночь полыхал погребальный костер.
И было светло как днем.
Деревья ветвями шуршали, горя.
И вдруг из часовни одной, с пустыря,
Женщина бросилась к ложу царя,
Объятому бурным огнем.

В то время придворный на страже стоял
На улице тихих гробниц.
Царя не однажды прикрыл он собой.
Ходил он с царем на охоту и в бой,

И был это воин почтенный, седой
И родич царицы цариц.

Он женщину видел при свете костра,
Но мало он думал в ту ночь,
Чего она ищет, скитаясь во мгле
По этой кладбищенской скорбной земле,
Подходит к огню по горячей золе
И снова отходит прочь.

Но вот он сказал ей: – Плясунья, сними
С лица этот скромный покров.
Царю ты любовницей дерзкой была,
Он шел за тобою, куда ты звала,
Но горестный пепел его и зола
На твой не откликнутся зов!

– Я знаю, – плясунья сказала в ответ, –
От вас я прощенья не жду.
Творила я очень дурные дела,
Но пусть меня пламя очистит от зла,
Чтоб в небе я царской невестой была.
Другие пусть воют в аду!

Но страшно, так страшно дыханье огня,
И я не решусь никогда!
О воин, прости мою дерзкую речь:
Коль ты запятнать не боишься свой меч,
Ты голову мне согласишься отсечь?
И воин ответил: – Да.

По тонкому, длинному жалу меча
Струилась полоскою кровь,
А воин подумал: «Царица-сестра
С почившим супругом не делит костра,
А та, что блудницей считалась вчера,
С ним делит и смерть и любовь!»

Ворочались бревна в палящем огне,
Кипела от жара смола.
Свистел и порхал по ветвям огонек
Голубой, как стального кинжала клинок.
Но не знал он, чье тело, чье сердце он жег
Это Бунди-царица была.

Перевел С. Маршак

ΩΩΩ

БАЛЛАДА О «БОЛИВАРЕ»

Снова мы вернулись в порт – семь морских волков.
Пей, гуляй, на Рэдклиф-стрит хватит кабаков.
Краток срок на берегу – девки, не зевай!
Протащили «Боливар» мы через Бискай!

Погрузились в Сандерленде, фрахт – стальные балки,
Только вышли – и назад: скачет груз козлом.
Починились в Сандерленде и поплыли валко:
Холодрыга, злые ветры, бури – как назло.

Корпус, гад, трещал по швам, сплевывал заклепки,
Уголь свален на корме, грузы – возле топки,
Днище будто решето, трубы – пропадай.
Вывели мы «Боливар», вывели в Бискай!

Маяки нам подмигнули: «Проходи, ребята!»
Маловат угля запас, кубрик тоже мал.
Вдруг удар – и переборка вся в гармошку смята,
Дали крен на левый борт, но ушли от скал.

Мы плелись подбитой уткой, напрягая душу,
Лязг как в кузнице и стук – заложило уши,
Трюмы залиты водой – хоть ведром черпай.
Так потрюхал «Боливар» в путь через Бискай!

Нас трепало, нас швыряло, нас бросало море,
Пьяной вцепится рукой, воет и трясет.
Сколько жить осталось нам, драли глотки в споре,
Уповая, что Господь поршень подтолкнет.

Душит угольная пыль, в кровь разбиты рожи,
На сердце тоска и муть, ноги обморожены.
Проклинали целый свет – дьявол, забирай:
Мы пошли на «Боливаре» к дьяволу в Бискай!

Нас вздымало к небесам, мучило и гнуло,
Вверх и вниз, и снова вверх – ну не продохнуть,
А хозяйская страховка нас ко дну тянула,
Звезды в пляске смерти нам освещали путь.

Не присесть и не прилечь – ничего болтанка!
Волны рвут обшивку в хлам – ржавая, поганка!
Бешеным котом компас скачет, разбирай,
Где тут север, где тут юг, – так мы шли в Бискай!

Раз взлетели на волну, сверху замечаем:
Мчит плавучий гранд-отель, весь в огнях кают.
«Эй, на лайнере! – кричим. – Мы тут загораем,
Вам, салаги, бы сюда хоть на пять минут!»

Тут проветрило мозги нам порывом шквала.
Старый шкипер заорал: «Ворот закрепляй!»
«Ну-ка, парни, навались, румпель оторвало!»
Без него, на тросах – так мы прошли Бискай!

Связка сгнивших планок, залитых смолой,
Приплелась в Бильбао, каждый чуть живой.
Хоть не полагалось нам достичь земли,
Мы надули Божий Шторм, Море провели.

Снова мы вернулись в порт, семь лихих ребят.
Миновали сто смертей, нам сам черт не брат.
Что ж, хозяин, ты не рад, старый скупердяй
Оттого что «Боливар» обыграл Бискай?

Перевел А. Долинин

ЗАТЕРЯННЫЙ ЛЕГИОН*

Разделён на тысячи взводов
(Ни значков, ни знамен над ним),
Ни в каких он не числится списках,
Но прокладывает путь другим!
Отцы нас благословляли,
Баловали как могли, –
Мы ж на клубы и мессы плевали:
Нам хотелось – за край земли!
(***Да, ребята***),
Хоть пропасть – но найти край земли!
И вот –

Те жизни портят работорговцам,
Эти шныряют среди островов,
Одни – подались на поиски нефти,
Другие куда-то спасать рабов,
Иные бредут с котелком и свэгом
В седых австралийских степях,
Другие к Радже нанялись в Сараваке,
А кто – в Гималайских горах...

Кто рыбку удит на Занзибаре,
Кто с тиграми делит обед,
Кто чай пьет с добрым Масаем,
А кого и на свете нет...
Мы ныряли в заливы за жемчугом,
Голодали на нищем пайке,
Но с найденного самородка
Платили за всех в кабаке.
(***Пей, ребята!***)

Мы смеялись над миром приличий
(Для нас ведь давно его нет!),
Над дамами, над городами,
Над теми, на ком белый жилет,
Край земли – вот наши владенья,
Океан? – Отступит и он!
В мире не было заварухи
Где не дрался бы наш легион!

Мы прочтем перед армией проповедь,
Мы стычки затеем в церквах,
Не придет нас спасать канонерка
В негостеприимных морях,
Но если вышли патроны, и
Никуда не податься из тьмы, –
Легион, никому не подчиненный,
Пришлет нам таких же, как мы
(***Отчаянную братву***),
Хоть пять сотен таких же, как мы!

Так вот – за Джентльменов Удачи
(Тост наш шепотом произнесен),
За яростных, за непокорных,
Безымянных бродяг легион!
Выпьем, прежде чем разбредемся,
Корабль паровоза не ждет –
Легион, не известный в штабах –
Опять куда-то идет.
Привет!
По палаткам снова!
Уррра!
Со свэгом и котелком.
Вот так!
Вьючный конь и тропа.
Шагай!
Фургон и стоянка в степи...

Перевел В. Бетаки

ОБЪЯСНЕНИЕ**

Любовь и Смерть, закончив бой,
Сошлись в таверне «Род людской»
И, выпив, побросали спьяну
Они в траву свои колчаны.
А утром поняли, что вот
Где чья стрела – черт не поймет!
И стали собирать скорей
В траве любовь и жизнь людей,
Не видя в утреннем тумане,
Чьи стрелы были в чьем колчане:
Смерть кучу стрел Любви взяла
И только позже поняла,
Что эти стрелы ей отвратны.
Ну, а Любовь взяла, понятно,
Смертельных стрел весьма немало,
Которых вовсе не желала.

Вот так в таверне роковой
Произошел конфуз большой:
Но кто и чьей сражен стрелой?
Влюбляется старик седой
И умирает молодой.

Перевел Г. Бен

ЕВАРРА И ЕГО БОГИ*

Читай теперь сказанье о Еварре,
Создателе богов в стране заморской.

Весь город золото ему давал,
И караваны бирюзу возили,
И он в почете был у Короля,
Никто не смел его ни обокрасть,
Ни словом грубым как-нибудь обидеть.
И сделал он прекрасный образ бога
С глазами человеческими бога
В сверкающей жемчужной диадеме,
Украсив золотом и бирюзой.
И мастера король боготворил,
Ему все горожане поклонялись
И воздавали почести как богу,
И вот он написал: «Богов творят
Так. Только так. И смертью будь наказан
Тот, кто иначе их изобразит...»
Весь город чтил его. И вот он умер.

Итак, читай сказанье о Еварре,
Создателе богов в стране заморской...

Был город нищ и золота не знал,
И караваны грабили в дороге,
И угрожал король казнить Еварру,
А на базаре все над ним смеялись.
Еварра, пот и слезы проливая,
В живой скале огромный образ бога
Создав, лицом к Востоку обратил.
Всем ужас бог внушал и днем и ночью,
Поскольку виден был со всех сторон.
Король простил Еварру. Тот же, горд
Тем, что его зовут обратно в город,
На камне вырезал: «Богов творят
Так. Только так. И смертью будь наказан
Тот, кто иначе их изобразит...»
Весь город чтил его. И вот он умер.

Итак, читай сказанье о Еварре,
Создателе богов в стране заморской.

Был диким и простым народ в деревне,
В глухой пустой долине среди гор,
Он из разбитой бурею сосны
Изваял божество. Овечьей кровью
Намазал щеки, а заместо глаз
Он вставил ракушки, и сплел из мха
Подобие косы, а из соломы –
Какое-то подобие короны.
Так рады были мастерству сельчане,
Что принесли ему и крынку меду,
И масла, и баранины печеной.
И пьяный от нечаянных похвал
Он накарябал на бревне ножом
Слова священные: «Богов творят
Так. Только так. И смертью будь наказан
Тот, кто иначе их изобразит...»
И чтили все его. И вот он умер.

Итак, читай сказанье о Еварре,
Создателе богов в стране заморской...

Случилось так, что волею небес
Немного крови не своим путем
В его мозгу гуляло и крутилось.
Еварра был помешанный и странный,
Жил средь скотов, с деревьями играл,
С туманом ссорился, пока ему
Не повелел трудом заняться бог.

И он тогда из глины и рогов
Слепил чудовищную рожу бога
В короне из коровьего хвоста.
И вот, прислушавшись к мычанью стада,
Он бормотал: «Ну да, Богов творят
Так. Только так. И смертью будь наказан
Тот, кто иначе их изобразит...»
А скот мычал в ответ. И вот он умер.

И угодил он в божий Рай и там
Своих богов и надписи свои
Увидел и немало удивлялся,
Как он посмел считать свой труд священным!
Но Бог сказал ему, смеясь: «Возьми
Свое имущество, свои творенья,
Не смейся...» А Еварра закричал:
«Я грешен, грешен!!!» «Нет! – сказал Господь,–
Ведь если б ты иначе написал,
Они б остались деревом и камнем!
А я б ни четырех божеств не знал,
Ни чудной истины твоей, Еварра,
О, раб мычанья и молвы людской!»
Слезы и смех трясли Еварру. Он
Божков повыкинул из рая вон.

Вот вам и все сказанье о Еварре,
Создателе богов в стране заморской...

Перевел В. Бетаки

ГОЛОВОЛОМКА МАСТЕРСТВА*

На зеленый с золотом Райский Сад
первый солнечный луч упал,
Под деревом сидя, отец наш Адам
палкой что-то нарисовал.
Первый в мире рисунок его веселил
не меньше, чем луч рассвета,
Но Дьявол шепнул, шелестя листвой:
«Мило, только искусство ли это?»

Еву муж подозвал и под взглядом ее
всю работу проделал снова.
Первым в мире усвоив, что критика жен
всегда наиболее сурова.
Эту мудрость передал он сыновьям.
Очень Каину было обидно,
Когда на ухо Дьявол ему шепнул:
«Что ж, силён! Но искусства не видно…»

Башню строили люди, чтоб небо встряхнуть
и повывинтить звезды оттуда,
Но Дьявол, рассевшись на кирпичах,
пробурчал: «А с искусством-то худо!»
Камни сыпались сверху, известь лилась
и трясся подъемный кран,
Ибо каждый о смысле искусства вовсю
на своем языке орал.

Захватили споры и битвы весь мир:
север, запад, юг и восток,
И дрогнуло небо, и вдруг пролился
наземь тот самый потоп.
И вот, когда голубя выпустил Ной
поглядеть на все стороны света,
Из-под киля Дьявол забулькал: «Добро,
но не знаю, искусство ли это?»

Стара эта повесть, как Райское Древо,
и нова, как молочные зубы,
Мы ж Искусству и Истине служим с тех лет,
как усы чуть прикрыли губы!
Но сумерки близятся, и когда
постареют душа и тело,

В стуке сердца ты дьявольский слышишь вопрос,
Где искусство во всем, что ты сделал?

Мы ведь можем и Древо Познанья срубить,
древесину пустив на спички,
И родителей собственных затолкать
в яйцо какой-нибудь птички,
Утверждаем, что хвост виляет псом,
Что свинью создают из паштета,
А черт бурчит, как от веку бурчал,
«Все умно, но искусство ли это?»

Вот зеленый с золотом письменный стол
первый солнечный луч озарил,
И сыны Адама водят пером
по глине своих же могил,
Чернил не жалея, сидят они
с рассвета и до рассвета,
А дьявол шепчет, в листках шелестя:
«Мило, только искусство ли это?»

И теперь, если к Древу Познанья мы
проберемся аж в Райский Сад,
И переплывем все четыре реки,
пока архангелы спят,
И найдем венки, что Ева сплела –
то все-таки даже там
Мы едва ли сможем больше постичь,
чем постиг наш отец Адам.

Перевел В. Бетаки

«IN THE NEOLITHIC AGE»:
два параллельных перевода

1. В ЭПОХУ НЕОЛИТА
(ПЕР. В. БЕТАКИ)

В кроманьонский дикий век бился я за устья рек,
За еду, за шкуры диких лошадей,
Я народным бардом стал, все, что видел, – воспевал
В этот сумрачно-рассветный век людей.

И все ту же песнь свою, что и нынче я пою,
Пел я той доисторической весной.
Лед уплыл в морской простор. Гномы, тролли, духи гор
Были рядом, и вокруг, и надо мной.

Но соперник из Бовэ обозвал мой стиль «мовэ»,
И его я томагавком критикнул.
Так решил в искусстве спор диоритовый топор
И граверу из Гренель башку свернул.

Тот гравер был страшно дик: он на мамонтовый клык
Непонятные рисунки наносил!
Но хорошее копье понимание мое
В сердце врезало ему по мере сил.

Снял я скальпы с черепов, накормил отменно псов.
Зубы критиков наклеив на ремни,
Я изрек, разинув пасть: «Им и надо было пасть –
Я ведь знаю, что халтурщики – они!»

Этот творческий скандал идол-предок наблюдал
И сказал мне, выйдя ночью из-под стрех,
Что путей в искусстве есть семь и десять раз по шесть,
И любой из них для песни – лучше всех!

. . . .

Сколько почестей и славы! А боец-то был я слабый –
Времена мне указали путь перстом.
И меня назвали снова «Бард Союза Племенного»,
Хоть поэт я был посредственный при том!

А другим – всю жизнь забота: то сраженье, то охота...
Сколько зубров мы загнали! Счету нет!
Сваи в озеро у Берна вбили первыми, наверно!
Жаль, что не было ни хроник, ни газет!

Христианская эпоха нас изображает плохо:
Нет грязнее нас, крикливее и злей...
Только мы и дело знали: шкуры скоро поскидали
И работать научили дикарей.

Мир велик! И в синей раме замкнут он семью морями,
И на свете разных множество племен,
То, что в Дели неприлично, то в Рейкьявике обычно,
Из Гаваны не получится Сайгон!

Вот вам истина веков, знавших лишь лосиный рев,
Там, где в наши дни – Парижа рев и смех:
Да, путей в искусстве есть семь и десять раз по шесть,
И любой из них для песни – лучше всех!

2. В НЕОЛИТИЧЕСКОМ ВЕКЕ
(ПЕР. М. ФРОМАНА)

В те глухие времена шла упорная война
За еду, за славу и за теплый мех,
Клана моего певцом был я, и я пел о том,
Что пугало или радовало всех.

Пел я! И пою сейчас о весне, что в первый раз
Лед бискайский погнала перед собой;
Гном, и тролль, и великан, боги страшных горных стран
Были вкруг меня, со мной и надо мной.

Но нашел мой стиль «outré» критикан из Солютре, –
Томагавком разрешил я этот спор
И свой взгляд я утвердил на искусство тем, что вбил
В грудь Гренельского гравера свой топор.

И, покончив с ними так, ими накормил собак,
А зубами их украсил я ремни
И сказал, крутя усы: «Хорошо, что сдохли псы,
Прав, конечно, я, а не они».

Но, позор увидя мой, тотем шест покинул свой
И сказал мне в сновиденье: «Знай теперь –
Девяносто шесть дорог есть, чтоб песнь сложить ты мог,
И любая правильна, поверь!»

И сомкнулась тишина надо мной, и боги сна
Изменяли плоть мою и мой скелет;
И вступил я в круг времен, к новой жизни возрожден,
Рядовой, но признанный поэт.

Но, как прежде, тут и там делят братья по стихам
Тушу зубра в драке меж собой.
Богачи тех мрачных дней не держали писарей,
И у Берна наши песни под водой.

И теперь, в культурный век, все воюет человек –
Бьем, терзаем мы друг друга злей и злей,
И высокий долг певца не доводим до конца,
Чтобы выучить работать дикарей.

Мир еще огромный дом – семь морей лежат на нем,
И не счесть народов разных стран;
И мечта, родившись в Кью, станет плотью в Катмандью,
Вора Клепэма накажет Мартабан.

Вот вам мудрость навсегда – я узнал ее, когда |
Лось ревел там, где Париж ревет теперь:
«Девяносто шесть дорог есть, чтоб песнь сложить ты мог,
И любая правильна, поверь!»

ΩΩΩ

ЛЕГЕНДЫ О ЗЛЕ*

1.

Это рассказ невеселый,
Сумеречный рассказ.
Под него обезьяны гуляют,
За хвосты соседок держась:

«В лесах наши предки жили,
Но были глупы они
И вышли в поля научить крестьян,
Чтоб играли целые дни.

Наши предки просо топтали,
Валялись в ячменных полях,
Цеплялись хвостами за ветви,
Плясали в сельских дворах.

Но страшные эти крестьяне
Вернулись домой, как на грех,
Переловили предков
И работать заставили всех

На полях – серпом и мотыгой
От рассвета до темноты!
Засадили их в тюрьмы из глины
И отрезали всем хвосты.

Вот и видим мы наших предков
Сгорбленных и седых,
Копающихся в навозе
На дурацких полях просяных,
Идущих за гадким плугом,
Возящихся с грязным ярмом,
Спящих в глиняных тюрьмах
И жгущих пищу огнем.

Мы с ними общаться боимся,
А вдруг да в недобрый час
Крестьяне придут к нам в джунгли,
Чтоб заставить работать и нас!

Это рассказ невеселый,
Сумеречный рассказ.
Под него обезьяны гуляют,
За хвосты соседок держась.

2.

Ливень лил, был шторм суровый, но ковчег стоял готовый.
Ной спешил загнать всех тварей – не накрыла бы гроза!
В трюм кидал их как попало, вся семья зверей хватала
Прямо за уши, за шкирки, за рога, хвосты и за...

Только ослик отчего-то пробурчал, что неохота,
Ну а Ной во славу божью обругал его: «Осел,
Черт отцов твоих создатель, твой, скотина, воспитатель!
Черт с тобой, осел упрямый!» И тогда осел вошел.

Ветер был отменно слабый – парус шевельнул хотя бы!
А в каютах душных дамы от жары лишались сил,
И не счесть скотов угрюмых, падавших в набитых трюмах...
Ной сказал: «Пожалуй, кто-то здесь билета не купил!»

Разыгралась суматоха, видит Ной, что дело плохо:
То слоны трубят, то волки воют, то жираф упал...
В темном трюме вдруг у борта старый Ной заметил черта,
Черт, поставив в угол вилы, за хвосты зверье тягал!

«Что же должен я, простите, думать о таком визите?»
Ной спросил. И черт ответил, тон спокойный сохраня, –
«Можете меня прогнать, но... Я не стану возражать, но...
Вы же сами пригласили вместе с осликом меня!»

Перевел В. Бетаки

ТОМЛИНСОН

В собственном доме на Беркли-сквер отдал концы Томлинсон,
Явился дух и мертвеца сгреб за волосы он.
Ухватил покрепче, во весь кулак, чтоб сподручней было нести,
Через дальний брод, где поток ревет на бурном Млечном пути.
Но вот и Млечный путь отгудел – все глуше, дальше, слабей…
Вот и Петр Святой стоит у ворот со связкою ключей.
«А ну-ка на ноги встань, Томлинсон, будь откровенен со мной:
Что доброе сделал ты для людей в юдоли твоей земной?
Что доброе сделал ты для людей, чем ты прославил свой дом?»
И стала голая душа белее, чем кость под дождем.
«Был друг у меня,– сказал Томлинсон,– наставник и духовник,
Он все ответил бы за меня, когда бы сюда проник…»
«Ну, то что друга ты возлюбил – отличнейший пример,
Но мы с тобой у Райских врат, а это – не Беркли-сквер!
И пусть бы с постелей подняли мы всех знакомых твоих –
Но каждый в забеге – сам за себя, никто не бежит за двоих!»
И оглянулся Томлинсон: ах, не видать никого,
Только колючие звезды смеются над голой душой его…
Был ветер, веющий меж миров, как нож ледяной впотьмах,
И стал рассказывать Томлинсон о добрых своих делах:
«Об этом читал я, а это мне рассказывали не раз,
А это я думал, что кто-то узнал, будто некий московский князь…»
Добрые души, как голубки, порхали над светлой тропой,
А Петр забрякал связкой ключей, от ярости сам не свой:
«Ты читал, ты слыхал, ты узнал, молвил он, – речь твоя полна суеты,
Но во имя тела, что было твоим, скажи мне, что сделал ты?
И вновь огляделся Томлинсон, и была вокруг пустота.
За плечами – мрак, впереди, как маяк, – Райские врата.
«Я полагал, что наверное так, и даже помню слегка,
Что писали, будто кто-то писал про норвежского мужика…»
«Ты читал, представлял, полагал – добро! Отойди-ка от Райских Врат:
Тут слишком тесно, чтоб так вот торчать, болтая про все подряд!
Речами, что одолжили тебе соседи, священник, друзья,
Делами, взятыми напрокат, блаженства достичь нельзя!
Пошел-ка ты, знаешь, к Владыке Тьмы, изначально ты осужден,
Разве что вера Беркли-сквера поддержит тебя, Томлинсон!»

……………………………………………………………………

Вновь за волосы дух его взял и от солнца к солнцу понес,
Понес его к главному входу в Ад, сквозь скопища скорбных звезд.
Одни от гордыни красней огня, другие от боли белы,

А третьи черны, как черный грех, незримые Звезды Мглы.
Где путь их лежит, не сошли ли с орбит – душа не видит ничья,
Их мрак ледяной отрезал стеной от всех пространств Бытия!
А ветер, веющий меж миров, просвистал мертвеца до костей,
Так хотелось в Ад, на огонь его Врат, словно в двери спальни своей!
Дьявол сидел меж отчаянных душ (а был их там легион!)
Но Томлинсона за шлагбаум впустить отказался он:
«Ты разве не слышал, что антрацит дорожает день ото дня?
Да и кто ты такой, чтобы в пекло ко мне лезть не спросясь меня?!
Ведь как-никак я Адаму свояк, и вот – презренье людей
Терплю, хоть и дрался за вашего предка с наипервейших дней!
Давай, приземлись на этот шлак, но будь откровенен со мной:
Какое зло ты творил, и кому в жизни твоей земной?»
И поднял голову Томлинсон, и увидал в ночи
Замученной красно-кровавой звезды изломанные лучи.
И наклонился вниз Томлинсон, и разглядел во мгле
Замученной бледно-молочной звезды свет на белом челе…
«Любил я женщину,– молвил он,– и в грех меня ввергла она,
Она бы ответила за меня, если истина Вам нужна…»
«Ну, то, что ты не устоял – отличнейший пример,
Но мы с тобой у Адских Врат, и тут – не Беркли-сквер!
Да пусть бы мы высвистали сюда хоть всех потаскушек твоих,
Но всяк за свой отвечает грешок, а по твоему – одна за двоих?»
Был ветер, веющий меж миров, как нож ледяной впотьмах…
И начал рассказывать Томлинсон о грешных своих делах:
«Я раз посмеялся над верой в любовь, два раза – над тайной могил,
Я трижды Богу шиш показал и почти вольнодумцем прослыл!»
Дьявол подул на кипящую душу, отставил и молвил так:
«Думаешь, мне уголька не жаль, чтобы жарить тебя, дурак?
Грешки-то грошовые! Экий болван!
Ты не стоишь и меньших затрат,
Я даже не стану будить джентльменов, что на жаровнях спят!»
И огляделся Томлинсон, и страшна была пустота,
Откуда летели бездомные души, как на маяк, на Врата.
«Так вот я слыхал, прошептал Томлинсон,– что в Бельгии кто-то читал,
О том, что покойный французский граф кому-то такое сказал…»
«Слыхал, говорил, читал – к чертям! Мне б что-нибудь посвежей,
Хоть один грешок, что ты совершил ради собственной плоти своей!»
И тряся шлагбаум, Томлинсон в отчаянье завопил:
«Ну впусти же: когда-то супругу соседа, кажется, я соблазнил!»
Ухмыльнулся Дьявол, и взяв кочергу, в топке пошуровал:
«Ты в книжке вычитал этот грех?»
– «О, да,» – Томлинсон прошептал.
Дьявол подул на ногти, и вот – бегут бесенята толпой:
«На мельницу хнычущего мудака, укравшего облик людской!
Прокрутите его в жерновах двух звезд, отсейте от плевел зерно:

Ведь Адамов род в цене упадет, если примем мы это говно!»
Команды бесят, что в огонь не глядят и бегают нагишом,
И особенно злы, что не доросли, чтоб заняться крупным грехом,
Гоняли по угольям душу его, все в ней перерыли вверх дном,
Так возятся дети с коробкой конфет, или с вороньим гнездом.
Привели обратно – мертвец не мертвец, а клочья старых мочал.
«Душу, которую дал ему Бог, на что-нибудь он променял:
Мы – когтями его, мы – зубами его, мы углями его до костей –
Но сами не верим зенкам своим: ну нет в нем души своей!»
И голову горько склонив на грудь, стал Дьявол рассуждать:
«Ведь как-никак я Адаму свояк, ну как мне его прогнать?
Но тесно у нас, нету места у нас: ведь мы на такой глубине...
А пусти я его, и мои же джентльмены в рожу зафыркают мне,
И весь этот дом назовут Бардаком, и меня будут лаять вслух!
А ради чего? Нет, не стоит того один бесполезный дух!»
И долго Дьявол глядел, как рванина бредила адским огнем...
Милосердным быть? Но как сохранить доброе имя при том?
«Конечно, транжирить мой антрацит и жариться вечно б ты мог,
Если сам додумался до плагиата...»
– «Да, да!!!» – Томлинсон изрёк.
Тут облегченно Дьявол вздохнул: «Пришел ты с душою вши,
Но все же таится зародыш греха в этом подобье души!
И за него тебя одного... как исключенье, ей-ей...
Но... ведь я не один в Аду господин: Гордыня грехов сильней!
Хоть местечко и есть там, где Разум и Честь... (поп да шлюха всегда тут как тут)
Но ведь я и сам не бываю там, а тебя в порошок сотрут!
Ты не дух и не гном,– так Дьявол сказал, – и не книга ты и не скот...
Иди-ка ты... влезь в свою прежнюю плоть, не позорь ты земной народ!
Ведь как-никак, я Адаму свояк! Не смеюсь над бедой твоей,
Но если опять попадешь сюда – припаси грешки покрупней!
Убирайся скорей: у твоих дверей катафалк с четверкой коней,
Берегись опоздать: могут труп закопать, что же будет с душонкой твоей?
Убирайся домой, живи как все, ни рта, ни глаз не смыкай,
И СЛОВО МОЕ сыновьям Земли в точности передай:
Если двое грешат – кто в чем виноват, за то и ответит он!
И бумажный бог, что из книг ты извлек, да поможет тебе, Томлинсон!»

Перевел В. Бетаки

СЕМЬ МОРЕЙ

ГОРОДУ БОМБЕЮ

Гордость – удел городов.
Каждый город безмерно горд:
Здесь – гора и зелень садов,
Там – судами забитый порт.
Он хозяйствен, он деловит,
Числит фрахты всех кораблей,
Он осмотр подробный творит
Башен, пушечных фитилей,
Город Городу говорит:
«Позавидуй, повожделей!»
Те, кто в городе рос таком,
Редко путь выбирают прямой,
Но всегда мечтают тайком,
Словно дети – прийти домой.
У чужих – чужая семья,
В странах дальних не сыщешь родни,
Словно блудные сыновья,
Считают странники дни
И клянут чужие края
За то, что чужие они.
(Но уж славу родной земли,
Что превыше всех прочих слав,
Сберегают в любой дали.)

Слава Богу, отчизной мне
Не далекие острова,
Я судьбою счастлив вполне
Далеко не из щегольства, –
Нет, поклон мой родной стране
За святые узы родства.
Может быть, заплыв за моря,
Наглотавшись горьких харчей,
Ты утешишься, говоря:
Мол, неважно, кто я и чей.

(Ни по службе, ни ради наград
Принят в лоно этой страной;
Я нимало не виноват,
Что люблю я город родной,
Где за пальмами в море стоят
Пароходы над мутной волной).
Ныне долг я должен вернуть,

И за честь я теперь почту
Снова пуститься в путь,
Причалить в родном порту.
Да сподоблюсь чести такой:
Наслужившись у королей
(Аккуратность, честность, покой),
Сдать богатства моих кораблей;
Все, что есть, тебе отдаю,
Верность дому родному храня:
Город мой, ты сильней меня,
Ибо взял ты силу мою!

Перевел Е. Витковский

ΩΩΩ

ПОДВОДНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

Идут ко дну корпуса судов, потерявших мачты и реи
Во тьму, в кромешную тьму, где кишат слепые морские змеи,
Здесь где ни звука, ни отзвука звука, – где мертвая тишь всегда –
Жадными ракушками обросли подводные провода.
И слова под водой по ребрам земли, несутся в пучине моря
На дне морей – слова человечьи бьются, мерцают, дрожат –
Известия, предупреждения, приветы, восторги, горе:
Новая Сила пришла во тьму, куда не достигнет взгляд.
Провода переносят голос людской; времена они победили.
Вдали от солнца соединив все страны сквозь толщу тьмы.
Тише! Летят голоса людей в вязком подводном иле,
Теперь по Закону Связи Людской в мире едином мы!

Перевел Г. Бен

ПЕРВАЯ ПЕСНЬ

Женщину в мраке ночном выкрал я в жены, –
Не дал познать мне ее стан всполошённый:
Бросилось племя, грозя злобой и кровью
Но ее смех мне зажег сердце любовью.

Мчались мы с нею сквозь лес в сумрак беззвездный,
Но задержал нас поток бурный и грозный,
Сыном Морей мы зовем гневного стража,
В страхе мы ждали конца, – вор и покража.

Встал я на бой, но она с легкостью зверя
Спрыгнула вниз на бревно, вросшее в берег,
Шкуры свои приподняв, словно ветрила,
Бога ветров защитить громко просила.

И, как живое, бревно (Бог, ты над нами!)
На середину реки выплыло с нами.
Следом, звеня, топоров туча летела,
Я трепетал, но она радостно пела.

Скрылась земля вдалеке, – как покрывало,
Синяя мгла над водой нас укрывала.
Тихо все было кругом. Вдруг, нарастая,
Свет запылал в глубине, мглу рассекая.

Прыгнул он кверху и встал в синем просторе,
То властелином взошло Солнце простое
И, ослепив нам глаза, в невероятный
Мир растворило врата, в мир необъятный.

Видели мы (и живем!) пламень священный,
Но приказали бревну боги вселенной
К берегу плыть, где стоял, злобой объятый,
Вражеский стан, но теперь – мы были святы!

В прахе валялся, дрожа, враг поражённый.
Пали пред нами мужи, дети и жены,
Плотно руками прикрыв в ужасе лица,
И мы ступали по ним – пророк и жрица!

Перевел М. Фроман

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЬ**

...И сказал Господь на небе всем без рангов и чинов
Ангелам, святым и душам всех достойнейших людей:
Вот и минул Судный День –
От земли осталась тень,
А теперь наш новый мир не сотворить ли без морей?

Тут запели громко души развеселых моряков:
«Черт побрал бы ураган, что превратил нас в горсть костей,
Но окончена война...
Бог, что видит все до дна,
Пусть хоть все моря утопит в темной глубине морей!»

Молвила душа Иуды, в Ночь предавшего Его:
«Господи, не забывай – ты обещал душе моей
Что я хоть однажды в год
Окунусь в прохладный лед,
Ты ж отнимешь эту милость, отнимая льды морей!»

И сказал тут Богу Ангел всех береговых ветров,
Ангел всех громов и молний, Мастер грозовых ночей:
«Охраняю я один
Чудеса твоих глубин –
Ты ведь честь мою отнимешь, отнимая глубь морей!»

Вновь запели громко души развеселых моряков:
«Боже, мы народ суровый, есть ли кто нас горячей?
Хоть порой нам суждено
С кораблем идти на дно,
Мы не мальчики – не просим мы отмщения для морей!»

И тогда сказали души негров, брошенных за борт,
«Дохли мы в цепях тяжелых, в темных трюмах кораблей,
И с тех пор одно нам снится,
Что мощна Твоя десница,
Что Твоя труба разбудит всех, кто спит на дне морей!»

Тут воззвал апостол Павел: «Помнишь, как мы долго плыли –
Гнали мы корабль усталый, и летел он все быстрей,
Нас четырнадцать там было,
Мы, твою увидя милость,
Славили тебя близ Мальты посреди семи морей!»

И опять запели души развеселых моряков
Струны арф перебирая с каждым мигом все трудней:
«Наши пальцы просмолёны,
Наши струны грубозвонны,
Сможем ли мы петь без моря Песнь, достойную морей?»

Молвят души флибустьеров: «Мы моря багрили кровью,
Не веревкой, так решеткой жизнь кончалась, ей-же-ей,
Мы с испанцем воевали
В кандалах мы пировали,
И что утопить, что пить нам... Мы – Владетели морей!»

Тут возник Большой Гарпунщик, старый китобой из Денди
И душа его пред Богом заорала всех сильней:
«О, полярные сиянья
В блеске белого молчанья!
Ну за что китов несчастных хочешь Ты лишить морей?»

И опять запели души развеселых моряков
«Тут в Раю и замахнуться негде сабелькой, ей-ей!
Можем ли мы вечно петь и
Шаркать ножкой на паркете?
Ни к чему все скрипки эти Покорителям морей!»

Наклонился Бог и тотчас все моря к себе призвал он,
И установил границы суши до скончанья дней:
Лучшее богослуженье
(У него такое мненье) –
Вновь залезть на галеоны и служить среди морей!

Солнце, пена, пенье ветра, крики вольного баклана,
По волнам и днем и ночью – бег крылатых кораблей,
Корабли идут в просторы
К славе Господа, который
Просьбу моряков уважил и вернул им даль морей.

Перевел В. Бетаки

КУПЦЫ

Гонял купцов царь Соломон –
В Тир, в Тарсис и в Ливан:
Любил он кораллы, редких птиц
И шумных обезьян,

И кедры гнал ему Хирам
Без счета и числа...
Но мы лишь с Лондоном ведем
Торговые дела.

Побережьем – и морями – вокруг света нас несет,
Где попутный дует ветер, где торговля нам верна.
Галс меняем: стаксель, грот – и окончен поворот –
Мы оплатим Пэдди Дойлю сапоги его сполна!

Мы жемчугов и слитков
Не возим никогда,
Но стоят нам товары
И пота и труда.
Под нестерпимым солнцем,
В объятьях льдов седых
И под ветрами злыми,
Что носятся меж них,

Кой-что добыто торгом,
Кой-что дает захват,
Кой-что – учтивость наших
Ножей и каронад, –
Бывали встречи в море:
Из милости одной
Мы облегчали судно,
Спешащее домой.

Все валко в непогоду,
Напряжено вдвойне –
Киль, погруженный в волны,
И клотик в вышине;
Шесть океанов властны
Все унести себе:
Вон в Балтике – смыло камбуз,
Шлюп-балку – в Ботани Бей.

И в устьях рек, где лесосплав,
Бревна мешали нам,
Из Вальпарайзо мчались мы,
А Норд шел по пятам.
У полюса сидели
В клыкастом, крепком льде,
А в качку ветер ледяной
Купал фальшборт в воде.

Мы обошли всю карту,
Все новые пути,
Нам острова светили,
Которых вновь не найти.
От страха – волосы дыбом,
А ночь пройдет едва –
Играет в блеске солнечном
Пустая синева.

Несчетны странные встречи,
Сулившие нам беду:
То вспыхивали ванты
Огнями на ходу,
То вдруг сквозь шторм багровый
Сквозь искры в больных глазах
Голландец против ветра
Летел на всех парусах.

То Лотовый нас криком
Заманивал в глубину,
То мы Пловца слыхали,
Что век не идет ко дну.
На парусах застывших
И в колкой снежной пыли
С командой вдруг удвоенной
Мыс Духов мы прошли.

Да, мы не раз встречали
На северных морях
Безмолвный призрак шхуны,
Всех китобоев страх.
Сквозь снеговое поле,
Открытое на миг,
Покойный Гендрик Гудсон
К норд-осту вел свой бриг.

Так нас Господни воды
Несли под рев небес,
Так много мы видали
Невиданных чудес,
И мы домой вернулись,
Хоть с прибылью, хоть нет –
Не жаль того, что в море
Унес наш пенный след.

Отдать скорее якорь!
А душу стыд грызет
За то, что груз наш беден,
Подарок дальних вод!
Швартуемся! Ах, дурни!
Ни ты, ни я не прав, –
Ведь худшее мы взяли,
Все лучшее не взяв.

Побережьем – и морями – вокруг света нас несет,
Может не пойти торговля, ветер стихнуть на пути,
Галс меняем: стаксель, грот – и окончен поворот –
Это все, чтоб в Лондон грузы привезти.

Перевела А. Оношкович-Яцына

ГИМН МАК-ЭНДРЮ*

Повествование тут ведется от лица инженера-механика пароходной компании; он стоит ночную вахту на палубе, заглядывая через верхний иллюминатор в машинное отделение, и беседует с воображаемым собеседником, то ли с Богом, то ли с пароходной машиной.
О чем же говорит он?

(Примечание Р.Киплинга)

Господь, из тени смутных снов сей мир Ты произвел;
Все, зыбко все, я признаю – но только не Котел!
От стана до маховика я вижу всего Тебя, Бог,
Лишь Ты назначенье храповика определить, к примеру, мог!
Джон Кальвин так бы мир творил – упорен, сух, суров;
И я, взяв сажи для чернил, «Законы» писать готов.
Сегодня мне никак не уснуть – старые кости болят,
Всю ночь я нынче вахту стою – и они со мной не спят.
Машина – девяносто дней пыхтенье, шум и вой,
Сквозь Море мира Твоего скрипя, спешим домой.
Излишний скрип – ползунок ослаб – но ровен ход винта,
Уж тридцать тысяч миль – простим – такая маета.
То мрак, то – ясно, славный бриз – и мыс уже скрылся с глаз...
Три оборота Фергюсон добавил. Он пару поддаст:
Ведь Плимут близко, жена его там... (Семьдесят – один – два –три!)
Торопится к супруге старик. Уж Ты его не кори!

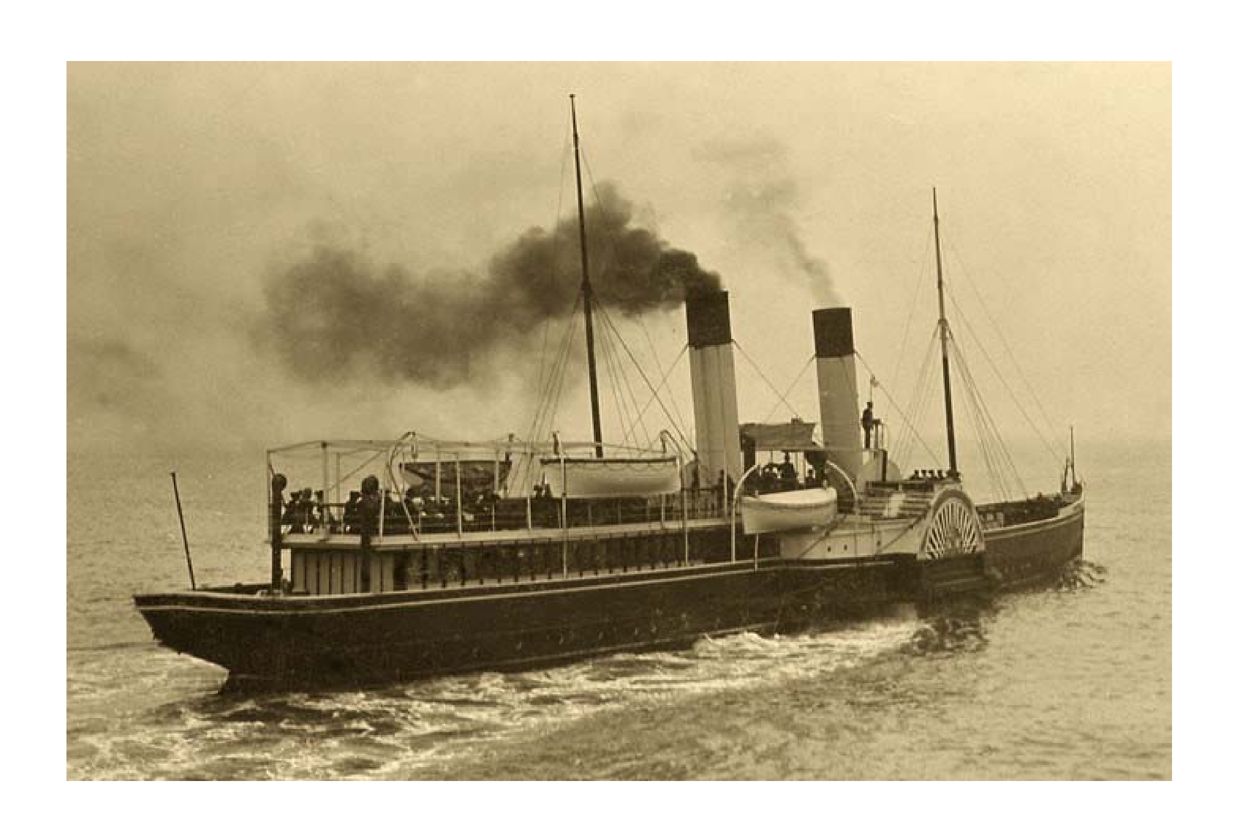
В любом порту любой квартал... Да... Женщин лучше нет,
Чем Эльзи Кемпбелл... Взял бы ты, что ль, назад мои тридцать лет!
(Тогда горела «Сара Сендз»). Пути предстояли нам,
От Мерихилл до Поллокшоу, с Паркхеда на Говам!
Сэр Кеннет ждет. Ох, груб мой шеф, – услышу от него:
«Мак-Эндрю, добрый день! Пришел? Как днище, ничего?»
Профан в машинах он – спору нет, но лучшей из мадер
Нальет – и я с начальством пью, как лучший инженер.
А начинал с низов... был мал, и пар был невелик,
Разрывы паклей затыкал, я к этому привык.
Давленье только десять – эх! Рукою мог зажать!
Ну, а сейчас пустить не грех и сто пятьдесят пять!
На пользу каждый агрегат – вес меньше – плавнее ход,
И вот все тридцать в час даем – (котлы не разнесет,
И ладно!)... С паром по морям скитаюсь целый век,
Привык машине доверять... А верен ли человек?
Тот, кто зачел миль миллион, пути свои любя –
Четыре раза до Луны... А сколько до Тебя?

Кто ночи, дни в волнах тянул... Припомнить первый шквал?
Пнул Капитана я, как мул, а он в салон сбежал!
Три фута в кочегарке. Там – споткнулся в луже воды,
Лбом об заслонку хрякнулся – вон, до сих пор следы.
Да что – есть шрамы и пострашней – душа черным-черна,
Пускай в машинном все окей – греховность-то видна.
Грешу сорок четвертый год, мотаясь по волнам,
А совесть стонет, как насос... Прости Ты скверным нам.
На вахте как-то, в час ночной уставил я жадный взгляд
На баб, что жались за трубой... Ох, каюсь, виноват!
В портах я радостей искал, забыв сыновний долг:
Не ставь в вину мне, Господи, и рейд через Гонг-Конг!
Часы беспутства, дни греха молю, спиши зараз –
Грант Роуд, Реддик, Номер Пять, и ночи в Харрингаз!
Но хуже всех – коронный грех – божился я не шутя.
Мат с языка до тридцати не сходил, так Ты уж прости дитя!
Я Тропик в первый раз увидал – жар, фрукты, свет небес,
И не постиг – как пахнет сандал! – как может попутать Бес.
Весь день там бабы... живой театр – устал ленивый взор,
А ночью свет распутных звезд – все небо что твой костер!
В портах (тогда пар берегли) слонялся шалопай –
И как во сне – к себе влекли то ракушки, то попугай,
Сухая рыба-шар, бамбук, и тростка – первый сорт;
Увы, все это Капитан, найдя, кидал за борт.
Но вот прошли Сумбавский Мыс, и ветерок в тиши,
Молочно-теплый, пряно пропел: «Мак-Эндрю, не греши!»
Легко – без гнева, без угроз – шептал мне в ухо дух,
Но факты били словно трос, терзая грешный слух:
«Бог матери лишь липкий Бес, твоя пустая тень,
Про Рай и Ад попы твердят, но книги их – дребедень.
Тот свет варганят в Брумело – там лепят и чертей,
В холодном Глазго делают, чтобы пугать людей.
К Нему обратно нет пути! Целуя бабий рот,
Иди-ка к Нам (а кто «Они»?), даст благодать нам тот,
Кто души в шутку не коптит, про адский огонь не лжет,
Кто спелым жарким бабам грудь наливает как соком плод».
И тут умолк: ни звука, все; о мудрый, тихий глас –
Оставив выбор мне, юнцу – забыть или тотчас...
Меня как громом поразил – в ушах он все звенит,
Манящий – и вводящий в грех, соблазнами набит –
Как, мне отринуть Дух Святой? А тут еще наш винт!
Шторм пролетел, но вал крутой, и якоря – к чертям,
Ты чуял, Господи, ужас мой, в глубинах сердца, там...
На «Мэри Глостер» в очередь в Ад я встал не просто так!
Но разум мой в Твоих руках, и Ты направил мой шаг –
От Дели до Торреса длился бой, и сам себе я враг,

Но как вошли в Барьерный Риф, вкусил Твоих я благ!
Мы ночью не решились плыть, и встали, пар держа,
И я всю ночь не мог уснуть, страдая и дрожа:
«Пусть лучше ясно видит глаз, чем мается душа»...
Твои слова? – Ясней звонка, гремели как металл,
Когда стонала наша цепь, порвавшись о коралл,
И свет Твой озарил меня, долг вечный я познал.
В машинном отделенье Свет – ясней, чем наш карбон;
Я ждал, я звал сто тысяч раз, но не вернулся он.

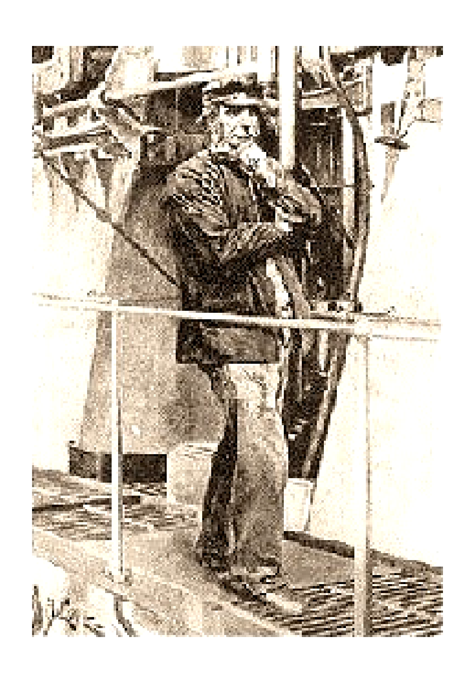
***

Прикинем: пару тысяч душ мы в год перевезем –
Ужель не оправданье мне пред Господом, и в чем?
Да – по пятнадцать (в среднем) душ пассажиров за рейс один,
Ведь это Служба – разве нет? Стыдиться нет причин!
Везли с собой они, может, гнев – а может – прочий грех,
Не мне судить об их делах – хранил я жизнь их всех.
И лишь когда окончен рейс, пора молить – прости!
Мой грех позволил по морям шесть тысяч тонн вести.
Дней двадцать пять, как не спеши (хороший вам пример) –
С Кейптауна на Веллингтон – тут нужен инженер.
Чини свой вал – хоть съешь его – попавши морю в плен,
Лови сигнал, иль парус ставь, плетясь на Кергелен!
А путь через Рио домой? Да, там игра не для детей:
Пыхти недели по волнам, средь льдов, ветров, дождей,
Не келпы – там грохочет лед: всплеск, кувырок, обвал,
Все смолотив, на юг уйдет – вот Божьи жернова!
(Восславьте, Снег и Лед, Творца, я ваш уважаю труд,
Но лучше б в церковь вам идти, а нам – в другой маршрут).
Не ваши страждут ум и плоть; пусть наше знанье – прах
Пред Силой, что явил Господь – но помни о делах.
И, наконец, придем мы в порт – там, взяв багаж ручной,
В перчатках, с тростью пассажир труд не оценит мой:
«Приятный рейс, спасибо вам. А тендер долго ждать?»
Им поклонившись, капитан пошлет вал проверять.
Отметят всех – но не меня – пожатье да кивок,
А «злой» шотландец-инженер – он в трюме, одинок.
Но ты, работа, веселишь, пусть невелик доход –
Нет пенсии, а ставка лишь четыре сотни в год.
Так может, мне уйти совсем? Но что я разве, трус,
А со штырем на росси... эй – как «соловей», француз?
На лапу брать? Итак полно жулья... невмоготу –
Я не стюард с подносом, я – всех старше на Борту.
За экономию взять приз? Шотландский уголь хоть
И ближе, но дрянной – и мне ценней Твоя мощь, Господь.

(Брикеты для топки предлагать? – горят что твой цемент! –
Вот «Вельш» – «Вангарти», может, здесь – не нужен и процент).
Изобретать? Чтоб дело шло – сиди на берегу:
Свой клапан-дифференциал забыть я не могу,
Но не корю прохвостов тех, чей опыт весь в брехне –
Придумать просто, а вот продать – задачка не по мне.
Так мной сражен Аполлион – нет! – как ребенок бит,
Но рейс немного мне принес – я превышал лимит.
Не хочет Идол умирать, но не щажу себя,
Чтоб жертву ныне принести, достойную Тебя…

– Эй, снизу! Смазчик! Очумел? Что, ходит тяжелей?
Запомни – здесь вам не «Канард», и масло зря не лей!
Ты думал? Платят не за то! Сотри-ка лучше грязь!
Да! Трудно Бога не помянуть, ругаясь и бранясь!
Вот, говорят – я грубиян. Но волны за кормой,
Дела – минуты не найти на светское бонмо.
Тут детки за меня взялись: теперь, старик, ликуй;
Их я пущу охотно вниз – за так… за поцелуй.
Да, вспомнил: Кеннета племяш – нет крови голубей,
Из русской кожи башмачки, фуражка – князь морей!
Провел его по кораблю – от труб и до котла,
А он: «мол, пара не люблю – романтика ушла!»
Идьот! Все утро я следил, что замедляет взмах
У шатунов: ничком, и нос от вала в трех вершках.
«Романтика»! В каюте люкс плодит стишки эстет,
И книжечку издаст; но где, где истинный поэт?
Как я устал от их «небес», и «голубков», и «чар»,
Господь! Воскрес бы Робби Бернс, и Песнь сложил про Пар!
Чтоб лучшего шотландца речь усилить – с кораблем
Оркестр составим: клапана стучат, как метроном,
За контрабас сойдет шатун; гудит, сопит насос,
Эксцентрики – тарелок звон – звенят, шумят вразброс.
Шарниры ждут, чтоб, в такт попав, свою добавить трель,
Звук чистый – это шток смычком задел за параллель!
Вступили все! Дан полный ход, звучит гремящий хор,
Внимает шахта, что берет динамку под затвор.
Просчитана взаимосвязь, закон частей стальных,
Для всякой скорости годясь, и для задач любых.
Надежность, сцепка, мощь везде, от топки до кают –
Подобно Утренней Звезде, смеясь, Творцу поют.
Без лести, твердо говорит, сияя смазкой, шкив:
«Не людям и не нам хвала, будь Ты над нами жив!»
Дадим им свой (и мой) Завет торжественно прочесть:
«Смиренье, Сдержанность, Закон, Порядок, Долг и Честь!»
Учил заводов лязг и шум, жар доменных горнил;

Вдруг душу (мне пришло на ум) тогда в них молот вбил?
Иль с человеком мощь машин связал прокатный стан,
Чтоб и надменный пассажир постиг предвечный План?
Здесь понимаю я один – для Службы мне даны
Семь тысяч лошадиных сил. О Бог мой! Как сильны!
Я горд? Когда животных рой возник в цеху большом,
В усталости ведь молвил Ты: «И это хорошо»?
Не так! Чтоб счастью Первых Дней дать радостный венец,
Встал Человек, что всех сильней – перед Творцом Творец!
Снесет страданья на земле, ржу, тренье, боль и мрак,
На Совершенном Корабле помчится – будет так!
Я слаб: не мне чертить обвод, продумывать узлы,
Но жил я и трудился я. Тебе, Тебе хвалы!
Я делал то, что мог: суди, судьбу мою решай...
Нас милостями не оставь...
Ого! Звучит «Stand by»!
Так скоро лоцман? Вот фонарь. Сменяюсь – пятый час!
Ну, слава Богу: я сказал – Пелагий не для нас.
Пойду...

– Добрутро, Фергюсон! Подумал хоть, разок,
Во что обошлась твоя спешка к жене? Не дешев уголек!

Перевел Э. Ермаков

ЗА УРОЖЕНЦЕВ КОЛОНИЙ!*

Мы выпили за Королеву,
Теперь за отчизну пьем,
За наших английских братьев,
Едва ли мы их поймем,
А впрочем, они нас тоже...
Так – при свете утренних звезд
За нас, уроженцев колоний,
Наш главный, последний тост!

Не английское небо над нами,
Но всех нас учила мать
Туда устремляться сердцами
И Англию домом звать.
О жаворонках мы читали,
Что поют зеленым холмам,
Но сами кричим попугаями,
Когда скачем по пыльным полям.

Легенды старого света –
Память горя – досталась отцам
По праву их прежней жизни,
И по праву рожденья – нам!
Тут качали нас в колыбели,
В эту землю вложен наш труд,
Наша честь, и судьба, и надежда
По праву рожденья – тут!

Прошу вас наполнить стаканы
И выпить без лишних слов
За четыре новые нации
И за жителей островов.
Любой атолл распоследний
Помянуть подобает нам:
Наша гордость велит нам выпить
За гордость живущих там.

За пыль от копыт неподкованных,
За рассветную душную тишь,
За дымок над кухней дворовой,
За шум жестяных наших крыш,
За риск утонуть в наводненье
И смертельной засухи риск,

За сынов Золотого Юга,
За поля, где пшеница и рис.

За сынов Золотого Юга (встать!),
За привычную жизнь, что далась нам не даром,
Споем, ребята, о тех мелочах, что дороги нам,
Ответим за каждую из мелочей, что дороги нам,
На каждый удар – ударом!

За дымы пароходиков бойких,
За овец с бессчетных холмов,
За солнце, что не обжигает,
За дожди без злых холодов,
За земли, что ждут посева,
За откормленных мясом людей,
За баб плодовитых, стройных:
Чтоб – по девять и десять детей.

Чтоб по девять и десять детей (встать!),
За привычную жизнь – что далась не даром,
Споем, ребята, о тех мелочах, что дороги нам,
Ответим за каждую из мелочей, что дороги нам,
На удар двойным ударом!

За страну бесконечных прерий,
За бегущую тень облаков,
За полный амбар соседа,
За гудки ночных поездов,
За серых озёрных чаек,
За вспашку степной целины,
За зиму чуть не в полгода,
За влажный ветер весны,

За страну жутких ливней и громов,
За сухую, бледную синь,
За гигантский прибой у Кейптауна
И запах подпекшихся глин,
За скрежет тяжелых шлюзов,
За рифы и золото вод,
За карту последней Империи,
Что время еще развернет.

За наших черных кормилиц,
Чей напев колыбельный дик,
И – пока мы английский не знали –
За наш первый родной язык!

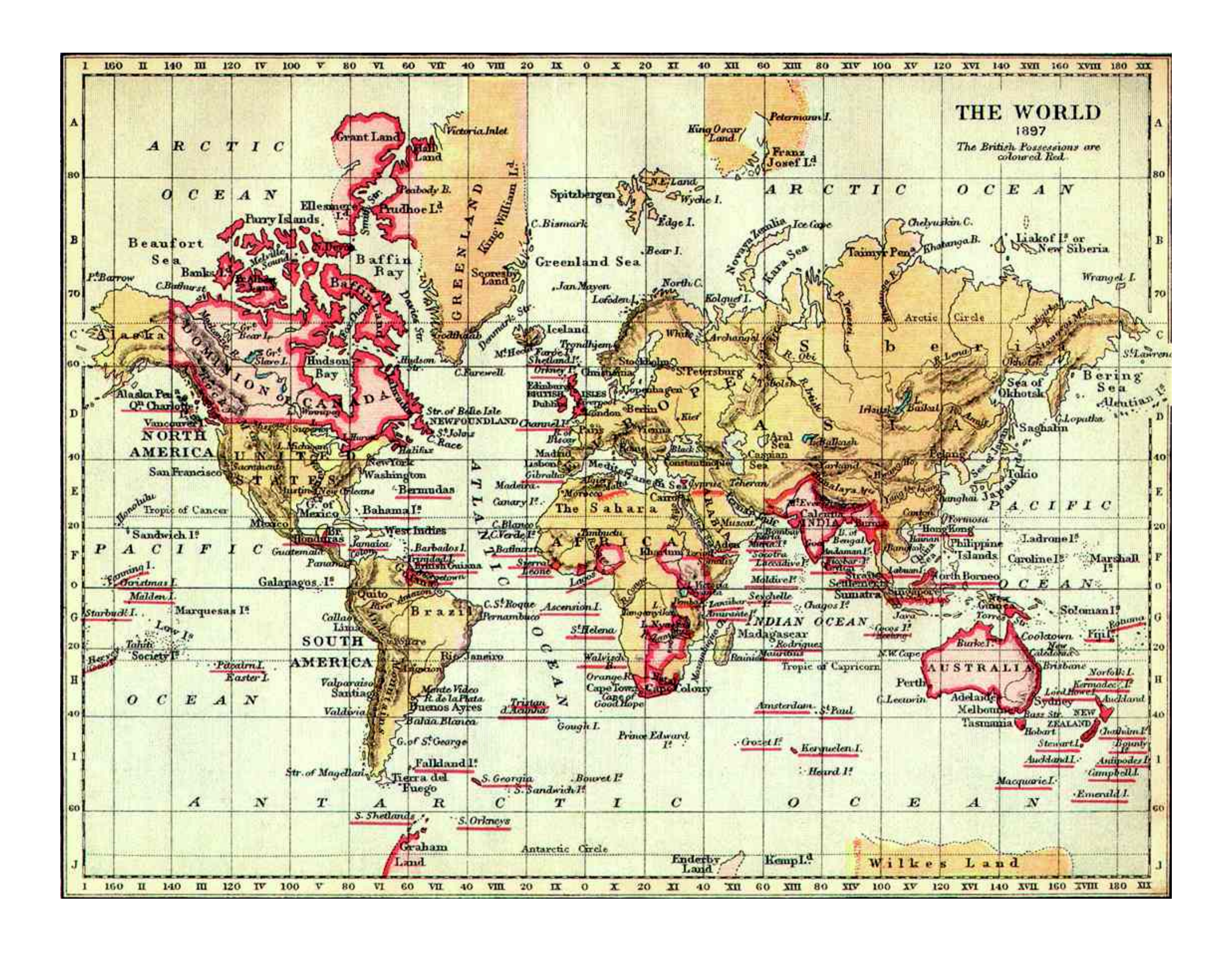
За глубокую тень веранды,
За алмазный отсвет в волнах,
За пальмы в лунном сиянье,
За ночных светляков в камышах,

За сердце Народа Народов,
За вспаханные моря,
За Аббатство, что славу Сада
Сплотило вокруг алтаря,
За неспешную поступь Времени,
За его золотой дождь,
За мощности электростанций
И Сити незримую мощь.

Мы выпили за Королеву,
Теперь за отчизну пьем,
За наших английских братьев –
Может, все же, мы их поймем.
Поймут и они нас тоже...
Но вот Южный Крест и зашел...
За всех уроженцев колоний
Выпьем. И – ноги на стол!

За уроженцев колоний* (встать!)*,
За этим столом нас шесть –
За привычную жизнь, что далась недаром,
Споем, ребята, о тех мелочах, что дороги нам,
Ответим за каждую из мелочей, что дороги нам,
На удар шестикратным ударом!
За Телеграфный Кабель! (*взяться за руки!*),
Проложенный в глубине морской,
Чтоб с мысом Горн связать Оркней
Одной неразрывной петлей!
Вокруг земли! Вокруг всей!
За уроженцев колоний! Пей!

Перевел В. Бетаки

THE WORLD
1897
The British Possessions are coloured Red.
ARCTIC OCEAN
Grant Land
Victoria Inlet
Greenland
King William Ld.
Beaufort Sea
Parry Islands
Ellesmere Id.
Prudhoe Ld.
Baffin Bay
Banks Id.
Greenland Sea
Spitzbergen
Franz Josef Ld.
Petermann I.
King Oscar Land
Novaya Zemlia
Kara Sea
Taimyr Pen.
Chelyuskin C.
Liakof Is. or New Siberia
Wrangel I.
Pt. Barrow
Alaska
Iceland
Arctic Circle
Siberia
Hudson Bay
Dominion of Canada
Sea of Okhotsk
Bering Sea
Aleutian Is.
Alaska Pen.
Qn. Charlotte
Vancouver I.
Str. of Belle Isle
Newfoundland
St. Petersburg
Stockholm
Copenhagen
Berlin
London
Paris
Europe
Asia
Aral Sea
Caspian Sea
Irkutsk
Baikal
Saghalin
North America
United States
San Francisco
New York
Washington
Bermudas
Madrid
Lisbon
Gibraltar
Madeira
Canary Is.
Constantinople
Black Sea
Teheran
Tokio
Japan
Pacific
Tropic of Cancer
Honolulu
Mexico
G. of Mexico
Bahama Is.
West Indies
Jamaica
Barbados I.
Sandwich Is.
The Sahara
Cairo
Arabia
Aden
India
Calcutta
Bombay
Burma
Canton
Hong Kong
Formosa
Philippine Islands
Ladrone Is.
Caroline Is.
Marshall Is.
Africa
Atlantic Ocean
C. Verde Is.
Sierra Leone
Lagos
Khartum
Honduras
Panama
Galapagos Is.
Fanning I.
Christmas I.
Malden I.
Starbuck I.
Marquesas Is.
Quito
Brazil
Pernambuco
Ascension I.
St. Helena
Sumatra
Singapore
Java
North Borneo
Ocean
Chagos Is.
Seychelle
Zanzibar
Madagascar
Mauritius
Indian Ocean
Solomon Is.
Fiji Is.
Cooktown
New Caledonia
Tahiti
Society Is.
South America
Rio Janeiro
Pitcairn I.
Easter I.
Valparaiso
Santiago
Monte Video
Buenos Ayres
Walvisch
Cape Town
Cape Colony
Cape of Good Hope
Australia
Perth
Adelaide
Melbourne
Sydney
Brisbane
Tasmania
Hobart
New Zealand
Norfolk I.
Kermadec Is.
Auckland
Tropic of Capricorn
Amsterdam
St. Paul
Tristan d'Acunha
Gough I.
Prince Edward Is.
Crozet Is.
Kerguelen I.
Heard I.
Falkland I.
G. of St. George
Str. of Magellan
Tierra del Fuego
S. Georgia
S. Sandwich Is.
Bouvet I.
Macquarie I.
Emerald I.
Campbell I.
Antipodes I.
Auckland I.
Stewart I.
Bounty I.
Antarctic Ocean
S. Shetlands
S. Orkneys
Graham Land
Antarctic Circle
Enderby Land
Kemp Ld.
Wilkes Land

КОРОЛЕВА

«Романтика, прощай навек!
С резною костью ты ушла, –
Сказал пещерный человек, –
И кремнем бьет теперь стрела.
Бог плясок больше не в чести.
Увы, романтика! Прости!»

«Ушла! – вздыхал народ озер. –
Теперь мы жизнь влачим с трудом.
Она живет в пещерах гор,
Ей незнаком наш свайный дом,
Холмы, вы сон ее блюсти
Должны. Романтика, прости!»

И мрачно говорил солдат:
«Кто нынче битвы господин?
За нас сражается снаряд
Плюющих дымом кулеврин.
Удар никак не нанести!
Где честь? Романтика, прости!»

И говорил купец, брезглив:
«Я обошел моря кругом –
Все возвращается прилив,
И каждый ветер мне знаком.
Я знаю все, что ждет в пути
Мой бриг. Романтика, прости!»

И возмущался капитан:
«С углем исчезла красота;
Когда идем мы в океан,
Рассчитан каждый взмах винта.
Мы, как паром, из края в край
Идем. Романтика, прощай!»

И злился дачник, возмущен:
«Мы ловим поезд, чуть дыша.
Бывало, ездил почтальон,
Опаздывая, не спеша. О, черт!»
...Романтика меж тем
Водила поезд девять-семь.

Послушен под рукой рычаг,
И смазаны золотники,
И будят насыпь и овраг
Ее тревожные свистки;
Вдоль доков, мельниц, рудника
Ведет умелая рука.

Так сеть свою она плела,
Где сердце – кровь и сердце – чад,
Каким-то чудом заперта
В мир, обернувшийся назад.
И пел певец ее двора:
«Ее мы видели вчера!»

Перевела А. Оношкович-Яцына

ΩΩΩ

СТИХИ О ТРЕХ КОТИКОЛОВАХ

У Бладстрит Джо на всех языках
болтают и пьют до зари.
Над городом веет портовый шум,
и не скажешь бризу: не дуй!
От Иокогамы уходит отлив, на буй бросая буй.
А в харчевне Циско вновь и вновь
говорят сквозь водочный дух
Про скрытый бой у скрытых скал,
Где шел «Сполох» и «Балтику» гнал,
а «Штральзунд» стоял против двух.

Свинцом и сталью подтвержден, закон Сибири скор:
Не смейте котиков стрелять у русских Командор!
Где хмурое море ползет в залив меж береговых кряжей,
Где бродит голубой песец, там матки ведут голышей.
Ярясь от похоти, секачи ревут до сентября,
А после неведомой тропой уходят опять в моря.
Скалы голы, звери черны, льдом покрылась мель,
И пазори играют в ночи, пока шумит метель.
Ломая айсберги, лед круша, слышит угрюмый Бог,
Как плачет лис и северный вихрь трубит в свой снежный рог.
Но бабы любят щеголять и платят без помех,
И вот браконьеры из года в год идут по запретный мех.
Японец медведя русского рвет, и британец не хуже рвет,
Но даст американец-вор им сто очков вперед.
Под русским флагом шел «Сполох», а звездный лежал в запас,
И вместо пушки труба через борт – пугнуть врага в добрый час.
(*Они давно известны всем –*
«Балтика»,«Штральзунд»,«Сполох»,
Они триедины, как сам Господь,
и надо петь о всех трех).

Сегодня «Балтика» впереди – команда котиков бьет,
И котик, чуя смертный час, в отчаянье ревет.
Пятнадцать тысяч отменных шкур – ей-Богу, куш не плох,
Но, выставив пушкой трубу через борт, из тумана вышел «Сполох».
Горько бросить корабль и груз – пусть забирает черт! –
Но горше плестись на верную смерть во Владивостокский порт.
Забывши стыд, как кролик в кусты, «Балтика» скрыла снасть,
И со «Сполоха» лодки идут, чтоб краденое украсть.
Но не успели они забрать и часть добычи с земли,
Как крейсер, бел, как будто мел, увидели вдали:
На фоке плещет трехцветный флаг, нацелен пушечный ствол.

От соли была труба бела, но дым из нее не шел.
Некогда было травить якоря – да и канат-то плох,
И, канат обрубив, прямо в отлив гусем летит «Сполох».
(Ибо русский закон суров – лучше пуле подставить грудь.
Чем заживо кости сгноить в рудниках, где роют свинец и ртуть.)
«Сполох» не проплыл и полных двух миль, и не было залпа вслед:
Вдруг шкипер хлопнул себя по бедру и рявкнул в белый свет:
«Нас взяли на пушку, поймали на блеф – или я не Том Холл!
Здесь вор у вора дубинку украл и вора вор провел:
Нам платит деньги Орегон, а мачты ставит Мэн,
Но нынче нас прибрал к рукам собака Рубен Пэн!
Он шхуну смолил, он шхуну белил, за пушки сошли два бревна.
Но знаю я «Штральзунд» его наизусть – по обводам это она!
Встречались раз в Балтиморе мы, нас с ним дважды видал Бостон,
Но на Командоры в свой худший день явился сегодня он –
В тот день, когда решился он отсюда нам дать отбой, –
С липовыми пушками, с брезентовою трубой!
Летим же скорей за «Балтикой», спешим назад во весь дух,
И пусть сыграет Рубен Пэн – в одиночку против двух!»
И загудел морской сигнал, завыл браконьерский рог,
И мрачную «Балтику» воротил, что в тумане шла на восток.
Вслепую ползли обратно в залив меж водоворотов и скал,
И вот услыхали: скрежещет цепь – «Штральзунд» якорь свой выбирал.

И бросили зов, ничком у бортов, с ружьями на прицел:
«Будешь сражаться, Рубен Пэн, или начнем раздел?»
Осклабился в смехе Рубен Пэн, достав свежевальный нож:
«Да, шкуру отдам и шкуру сдеру – вот вам мой дележ!
Шесть тысяч в Иеддо я везу товаров меховых,
А Божий закон и людской закон – не северней сороковых!
Ступайте с миром в пустые моря – нечего было лезть!
За вас, так и быть, буду котиков брать, сколько их ни на есть».
Затворы щелкнули в ответ, пальцы легли на курки –
Но складками добрый пополз туман на безжалостные зрачки.
По невидимой цели гремел огонь, схватка была слепа;
Не птичьей дробью котиков бьют – от бортов летела щепа.
Свинцовый туман нависал пластом, тяжелела его синева –
Но на «Балтике» было убито три и на «Штральзунде» два.
Увидишь, как, где скрылся враг, коль не видно собственных рук?
Но, услышав стон, угадав, где он, били они на звук.
Кто Господа звал, кто Господа клял, кто Деву, кто черта молил –
Но из тумана удар наугад обоих навек мирил.
На взводе ухо, на взводе глаз, рот скважиной на лице,
Дуло на борт, ноги в упор, чтобы не сбить прицел.
А когда затихала пальба на миг – руль скрипел в тишине,
И каждый думал: «Если вздохну – первая пуля мне».

Но заговоренное ружье вслепую со «Штральзунда» бьет,
И сквозь мутный туман разрывной жакан ударил Тома в живот.
И ухватился Том Холл за шкот, всем телом повис на нем,
Уронивши с губ: «Подожди меня, Руб, – нас дьявол зовет вдвоем.
Дьявол вместе зовет нас, Руб, на убойное поле зовет,
И пред Господом Гнева предстанем мы, как котик-голыш предстает.
Ребята, бросьте ружья к чертям, было время счеты свести.
Мы отвоевали свое. Дайте нам уйти!
Эй, на корме, прекратить огонь! «Балтика», задний ход!
Все вы подряд отправитесь в ад, но мы с Рубом пройдем вперед!»
Качались суда, струилась вода, клубился туманный кров,
И было слышно, как капала кровь, но не было слышно слов.
И было слышно, как борта терлись шов о шов.
Скула к скуле во влажной мгле, но не было слышно слов.
Испуская дух, крикнул Рубен Пэн: «Затем ли я тридцать лет
Море пахал, чтобы встретить смерть во мгле, где просвета нет?
Проклятье той работе морской, что мне давала хлеб, –
Я смерть вместо хлеба от моря беру, но зачем же конец мой слеп?
Чертов туман! Хоть бы ветер дохнул сдуть у меня с груди
Облачный пар, чтобы я сумел увидеть синь впереди!»
И добрый туман отозвался на крик: как парус, лопнул по шву,
И открылись котики на камнях и солнечный блеск на плаву.
Из серебряной мглы шли стальные валы на серый уклон песков,

И туману вслед в наставший свет три команды бледнели с бортов.
И красной радугой била кровь, пузырясь по палубам вширь
И золото гильз среди мертвецов стучало о планшир,
И мерная качка едва ворочала тяжесть недвижных тел,
И увидели вдруг дела своих рук все, как им Бог велел.
И легкий бриз в парусах повис между высоких рей,
Но никто не стоял там, где штурвал, и легли три судна в дрейф.
И Рубен в последний раз захрипел хрипом уже чужим.
«Уже отошел? – спросил Том Холл. – Пора и мне за ним».
Глаза налились свинцовым сном и по дальнему дому тоской,
И он твердил, как твердят в бреду, зажимая рану рукой:
«Западный ветер, недобрый гость, солнце сдувает в ночь –
Красные палубы отмыть, шкуры грузить – и прочь!»
«Балтика», «Штральзунд» и «Сполох», шкуры делить на троих!
Вы увидите землю и Толстый Мыс, но Том не увидит их.
На земле и в морях он погряз в грехах, и черен был его путь,
Но дело швах, после долгих вахт он хочет лечь и уснуть.
Ползти он готов из моря трудов, просоленный до души, –
На убойное поле ляжет он, куда идут голыши.
Плывите на запад, а после на юг – не я штурвал кручу!
И пусть ёсиварские девки за Тома поставят все же свечу.
Но пусть не привяжут мне груз к ногам, не бросят тонуть в волнах –
На отмели тихой заройте меня, как Беринга, в песках.
А рядом пусть ляжет Рубен Пэн – он честно дрался, ей-ей,
И нас оставьте поговорить о грехах наших прошлых дней!..»
Ход наугад, лот вперехват, без солнца в небесах.
Из тьмы во тьму, по одному, как Беринг – на парусах.
Путь будет прост при свете звезд для опытных пловцов:
С норда на вест, где Западный Крест, и курс на Близнецов.
Свет этих вех ясен для всех, а для браконьера вдвойне
В ту пору, когда секачи ведут стаи среди камней.
В небо торос, брызги до звезд, черных китов плеск,
Котик ревет – сумерки рвет, кроет ледовый треск.
Мчит ураган, и снежный буран воет русской пургой –
Георгий Святой с одной стороны и Павел Святой – с другой!
Так в шквалах плывет охотничий флот вдали от берегов,
Где браконьеры из года в год идут на опасный лов.

А в Иокогаме сквозь чад твердят,
Твердят сквозь водочный дух
Про скрытый бой у скрытых скал,
Где шел «Сполох» и «Балтику» гнал,
а «Штральзунд» стоял против двух.

Перевели В.и М. Гаспаровы

БРОШЕННАЯ**

… И сообщают, что покинутая «Мэри Поллок» все еще находится в море.

«Корабельные новости»

Самый непотопляемой
Я во всем нашем флоте была,
Пока меня злоба морская
Наискось не подняла.
Море, меру гнева превысив,
Унесло всю команду во тьму,
И хочет чтоб я, безглазая,
Продолжала служить ему!

Человек для себя меня сделал,
И воля его надо мной,
Но меня, творцом позабытую,
Гоняет любой волной,
Каждый дым на пустом горизонте
Пугает меня потому,
Что вдруг какое-то судно
Близко к борту пройдет моему.

Вывернутой, как губы в жажде,
Перекошенной на волне,
Иссушенной и расколотой,
Что на море делать мне?
Ветры палубу мне подметают
До белизны костей,
Дребезжат при каждом качанье
Останки моих снастей,

Оснастки, что многие годы
Пребывала душой моей,
И стон изболевшихся ребер
Едва отвечает ей.
Банды назойливых чаек
Скребутся в каютах пустых
И рев, заглушающий бурю,
Рвется из клюзов моих.

В кольце горячем и синем
Я, слепая, качаясь сама,

Раскачиваю даже солнце,
Беспомощна и нема,
Я слышу: проходят звезды
И в шуршащем пути круговом
Издеваются над обреченным
Перекривленным кораблем.

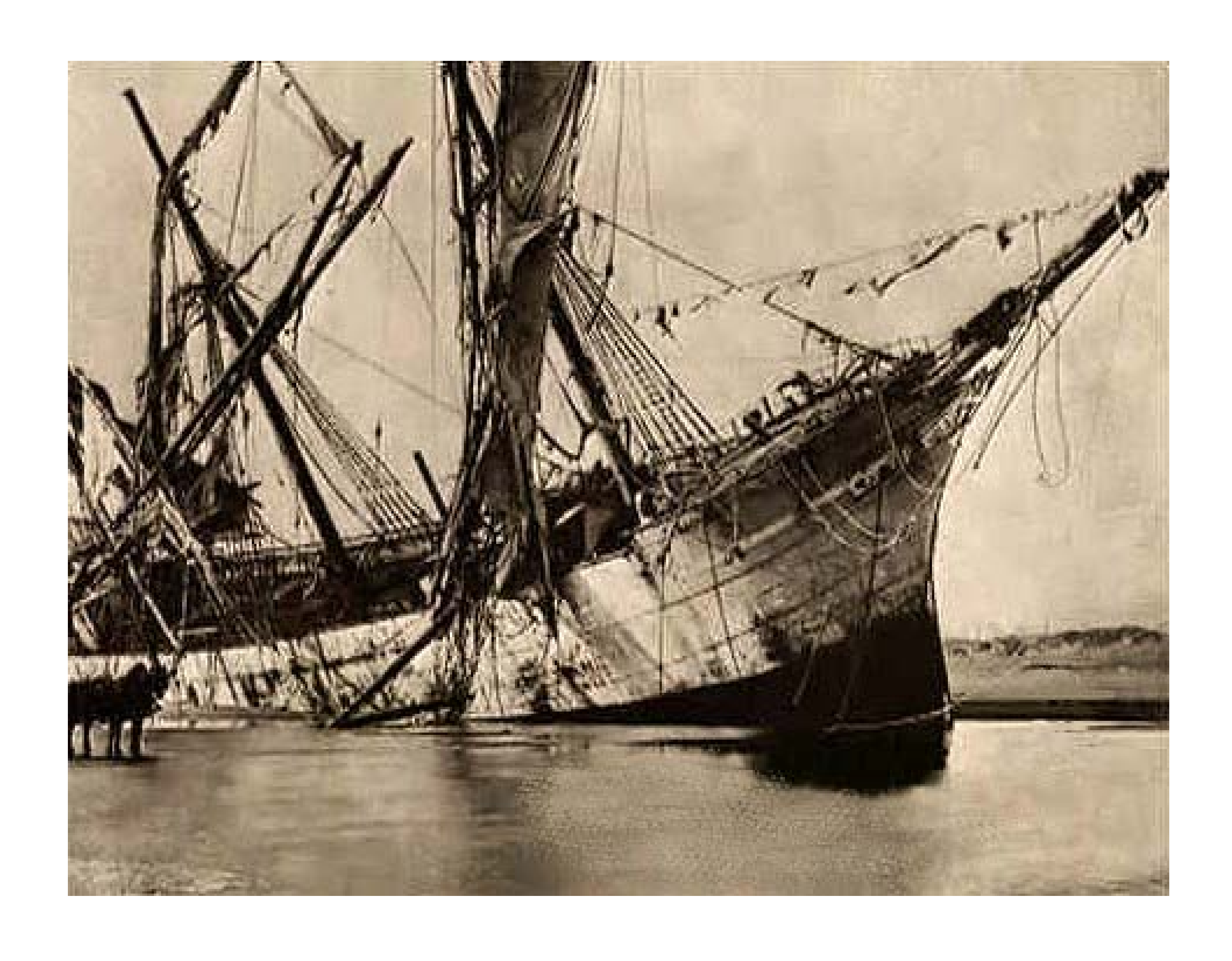
В гневе волна за волною
Приходят из ближних морей,
Белой и злобной стеною
По пустынной тропе моей.
И обиженная на собратьев,
Только жду я последнего дня,
И милостивого шквала,
Который утопит меня.

Вперед – назад меня носит,
То на север, где обшивке моей
Суждено обмерзать в леденящих
Брызгах тяжелых морей,
То на юг, где, сползая с кораллов,
Водоросли плывут
И палубу грязью заносят,
Налезая на бак и на ют.

Курс – навстречу солнцу,
Пусть глубины грозят бедой,
Я исхлестана ночью, надеюсь
На случайную встречу с сестрой...

Человек для себя меня сделал
И воля его надо мной,
Вдруг меня, творцом позабытую,
Снесет на причал родной?!
Каждый дым на пустом горизонте
Дарит радость мне потому,
Что вдруг, к счастью, какое-то судно
Близко к борту пройдет моему...

Перевел В. Бетаки

ПЕСНЬ БАНДЖО

Ты рояль с собой в поход не завернешь,
Нежной скрипке в мокрых джунглях не звучать,
И орган в верховья Нила не попрешь,
Чтобы Баха бегемотам исполнять!
Ну а я – меж сковородок и горшков,
Между кофе и консервами торчу,
И под стук солдатских пыльных каблуков
Отстающих подгоняю и бренчу:

Тренди-бренди, тренди-бренди, та-ра-рам...
(что втемяшится – бренчит само собой!)
Так, наигрывая что-то в такт шагам,
Я зову вас на ночлег и водопой.

Дремлет лагерь перед боем в тишине.
Завещанье сочиняешь? Бог с тобой!
Объясню я, лишь прислушайся ко мне,
Что для нас один на десять – равный бой!
Я – пророк всего, что было искони
Невозможным! Бог нелепейших вещей!
Ну, а если вдруг сбываются они –
Только дай мне ритм сменить – и в путь смелей!

Там-то, там-то, там-то, там-то, там,
Где кизячный дым над лагерем вдали,
Там пустыней в даль седую, одинокий хор веду я –
Боевой сигнал для белых всей Земли.

Младший сын пройдет по горькому пути:
Он узнает и пастушеский бивак,
И сараи стригалей, где всё в шерсти,
Чтоб иметь свое седло и свой очаг!
На бадейке перевернутой, в ночи
Я о том скажу, о чем молчишь ты сам:
Я ведь – память, мука, город... О, молчи –
Помнишь смокинг и коктейль по вечерам?

Танго, танго, танго, танго, танго таннн...
В ясном блеске, в блеске лондонских огней...
Буду шпорою колоть их – снова – к дьяволу и к плоти,
Но верну домой надломленных детей!

В дальний край, где из тропических морей
Новый город встал, потея и рыча,
Вез меня какой-то юный одиссей,
И волна мне подпевала, клокоча…
Он отдаст морям и небу кровь свою,
И захлестнут горизонтом, как петлей,
Он до смерти будет слышать песнь мою,
Словно в вантах ветра вымученный вой –

Волны, волны, волны, волны, волны – во!
И зеленый грохот мачту лупит в бок…
Если город – это горе,
Что ж, вздохни, и – снова в море!
Помнишь песню «Джонни, где твой сундучок?»

В пасть лощин, где днем мерцают звезд глаза,
Где обрывки туч летят из-под колес,
Где скрипят-визжат на спусках тормоза
(За окном – тысячефутовый утес!),
Где гремят и стонут снежные мосты,
Где петляет в скалах змей стальных дорог,
Бесшабашных я зову, чтоб с высоты
Черным соснам протрубить в Роландов Рог:

Пойте, пойте, пойте, пойте, пойте, пой,
В гривах гор топор и просеки путей!
Гнать железных жеребцов на водопой
По ущельям, к волнам Западных Морей!

Звон мой – думаешь, он – часть твоей души?
Всем доступен он – банальнейший трень-брень,
Но – смеяться и сморкаться – не спеши:
Он терзает струны сердца каждый день!
То дурачит, то печалит, то смешит,
То ли пьянка, то ли похоть, то ли ложь…
Так назойливой мелодией звучит,
Жжется память, от которой не уйдешь!

Только, только, только, только так –
Пустяковая расплата за тобой?
Погоди, не веселись – вспомни все и оглянись,
И раскаянье навалится горой…

Пусть орган под самый свод возносит боль,
Я взметну тоску людскую до звезды!

Пусть врага зовет труба на смертный бой,
Я – бегу, смеясь меж бегства и беды.
Резкий голос мой не спутаешь ни с чем –
Неоконченная песнь надежд былых,
Издевательство над сущностью вещей
Скрыто в выкриках гнусавых струн моих!

День ли, день ли, день ли, день ли – день, да мой!
Кто послушает, а кто и прочь пойдет,
Но останется за мной снова слово, если в бой
Рота пушечного мяса насмерть прет!

Лира древних прародительница мне!
(О, рыбачий берег, солнечный залив!)
Сам Гермес не зря держал ее в огне,
Мой железный гриф и струны закалив.
И во мне запела мудрость всех веков,
Я – пеан бездумной жизни, древний грек,
Песня истины, свободной от оков,
Песня чуда, песня юности навек!

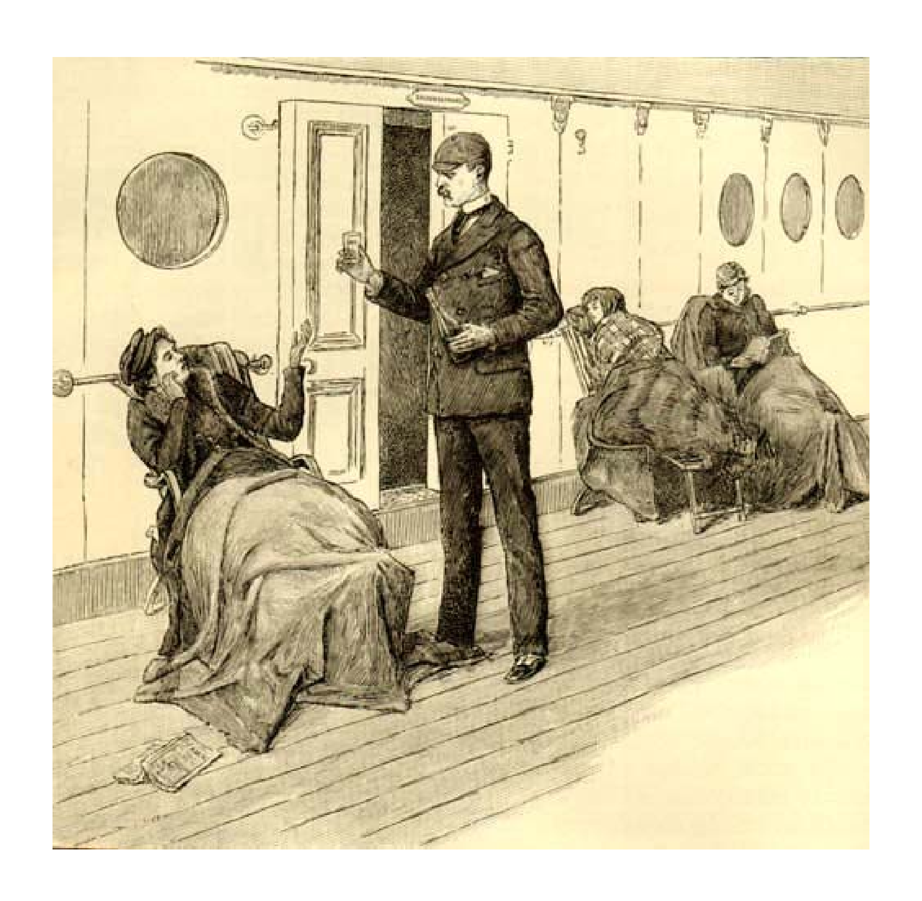
Я звеню, звеню, звеню, звеню…
(Тот ли тон, о господин мой, тот ли тон?)
Цепью Делос–Лимерик, звено к звену,
Цепью песен будет мир объединен!

Перевел В. Бетаки

ЛАЙНЕР – КАК ДАМА СВЕТСКАЯ...**

Лайнер – как дама светская, которой на все плевать
Муж у нее – Большой Адмирал, он все добудет ей,
А вот морскому извозчику – сновать, не уставать
Он, знашь, как ты и я – весь век вертись среди зыбей!

Туда сюда мотаемся, Дженни, то в Портсмут, то назад,
Туда сюда лавируем, размыкать бы беду!
Все крупные дела – потом. Пока что постоят,
А мы – туда сюда,– как слуги ждем на холоду...

Лайнер – как дама светская: отменный макияж,
А паче – что случись не так, ох, для нее позор!
Муж у нее Большой Адмирал, не ей, а нам – каботаж,
Таскать всё грузы не перетаскать – иначе под забор.

Лайнер – как дама светская – путь ее краток и прям,
Мужик ее Большой Адмирал, он рядом с ней всегда,

А морскому извозчику – худо ему, болтаться по морям
И грузы таскать не перетаскать, а то, глядишь, беда!

Лайнер – как дама светская и если вдруг война,
Муж у нее Большой Адмирал – сидеть уж дома ей,
Морскому извозчику – нет, шалишь, не та судьба дана:
Он ведь не Гордость Англии, – воюй среди морей!

Лайнер – как дама светская, не грех и опоздать,
Муж у нее Большой Адмирал – сражаться не с руки,
За дом родной и за друзей мы будем воевать,
И грузы будем доставлять, трудясь, как ишаки.

Туда сюда мотаемся, Дженни, то в Портсмут, то назад,
Туда сюда лавируем, размыкаем беду!
А крупные дела – потом. Пока что постоят,
И дом и друзья, как слуги –подождут на холоду…

Перевел В. Бетаки

ЯКОРНАЯ**

Раз-два взяли! На скрипучий кабестан нажмем дружнее.
Так держать! Да подтяните, чтоб на брашпиль весь канат,
Грот поднять! Распущен стаксель? Крепче принайтовить реи,
Взятку морю – ну-ка за борт, как обычаи велят!
Ах, прощай, ах, прощай, мы опять идем в моря,
К черту ром, да и девчонку прочь с колен – отплывай!
«Торопись – кричит нам ветер, – все не зря, все не зря,
Поспеши, пока попутный! Раз-два-три – не зевай!
Если снова хочешь в гости к тетке Кэрри,
Так не мешкай, собирайся к тетке Кэрри,
Где цыплят своих бедовых кормит в море тетка Кэрри
Прощай!

Раз-два, взяли, подтяни еще чуток, прочисти клюзы,
Грязь мы в гавани оставим, не тащить же за собой!
Много ль надо нам балласта? Отправляемся без груза,
А пока что правый якорь повисит пусть над водой.
Берег свой увидим снова через год, через год,

А теперь в последний раз подымем якоря мы
Раз-два взяли, не зевай, ну еще – поворот
Рваным кливером расплатимся с землею за моря мы!

Раз-два, взяли! Ну – на брашпиль, ну, еще разок, сильнее,
Так держать! И выбрать фалы. Эй, шлюп-балку не забудь!
Выше, выше! Закрепить лапу якоря прочнее,
Ветер славного Ламанша вновь тебе овеет грудь
Вот и берег нас не слышит, наши голоса относит,
Ветер к вечеру крепчает, вот и суши нет как нет,
И скользит корабль веселый, ветра сильного не просит,
И такого нам довольно, как бы не сорвал берет!

Наш корабль и сам отыщет одинокий путь полночный,
Он тоской по порту болен, древнею морской тоской,
Брест увидит наш старинный красный вымпел над грот-мачтой.
Так держать! И круче к ветру, круче к ветру, рулевой!
Сквозь дожди и сумрак солнце распахнет нам двери,
Пусть как мельничные крылья ветры – не зевай!
А когда утихнет буря – в гости к тетке Кэрри,
Через все водовороты – к тетке Кэрри,
Где цыплят своих бедовых кормит в море тетка Кэрри,
Прощай!

Перевел В. Бетаки

ХОЗЯЙКА МОРЕЙ*

Так вот: Хозяйка Морей живет
У Северных Ворот,
Неприкаянных нянчит она бродяг
И в океаны шлет.

Иные тонут в открытых морях,
Иные у скал нагих,
Доходит печальная весть до нее,
И она посылает других.

Белую пенную пашню пахать
Шлет сынов она в дальний край,
Дает им больших деревянных коней,
Но горек урожай.

Намокают их плуги, и невмоготу
Тем деревянным коням,
Но они возвращаются издалека
Бурям верны и морям.

Они возвращаются в старый дом,
Ничего не привозят ей,
Только знанье людей, как остаться людьми
В толпе опасных дней.

Только веру людей, что сдружились с людьми
В завыванье штормов пустом,
Да глаза людей, что прочли с людьми
Смерти распахнутый том.

Их богатства – увиденные чудеса
Их бедность – пропащие дни,
И товар, что чудом достался им,
Только чудом сбудут они.

Повезет ли кому из ее сыновей,
Или вовсе не повезет,
Все они у камина расскажут ей,
И она устало кивнет.

Открыт ее дом всем шальным ветрам
(Пусть в камине золу ворошат),

И в прилив отплывают одни сыновья,
А другие к дому спешат.

И все они дерзкой отваги полны,
Их неведомый мир зовет,
И они возвращаются снова к огню,
Пока вновь не придет их черед.

Возвращаются в сумрак вечерний одни,
А другие в рассветный смог,
И стекает вода с их усталых тел,
И по крыше топанье ног.

И живой и мертвый из всех портов
К ее очагу спешит,
И живой и мертвый вернутся домой,
И она их благословит.

Перевела Г. Усова

ΩΩΩ

ЦВЕТЫ**

Купите букетик, купите!
Английский тут каждый цветок:
И алый кентский боярышник,
И желтый суррейский дрок!
Влажные (в брызгах Ламанша),
Вересковые цветы…
Купите букетик, купите:
В нем спрятаны ваши мечты!

Купите цветов, купите
Простой английский букет:
Вот дуврские фиалки,
Девонский первоцвет,
Мидлендские ромашки,
Колокольчик вот, голубой,
Поздравить тех, кто сегодня
На край света заброшен судьбой.

Малиновка в роще свищет: «Ко мне, ко мне, ко мне».
Весна – в кленовую рощу, каринка – навстречу весне,
Все ветры Канады как пахарей зовут ватагу дождей…
Цветок возьми и время верни, чтоб снова – к любви своей.

Купи английский букетик
Хоть синих васильков,
Хоть маргариток веселых,
Что белее дюнных песков.
Купи – и я угадаю
(Букетик мой не соврет),
Из какого же края
Произошел твой род!

Под жаркой Констанцей зреет темный густой виноград,
Склоны в цветущем терне, облачка недвижно стоят,
Под горой почти незаметны следы телег и коней.
Цветок возьми и время верни, чтоб снова – к любви своей.

Купи мой английский букетик
Ты, кого не тянет домой,
Купи хоть пучок гвоздики,
Хоть ромашки букет полевой,
Кувшинок или калужниц
Или жимолости цветы,

И я тебе без ошибки
Скажу, где родился ты.

Тот, кто с презреньем бродяжьим смотрит на райский уют,
Кто гонит стада дорогой, где эвкалипты поют,
На запад! Вдаль от Мельбурна, на праздник пыльных степей!
Цветок возьми и время верни, и снова – к любви своей.

Купи мой английский букетик
(Не купить только выбор твой!).
Купи хоть белые лилии,
Купи хоть шар золотой,
Или мой алый шиповник,
В знак дружбы с этой весной!
Подари цветы океану,
И тебя он вернет домой.

Города ветров и туманов, сосны шумят над водой,
Птица как колокол в темной листве, а ниже вьюнок густой
Папоротники повыше седла, да лен голубых степей.
Так цветы возьми и время верни, чтоб снова – к любви своей.

Купи мой английский букетик,
Ты, живущий в семье своей,
Купи, ну хоть ради брата:
Одинок он за далью морей,
Избавь от тоски по дому,
Пусть радость в душе расцветет,
И тебя не заметит та птица,
Что мертвых к себе зовет.

Всюду раскиданы наши дома, вокруг Семи Морей,
И горе – если забудем, что же
соединяет людей,
Каждому свой берег родной, птица, цветок, страна –
Всем нам, о боги Семи Морей, теплота и любовь нужна.

Перевел В. Бетаки

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ ЧЕСТНОГО ТОМАСА

Король вассалам доставить велел
Священника с чашей, шпоры и меч,
Чтоб Честного Томаса наградить,
За песни рыцарским званьем облечь.

Вверху и внизу, на холмах и в лугах
Искали его и лишь там нашли.
Где млечно-белый шиповник растет,
Как стража у Врат Волшебной Земли.

Вверху синева, и внизу откос,
Глаза разбежались — им не видны
Стада, что пасутся на круглом бугре...
О, это царицы волшебной страны!

«Кончай свою песню! — молвил Король.
Готовься к присяге, я так хочу;
Всю ночь у доспехов стой на часах
И я тебя в рыцари посвящу.

Будут конь у тебя, и шпоры, и герб,
Грамоты, оруженосец и паж.
Замок и лен земельный любой,
Как только вассальную клятву дашь!»

К небу от арфы поднял лицо
Томас и улыбнулся слегка;
Там семечко чертополоха неслось
По воле бездельного ветерка.

«Уже я поклялся в месте ином
И горькую клятву сдержать готов
Всю ночь доспехи стерег я там,
Откуда бежали бы сотни бойцов.

Мой дрот в гремящем огне закален,
Откован мой щит луной ледяной,
А шпоры в сотне лиг под землей,
В Срединном Мире добыты мной.

На что мне твой конь и меч твой зачем?
Чтоб истребить Благородный Народ

И разругаться с кланом моим родным,
Что в Волшебном Граде живет?

На что мне герб, замок, и лен,
И грамоты мне для чего нужны.
Оруженосец и паж мне зачем?
Я сам Король своей страны.

Я шлю на запад, шлю на восток,
Куда пожелаю, вассалов шлю,
Чтоб утром и в сумерках, в ливень и зной
Возвращались они к своему Королю.

От стонущей суши мне весть принесут,
От ревущих во мгле океанов шальных,
Реченье Плоти, Духа, Души,
Реченье людей, что запутались в них».

Король по колену ударил рукой
И нижнюю губу прикусил:
«Честный Томас! Я верой души клянусь,
На любезности ты не расходуешь сил!

Я многих графами сделать могу,
Я вправе и в силе им приказать
Позади скакать, позади бежать
И покорно моим сынам услужать».

«Что мне в пеших и конных графах твоих,
На что сдались мне твои сыны?
Они, чтобы славу завоевать,
Просить моего изволенья должны.

Я Славу разинутым ртом создаю,
Шлю проворный Позор до скончанья времен
Чтобы клир на рынках ее возглашал,
Чтобы с псами рыскал по улицам он.

Мне червонным золотом платят одни
Не желают иные белых монет,
Ну а третьи дают немного еды,
Ибо званья у них высокого нет.

За червонное золото, за серебро
Я для знати одно и то же пою,

Но за еду от незнатных людей
Пою наилучшую песнь мою».

Кинул Король серебряный грош,
Одну из мелких шотландских монет:
«За бедняцкую плату, за нищенский дар
Сыграешь ли ты для меня или нет?»

«Когда я играю для малых детей,
Они подходят вплотную ко мне,
Но там, где даже дети стоят,
Кто ты такой, что сидишь на коне?

Слезай с коня твоей спеси, Король!
Уж больно чванен твой зычный галдеж.
Три слова тебе я скажу, и тогда,
Коль дерзнешь, в дворянство меня возведешь!»

Король послушно сошел с коня
И сел, опершись спиной.
«Держись! – молвил Томас. – Теперь у тебя
Я вырву сердце из клетки грудной!»

Томас рукой по струнам провел
Ветровой арфы своей колдовской;
От первого слова у Короля
Хлынули жгучие слезы рекой:

«Я вижу утраченную любовь,
Касаюсь незримой надежды моей,
Срамные дела, что я тайно творил,
Шипят вкруг меня, как скопище змей.

Охвачен я страхом смертной судьбы,
Нет солнца в полдень, настала ночь.
Спрячь меня, Томас, укрой плащом,
Бог знает, – мне дольше терпеть невмочь!»

Вверху синева, и внизу откос,
Бегущий поток и открытый луг.
В зарослях вереска, в мокром рву
Солнце пригрело племя гадюк.

Томас молвил: «Приляг, приляг!
То, что минуло, рассудит Бог,

Получше слово тебе возглашу,
Тучу сгоню, что прежде навлек».

Честный Томас по струнам провел рукой,
И арфа грянула сгоряча,
При слове втором схватился Король
За повод, за рукоять меча:

«Я слышу ратников тяжкий шаг,
Блестит на солнце копий стена.
Из чащи так низко летит стрела,
Так звучно поет в полете она!

Пусть на этой войне мои стяги шумят.
Пусть рыцари скачут мои напролом,
Пускай стервятник за битвой следит, –
Жесточе у нас не случалось в былом!»

Вверху синева, и внизу откос.
Гнется трава и пуст небосклон.
Там, сумасбродным ветром звеня,
Сокол летит за сорокой в угон.

Честный Томас над арфой вздохнул
И тронул средние струны у ней;
И последнее слово Король услыхал
О невозвратности юных дней:

«Я снова Принц и без страха люблю
Подружку мою, не в пример Королю,
С друзьями подлинной дружбой дружу.
На добром коне оленя травлю.

Псы мои насмерть загонят дичь,
Могучий рогач залег у ручья;
Ждет у окна, чтоб мне руки умыть.
Возлюбленная подружка моя.

Я истинно жив, ибо снова правдив,
Всмотревшись в любимый, искренний взгляд.
Чтоб в Эдеме вместе с Адамом стоять
И скакать на коне через Райский Сад».

Ветер безумствует, гнется трава,
Плещет поток, и пуст небосвод,

Где, обернувшись, могучий олень
Лань свою ждет, ей прийти не дает.

Честный Томас арфу свою отложил.
Склонился низко, молчанье храня.
Он стремя поправил и повод взял,
И Короля усадил на коня.

Он молвил: «Ты бодрствуешь или спишь,
Сидя застыло, молча? Ну что ж!
Мыслю – ты будешь песню мою
Помнить, пока навек не уснешь!

Я Песней Тень от солнца призвал,
Чтоб вопила она, восстав пред тобой,
Под стопами твоими прах раскалил,
Затмил над тобой небосвод голубой.

Тебя к Престолу Господню вознес,
Низверг тебя в Пекло, в Адский предел,
Я натрое душу твою разрезал,
А – ты – меня – рыцарем – сделать – хотел!»

Перевел А. Штейнберг

СКАЗАНИЕ ОБ АНГЕ

Раз, на сверкающей льдине, то было очень давно,
Анг человека из снега вылепил в утро одно,
Родича внешность он придал статуе, как на заказ.
Анг был великий художник. Слушай об Анге рассказ!

Родичи Анга сбежались, – нюхали, щупали снег,
Все перещупав, решили: «Это совсем человек!
Держит копье он, как люди, так же обут и одет;
Все одинаково с нами! Ангу хвала и привет!»
Зубра с Медведем со скуки вырезал Анг на кости,
Вырезал он Мастодонта – тушу в мохнатой шерсти,
Тигра, что нес человека в острых, как сабли, зубах,
Все это четко и точно вырезал Анг на костях.
Снова сбежалось все племя – сотни четыре голов,
Люди скалистых заливов, люди высоких холмов,
Охотники и рыболовы, и проворчали: «Ей-ей!
Все это так, но откуда знает он этих зверей?!
Анг разве спал с Мастодонтом или на зубра ходил,
Или на льдине с Медведем запросто он говорил?
Нет – это выдумки Анга, он и теперь, как тогда,
С тем человеком из снега, нас обманул без стыда!»
Анг рассердился ужасно, крикнул он, сжав кулаки:
«Охотники и рыболовы, дети вы и дураки!
Вы бы на ловле старались этих зверей разглядеть!»
Быстро к отцу побежал он, горя не в силах стерпеть.
Анг рассказал о позоре, и рассмеялся отец,
Был он всеведущ в искусстве и знаменитый мудрец.
«Если бы глаз их, – сказал он, – зорок был так же, как твой,
Сами б они рисовали, что тогда было б с тобой?
Не было б шкуры оленьей здесь, у пещеры твоей.
Не было б острых иголок, раковин и янтарей,
Ни превосходных бизоньих, теплых еще языков
И ни заплывшего салом мяса гренландских китов.
Оледенелые в бурю ты не таскал невода,
Судна военного в море ты не водил никогда,
Все ж тебе люди приносят шкуры и дичь, и питье.
В дар за твое вдохновенье и за искусство твое.
Ты не преследовал зубра, как же ты хочешь, чтоб мог
В битве охотник увидеть каждый его волосок,
Или у Мамонта складки на волосатой губе?
Все же, убив его, тащат лучшие части тебе.
Вот и сейчас в изумленье люди разинули рты
Перед твоею работой, – славен средь племени ты!

Но, сомневаясь в сходстве, правы, конечно, они.
Сын мой, что видит так ясно, ты им подарки верни!» –
Анг дорогие подарки молча в руках повертел,
Анг осмотрел свои руки и рукавицы надел
И, покидая пещеру, он услыхал за спиной:
«Радуйся, что эти люди слепы, мой сын дорогой! »

Анг, не теряя минуты, снова на белой кости
Вырезал, точно живого, Мамонта в длинной шерсти
Весело пел и свистел он, благословляя сто раз
За слепоту свое племя. Помни об Анге рассказ.

Перевел М. Фроман

ТРЕХПАЛУБНИК**

Каков корабль! Чтоб галс сменить, потратишь три часа,
Неделю с гаком – чтоб кой-как зарифить паруса,
А рост от ватерлинии до уровня бортов!
Но кто б другой достигнуть мог Блаженных островов?

Я точно знал, что никакой надежный пакетбот
Тех островов таинственных вовеки не найдет.
Влюбленный теплый бриз, храни корабль волшебный наш,
Не зря из баловней судьбы составлен экипаж.

А как вели они корабль – как лучшие мастера,
И помешать им не могли ни волны, ни ветра,
(Туристских лайнеров маршрут? Он не указка вам!)
Трехпалубник вы привели к Блаженным Островам.

Каюты, что достались нам, все были первый класс,
И редкие красавицы нам радовали глаз,
А из каких они кругов – нам было все равно:
Оставим богу небеса, чертям морское дно.

И мы не спрашивали, как рождаются на свет:
Малыш родился? Хорошо. А чей – вопросов нет!
Обеты верности? Из нас Юсуф едва ли кто,
Да и Зулейка никогда не думала про то...

Моральные сомнения? Да нет, на кой нам черт!
«Ура» кричали мы, когда у входа в самый порт
Злодея принялись пороть... И скрипки пели нам,
Кто – чей, никто не знал, прибыв к Блаженным островам.

Так целовались юные на палубах на всех,
Когда я на берег сошел, под их счастливый смех:
(Ведь сельский английский уют – скажу без громких слов –
Мне он дороже был любых Блаженных островов).

А пароходам нет пути к Блаженным островам.
Пурпурных наших вымпелов вовек не видеть вам,
Для всех вонючих лайнеров закрыты к нам пути,
И вам, балбесам, никогда дороги не найти.

Паршивые прожектора, как ни вертите – нет,
Над нашей тихой пристанью не разольют свой свет,

Визг отвратительных сирен, несущих зло морям,
Вас не приблизит ни на фут к Блаженным островам.

А старый парусник, скрепя скрипящий полубак,
Хотя все реи у него торчат бог знает как,
Хотя и по старинке он покорен всем ветрам,
Но он один и доплывет к Блаженным островам.

Весь от киля до клотика он так невозмутим,
Что сам Голландец, кажется, едва ль поспорит с ним,
И рваный парус у него искрится серебром,
И под бушпритом у него ворчит далекий гром.

А верхние его огни как ранняя заря,
Как свечи, что расставлены венцом вкруг алтаря,
Под музыку на палубе за горизонты лет
Пока не скроешься – плыви, оставив Старый свет.

Что за команда? Из детей, из психов или так?..
Ты, пароход, наукин сын, все знаешь, что и как,
Валяй, чини свои винты, мотайся по портам,
А мы – усталых увезем к Блаженным островам.

Перевел Г. Бен

МЭРИ ГЛОСТЕР

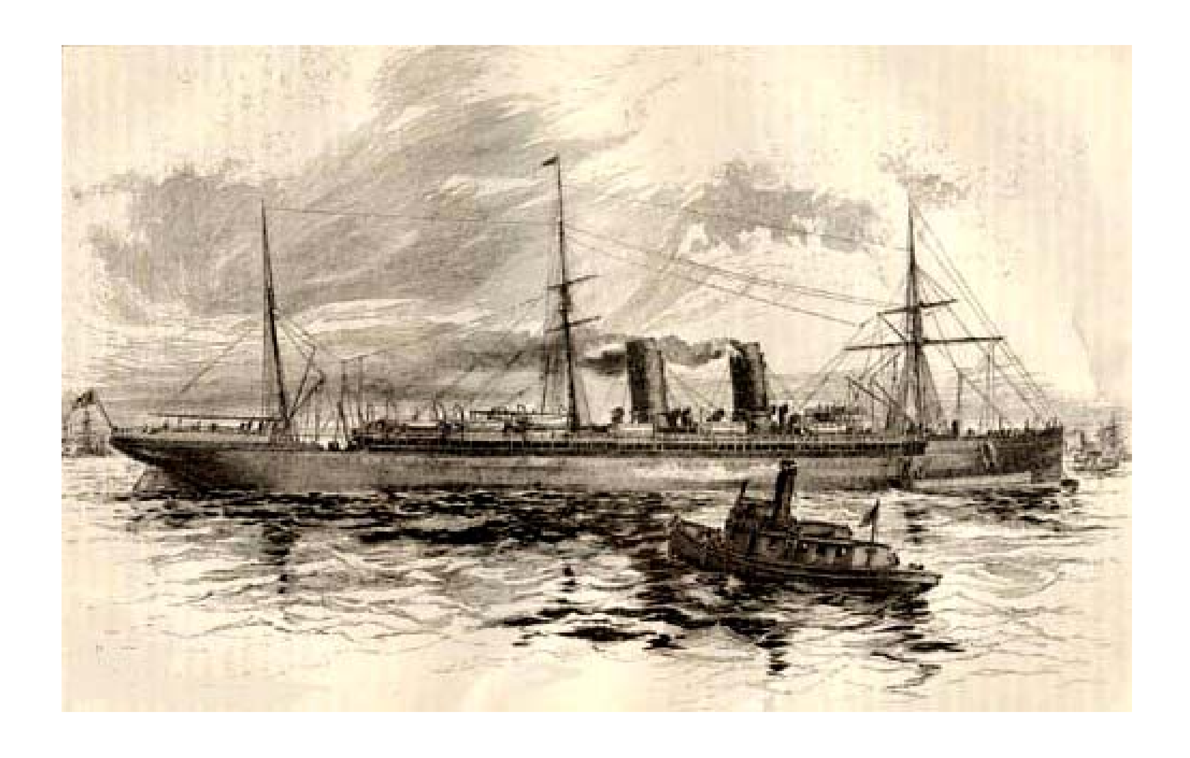
Я платил за твои причуды, не запрещал ничего.
Дик! Твой отец умирает, ты выслушать должен его.
Доктора говорят – две недели? Лгут твои доктора!
Завтра утром меня не будет... и... скажи, чтоб ушла сестра.
Не видывал смерти, Дикки? Учись, как уходим мы!
И ты в свою очередь встанешь на пороге смертельной тьмы.
Кроме судов, и завода, и зданий, и десятин
Я создал себя и мильоны, но проклят, раз ты мой сын!
Хозяин в двадцать два года, женатый в двадцать шесть, –
Десять тысяч людей к услугам, а судов на морях не счесть.
Пять десятков средь них я прожил и сражался немало лет,
И вот я, сэр Антони Глостер, умираю – баронет;
Я бывал у их Высочеств – помнишь газетный столбец?
«Один из властителей рынка». Дик, это – я, твой отец!
Я начал не с просьб и жалоб. Я смело взялся за труд;
Я шел напролом, а это – удачей теперь зовут.
Что за судами я правил! Гниль, и на щели щель, –
Я, как было приказано, и топил, и сажал их на мель!
Еда, от которой шалеют! Команда – Бог им прости!
И жирный куш страховки, чтоб покрыть опасность пути.
Другие – не смели, боялись: жизнь, мол, у нас одна!
(Они у меня шкиперами). Я же шел, и со мной жена.
Я не раз обошел вокруг света, и передышки ни дня.
Твоя мать копила деньжата, выводила в люди меня!
Я был счастлив, что я – хозяин, но ей было все видней,
Она выбирала дорогу, а я слепо шел за ней.
Она подстрекнула взять денег, нашла расплатиться как,
И мы накупили акций и подняли собственный флаг.

В долг забирая уголь, питаясь Бог знает чем,
Мы клиперы приобретали – теперь их уже тридцать семь.
За клипером клипер грузился, блестяще шли дела,
Когда в Макассарском проливе внезапно она умерла.
Около Патерностера, в тихой синей воде,
Ее опустили в вечность. Я отметил на карте, где.
Было нашим собственным судно, на котором скончалась она.
И звалось в честь нее «Мэри Глостер». Давнишние то времена...
Плыл я пьяный вдоль берега Явы и чуть не сел на мель,
Когда твоя мать мне явилась – и с тех пор мне противен хмель.
Я цепко держался за дело, не покладая рук,
Копил (она так велела), а пили другие вокруг.
Я в Лондоне встретил Мак-Кулло (не бывало знакомства нужней) –
Мы вместе начали дело: три кузницы, двадцать людей.

Дешевый ремонт дешевки. Я платил, и дело росло,
Патент на станок приобрел я, и тут мне опять повезло.
Я сказал: «Нам выйдет дешевле, если сделает их наш завод»,
Но Мак-Кулло на разговоры потратил почти что год.
А тут началось движенье – работа пришла сама:
Машины, котлы и трубы, огромные, как дома.
Мак-Кулло хотел, чтоб в каютах были и мрамор и клен,
Брюссельский и утрехтский бархат, ванны и общий салон.
Водопроводы повсюду, с резьбою каждая дверь...
Но он умер в шестидесятых, а – я вот только теперь...
Я знал – когда строился «Байфлит», – я знал уже в те времена:
Они возились с железом! – Я знал – только сталь годна.
Первое растяженье! И стоило это труда,
Когда появились наши девятиузловые суда!
Меня закидали вопросами, я же текст им привел в ответ:
«Тако да воссияет перед людьми ваш свет».
Они пересняли, что можно, но я был мозгами богат,
В поту и в тяжелых сомненьях, я бросил их год назад.
Пошли на броню контракты, здесь был Мак-Кулло силен,
Он был мастер в литейном деле, но – лучше, что умер он.
Я прочел все его заметки: их понял бы и новичок,
А я не дурак – не продолжить там, где мне дан толчок.
(Его вдова рассердилась). Я чертежи разобрал.
Шестьдесят процентов, не меньше, приносил мне прокатный вал.
Шестьдесят процентов с браковкой, мы могли их делать вдвойне.
И четверть мильона кредита – скажи спасибо мне!
Мне казалось – но это не важно, – что ты обожаешь мать.
Тебе уже скоро сорок, и тебя я успел узнать.
Харроу и Тринити Колледж! А надо бы в Океан!
Я хотел тебе дать воспитанье, но горек был мой обман.
Тому, что казалось мне нужным, ты вовсе и не был рад,
А то, что зовешь ты жизнью, я называю – разврат.
Гравюры, фарфор и книги тебя занимали зря,
Квартирой модной кокотки была квартира твоя.
Ты женился на этой костлявой, длинной, как карандаш.
От нее ты набрался спеси: но где же ребенок ваш?
Запрудила пол-Кромвель-роуда вереница ваших карет,
Но докторский кэб не виден, и наследника нет как нет.
(Итак, ты мне не дал внука, тобой окончен наш род),
А мать твоя в каждой поездке под сердцем носила плод.
Но убивал малюток широкий морской простор,
Только ты, ты один это вынес!
Хоть мало что вынес с тех пор.
Лгун, и лентяй, и хилый: как будто себе на обед
Собирал ты корки с помоек. Мой сын не помощник мне, нет!
Для него есть триста тысяч и проценты с них каждый год,

Все это, видишь ли, Дикки, пущено мной в оборот.
Ты можешь не пачкать пальцев, а не будет у вас детей,
Все вернется обратно в дело. Но что там с женой твоей?
Она стонет, кусая платочек, в экипаже своем внизу:
«Милый папочка! Он умирает!» – и старается выжать слезу.
Благодарен? О да, благодарен, но нельзя ли подальше ее?
Твоя мать ее не любила, а у женщин бывает чутье.
Ты услышишь, что я женился вторично! Нет! Это не то.
Бедной Эджи дай адвоката и выдели фунтов сто...
Она была самой славной – ты скоро встретишься с ней.
Я с матерью уплываю, а тебе поручаю друзей.
Мужчине нужна подруга; женщины скажут – пустяк, –
Конечно, есть и такие, которым не нужен очаг.
Но о той хочу говорить я, кто леди Глостер еще,
Я нынче в путь отправляюсь, чтоб повидать ее.
Стой! И звонка не трогай! Пять тысяч тебе заплачу,
Если будешь слушать спокойно и сделаешь все, что хочу.
Скажут люди, что я безумец, ты же будь настойчив и тверд.
Кому ж я еще доверюсь? (Отчего не мужчина он, черт!)
Мы затратили деньги на мрамор, еще при Мак-Кулло, давно.
Мрамор и мавзолеи – так возноситься грешно.
Для похорон мы имеем – остовы бригов и шхун.
Не один так писал в завещанье и не был ни шут, ни хвастун.
У меня слишком много денег, так я думал... но я был слеп.
В надежде на будущих внуков я купил этот Вокингский склеп.
Откуда пришел я, туда же и возвращаюсь вновь.
Ты возьмешься за это дело, Дик, мой сын, моя плоть и кровь!
Десять тысяч миль отсюда, с твоей матерью лечь я хочу,
Чтоб не свезли меня в Вокинг, вот за что я тебе плачу.
Как это надо сделать, я давно уж обдумал один –
Спокойно, прилично и скромно – слушай меня, мой сын.
Знаешь наши рейсы? Не знаешь... Так в контору письмо пошли,
Что, смертью моей угнетенный, ты хочешь поплавать вдали.
Ты выберешь «Мэри Глостер» – мною приказ уже дан, –
Ее приведут в порядок, и ты выйдешь на ней в океан.
Стоило много денег ее без дела держать.
Но могу я платить за причуды, на ней умерла твоя мать.
Около Патерностера, в тихой синей воде, –
Я, кажется, говорил уже, что отметил на карте, где.
(Она промелькнула в люке – коварное море вокруг!)
Сто восемнадцать на запад и ровно три на юг.
Направленье совсем простое – три на юг, как я уж сказал.
На случай внезапной смерти Мак-Эндрю я копии дал.
Он шеф пароходства Маори, но отпуск ему дадут,
Когда ты ему напишешь, что он мне нужен тут.
Три брига для них я построил – и удачно исполнил заказ,

А Мака я знаю давненько, а Мак знал обоих нас.
Ему я передал деньги, лишь стало плохо мне.
К нему ты придешь за ними, предав отца глубине.
Недаром ты плоть от плоти, а Мак мой старейший друг!
Его я не звал на обеды, ему не до этих штук.
Он за меня молился, старый морской шакал,
Но он не солгал бы за деньги, умер бы, но не украл.
Ему придется «Мэри», на буксир у пролива взять...
Свадебный тур совершает сэр Антони Глостер опять
В старой своей каюте, хозяин и капитан,
Под ним винтовая лопасть, вокруг голубой океан.

Плывет сэр Антони Глостер – веет флаг, наша гордость и честь
(Десять тысяч людей к услугам, а судов на морях и не счесть!)
У подножья Патерностера – ошибиться нельзя никак –
И последний пузырь не лопнет, как тебе заплатит Мак.
За рейс в шесть недель – пять тысяч – как лучший фрахтовщик судов,
И Мак передаст тебе чеки, как только я буду готов.
Потом вокруг Макассара ты возвратишься один.
Мак знает, чего хочу я... И над «Мэри» я – господин.
Твоя мать назвала б меня мотом – есть еще тридцать шесть кораблей,
Я приеду в своей карете – пусть ждет меня у дверей.
Вся жизнь я не верил сыну; он искусство и книги любил.
И он жил на отцовские деньги, и отцовское сердце разбил.
Итак, ты мне не дал внука, тобою кончен наш род!

Единственный сын наш, о матерь, единственный сын наш, вот!
Харроу и Тринити Колледж, а я день и ночь в трудах
Он думает: я – сумасшедший, а ты – в Макассарских водах.
Плоть моей плоти родная, во веки веков, аминь.
Первый удар был предвестником – призывом морских пустынь.
Но – дешевый ремонт дешевки (доктора говорят, я – больной).
Мэри, а ты не явилась? Я всегда был ласков с тобой.
Ты ведь теперь бесплотна; и женщин встречал я в пути,
Но они были только женщины, а я – мужчина. Прости!
Мужчине нужна подруга, понять это так легко.
Но я не делил с ними жизни, я только платил широко.
И что для меня пять тысяч! Я могу заплатить за мечту,
Бросить якорь близ Патерностера, в моем последнем порту.
Я верую в Воскресенье; и Писанье читал не раз.
Но Вокингу не доверюсь; море надежней для нас.
Пусть сердце, полно сокровищ, идет с кораблем ко дну
Довольно продажных женщин, я хочу целовать одну.

Буду пить из родного колодца, другого источника нет,
Со мною подруга юности – и черт подери весь свет!
Я лягу в вечной постели (Дик, позаботься о том!),
Мак балласт разместит с дифферентом на нос – и в волны потом,
Носом вперед, все глубже, огни горят в два ряда,
О днище пустого трюма глухо плещет вода,
Негодуя, смеясь и ласкаясь, пениста, зла и темна,
Врывается в нижние люки, все выше растет она.
Слышишь! Все затопило, от носа и до кормы.
Не видывал смерти, Дикки? Вот так умираем мы.

Перевела А. Оношкович-Яцына

КАЗАРМЕННЫЕ БАЛЛАДЫ

Часть II (1896)

ВСТУПЛЕНИЕ К «КАЗАРМЕННЫМ БАЛЛАДАМ» В КНИГЕ «СЕМЬ МОРЕЙ»

Гомер сломал и бросил лиру,
А песнь, что пели все края,
Он просто спер на радость миру,
Пришел и взял! Совсем как я!

Матросы, девки на базарах,
В шуршанье ветра, волн, травы
Узнав напевы песен старых,
Смолчали – ну совсем как вы!

Что спер, то спер! Он знал, что знали,
Но ни контрактов, ни тюрьмы:
Все заговорщицки мигали,
А он – в ответ. Совсем как мы.

Перевел В. Бетаки

МАРШ «СТЕРВЯТНИКОВ»

Ммарш! Портки позадубели, как рогожи,
При! Упрешься в зачехленное древко.
При! Бабенок любопытствующих рожи
Не утащишь за собою далеко.

Ша! Нам победа хрен достанется.
Ша! Нам не шествовать в блистательном строю!
  Будешь ты, усвой,
  Стервятникам жратвой,
Вот и все, что нам достанется в бою!

Лезь! На палубу, от борта и до борта.
Стой, поганцы! Подобраться, срамота!
Боже, сколько нас сюда еще не вперто!
Ша! Куда мы – не известно ни черта.

Ммарш! И дьявол-то ведь не чернее сажи!
Ша! Еще повеселимся по пути!
Брось ты бабу вспоминать, не думай даже!
Ша! Женатых нынче Господи, прости!

Эй! Пристроился – посиживай, не сетуй.
(Слышьте, чай велят скорее подавать!)
Завтра вспомните, подлюги, чай с галетой,
Завтра, суки, вам блевать – не разблевать!

Тпру! Дорогу старослужащим, женатым!
Барахлом забили трапы, черт возьми!
Ша! Под ливнем ждать погрузки нам, солдатам,
Здесь, на пристани, приходится с восьми!

Так стоим под конной стражей час который,
Всех тошнит, хотя не начало качать.
Вот ваш дом! А ну заткнитесь, горлодеры!
Смирно! Черти, стройсь на палубе! Молчать!

Ша! Нам победа на фиг не достанется!
Ша! Нам не шествовать в блистательном строю!
(Н-да-с! Адью!)
Ждет нас на обед
Гриф, известный трупоед
Вот и все, что нам достанется в бою! (Гип-урра!)

И шакалья рать
Тоже хочет жрать.
Вот и все, что нам достанется в бою! (Гип-урра!)
Будешь ты, усвой,
Стервятникам жратвой!
Вот и все, что нам достанется в бою!

Перевел Е. Витковский

ΩΩΩ

СОЛДАТ И МАТРОС ЗАОДНО

(Королевскому полку морской пехоты)

Со скуки я в хлябь с полуюта плевал,
терпел безмонетный сезон,
Вдруг вижу – на крейсере рядом мужик,
одет на армейский фасон
И драит медяшку. Ну, я ему грю:
«Э, малый! Ты что за оно?»
«А я, грит, Игрушка у нашей Вдовы,
солдат и матрос заодно».

Какой ему срок и подробный паек,
конечно, особый вопрос,
Но скверно, что он ни пехота, ни флот,
ни к этим, ни к тем не прирос,
Болтается, будто он дурмофродит,
диковинный солдоматрос.

Потом я в работе его повидал
по разным дремучим углам,
Как он митральезой настраивал слух
языческим королям.
Спит не на койке он, а в гамаке –
мол, так у них заведено,
Муштруют их вдвое: Игрушка Вдовы –
Матрос и солдат заодно.

Все должен бродяга и знать, и уметь,
затем их на свет и плодят.
Воткни его в омут башкой – доплывет,
хоть рыбы кой-что отъедят.
Таков всепролазный гусьмополит,
диковинный матросолдат.

У нас с ними битвы в любом кабаке –
и мы, и они удалы,
Они нас «костлявой блевалкой» честят,
а мы им орем: «Матрослы!»
А после, горбатя с присыпкой наряд,
где впору башкой о бревно,
Пыхтим: «Выручай-ка, Игрушка Вдовы,
солдат и матрос заодно».

Он все углядит, а что нужно, сопрет
и слов не потратит на спрос,
Дудят нам подъемчик, а он уже жрет,
в поту отмахавши свой кросс.
Ведь он не шлюнтяйка, а крепкий мужик,
тот спаренный солдоматрос!

По-вашему, нам не по нраву узда,
мы только и знаем что ржем,
По классам да кубрикам воду мутим,
чуть что – так грозим мятежом,
Но с форсом подохнуть у края земли
нам тоже искусство дано,
И тут нам образчик – Игрушка Вдовы,
солдат и матрос заодно.

А он – та же черная кость, что и мы,
по правде сказать, он нам брат,
Мал-мал поплечистей, а если точней,
то на полвершка в аккурат,
Но не из каких-нибудь там хрензатем,
породистый матросолдат.

Подняться в атаку, палить на бегу,
оно не такой уж и страх,
Когда есть прикрытие, тыл и резерв,
и крик молодецкий в грудях.
Но скверное дело – в парадном строю
идти с «Биркенхедом» на дно,
Как шел бедолага Игрушка Вдовы,
солдат и матрос заодно.

Почти салажонок, ну что он успел?
Едва до набора дорос,
А тут – иль расстрел, или драка в воде,
а всяко ершам на обсос,
И, стоя в шеренге, он молча тонул –
герой, а не солдоматрос.

Полно у нас жуликов, все мы вруны,
похабники, рвань, солдатня,
Мы с форсом подохнем у края земли
(все, милые, кроме меня).
Но тех, кто «Викторию» шел выручать,
добром не попомнить грешно.

Ты честно боролся, Игрушка Вдовы,
солдат и матрос заодно.

Не стану бог знает чего говорить,
другие пускай говорят,
Но если Вдова нам работу задаст,
Мы выполним все в аккурат.
Вот так-то! А «мы» – понимай и «Ее
Величества матросолдат»!

Перевел А. Щербаков

БАБЫ

Развлекался я всюду, где можно,
Уж навидался всего.
Баб перепробовал кучу,
Но четверо были – во!
Сперва – вдова-полукровка.
Туземка из Прома – потом,
А после – жена джемадара
И девчонка в Мируте родном.

Теперь с меня хватит женщин;
Я-то знаю, с чем их жуют:
Не попробовав, не раскусишь,
А попробуешь – проведут.
Часто думаешь: черт ли поймет их!
Часто чувствуешь: понял, небось!
Но если прошел ты и черных и желтых,
То белых видишь насквозь.

Я юнцом встретил бабу в Хугли:
Всем начать бы с такой, как она!
Ее звали Эгги де Кастро –
Вот, шлюха, была умна!
Была ох и тертая баба
И ко мне относилась, как мать:
Учила, как жить, как деньгу зашибить –
Научила баб понимать!

После в Бирме я раз на базаре
Закупал провиант для полка,
И там подцепил девчонку
Возле лавки отца-старика.
Желтокожая, бойкая штучка,
Просто кукла – ни дать, ни взять!
И была мне верна – ну, совсем как жена:
Научила баб понимать!

А потом нас отправили в Нимач
(А то б я с ней жил и теперь).
Там я склеил жену негритоса –
Не девка, а просто зверь!
Как-то раз меня дернуло сдуру
Черномазой ее назвать,

Так пырнула ножом – ей-то все нипочем! –
Научила баб понимать.

Я домой рядовым вернулся,
Хорошо повидавши свет,
И связался с зеленой девчонкой,
Монашкой шестнадцати лет.
Ей – любовь бы с первого взгляда,
Я ж не мастер месяц вздыхать.
Ну, ее пожалел – обижать не хотел:
Научился баб понимать.

Да, уж я-то побаловал славно
И вот чего стало со мной.
Чем больше баб перепробуешь,
Тем меньше ты льнешь к одной.
Так я и сгубил свою душу:
Что теперь жалеть да вздыхать?
Жизнь моя – вам урок (хоть он, чай, и не впрок):
Научитесь баб понимать!

У жены полковника что на уме?
Черт знает, ни то, ни се!
А спросите бабу сержанта –
Она вам выложит все.
Но, как ни крути, коль доходит до нас,
Мужики-то каждой нужны:
Хоть полковничья леди, хоть Джуди О'Грэди –
Под юбками все равны.

Перевел Г. Бен

БИЛЛ ХОКИНС

– Эй, видал ли тут кто Билла Хокинса?
– А мне-то на кой это знать?
– Девчонку мою он гулять увел,
Мне с ним бы потолковать.
Черти б – его – побрали!
Хочу ему так и сказать.

– А ты знаешь в лицо, Билла Хокинса?
– Да мне-то и знать ни к чему:
Морда – понятно, что твой мартыш.
Ну-ка сам, подойди к нему.
Черти б – его – побрали,
Ну-ка, сам подойди к нему!

– Ну, и встретил бы ты Билла Хокинса,
Что бы ты сделал сейчас?
– Да я бы бляхой порвал ему рожу,
А еще бы выколол глаз!
Черти б – его – побрали!
Ей богу, выколю глаз!

– Глянь! Как раз вон идет он, Билл Хокинс
Что теперь ты скажешь о нем?
– Грешно в воскресенье драться
Доберусь до скотины потом.
Черти б его – побрали,
Доберусь уж до гада потом!

Перевела Г. Усова

КУРТКА**

Сквозь Египетские Казни гнали мы араба вдаль,
Вниз, с бархана – и опять на белый свет.
Все в пыли мы, пересохли, ну и что? Ведь нам не жаль,
Погоди! Вот пушка ухнет – и привет!
Капитан наш куртку справил, первоклассное сукно!
(Пушкари, послушайте рассказ!)
Нам обмыть обновку надо – будет самое оно,
Мы не любим ждать, давай сейчас!

Вдруг приказ мы получили – бомбардировать редут,
Подвезли снаряды – загружай!
Капитан схватил хлопушки, порох вытряхнул – ну, крут!
И залил туда... не воду и не чай.
На шрапнель взглянул небрежно,
а калибр-то тридцать шесть
(Пушкари, послушайте рассказ!)
Грит он: «Парни, что вкуснее – пиво или эта жесть?»
Ну ведь мы не просим ждать, давай сейчас!

Медленно мы потрусили, только б не разбить стекло,
Хоть и близко были рубежи;
Не доходит до галопа – а пивка залить в жерло
Мы мечтали, как сошли еще с баржи.
Что ж, мы в обчем экономны, каждый гильзу взял, цедит,
(Пушкари, послушайте рассказ!)
Там противник под укрытьем, встал ведь насмерть, паразит –
Но и мы не просим ждать – давай сейчас!

Выпили мы половину (Капитан-то пил шампань),
А араб палит нещадно, видно, рад!
Раненых мы в щели прячем, что уж, в обчем, дело дрянь –
Разве целой пушкой, что ли заменить снаряд?
Запряглись и поскакали – что тут делать – сквозь жару,
(Пушкари, послушайте рассказ!)
С громом батарея, мчится вскачь, ну что твой кенгуру,
Нечего тут ждать, беги сейчас!

Мы вертелись и юлили – в этих скачках мастера,
А арабы мажут кто куда.
И позицию нашел нам Капитан – ну ни бугра!
Но накрыли их – пожалте, господа!
Пощадили тех, кто выжил, кое-кто нам сдался в плен,

(Пушкари, послушайте рассказ!)
Капитан, как Брут какой-то, весь аж в пене до колен –
Помогли, – а то б был в пене и сейчас!

Мы боялись трибунала, да… Уж все начистоту…
Но когда дошли до главных сил,
Каждый рядовой в порядке, каждый выстрел на счету,
Ну а пробку Капитан в руке укрыл.

Капитан наш куртку справил, первоклассное сукно!
(Пушкари, послушайте рассказ!)
Ведь обмыть-то было надо – тут уж самое оно,
Мы ж не любим ждать, давай сейчас!

Перевел Э. Ермаков

ΩΩΩ

«МИР ТАК ХОРОШ»

Чертовски синий и красивый
Лежит Индийский океан;
Он под винтом кипит бурливо,
А дальше – гладкий, как лиман.
Закат – как зарево пожара,
И против гаснущих лучей
На мачте силуэт ласкара,
И слышится: «Хем декти дей!»

Мир так хорош и так широк:
Гляжу – и все не наглядеться!
Он, может статься, и жесток –
Но от него куда мне деться?

Бренчит рояль внизу в каюте,
На шканцах юнги дуют в скат,
И офицерики на юте
До ночи с бабами галдят.
Я жизнь свою припоминаю
И, хоть на шумном корабле –
Но про себя воображаю,
Что я один на всей земле.

Немало я бродил по свету:
В походах был и на войне...
Порой я думаю: все это
Не померещилось ли мне?
И повидал чудес, ей-богу,
И попадал я в переплет.
Теперь конец... А может, много
Еще меня напастей ждет?

Любил я книжки да журналы,
А вот уставов не читал,
За то от моего капрала
Нарядов прорву получал.
Хоть и бывал в дурацком виде,
Но на капрала злобы нет;
А на губе в портянках сидя,
Я думал, как устроен свет.

Вон под закатными лучами
Вдали горбатый Аден встал,
Как печь в казарме, где годами
Никто огня не разжигал.
Мне эти берега знакомы,
Я тут проплыл шесть лет назад
И вновь плыву – теперь уж к дому,
В запас уволенный солдат.

«Я буду ждать», – сказала Лалли,
К груди меня прижала мать...
Они мне писем не писали:
Чай, обе померли – как знать?
Что ж, я видал, как люди мерли –
В казарме, в лагере, в бою...
О черт, першит чего-то в горле!
Чем думать, лучше уж спою:

Мир так хорош и так широк:
Гляжу – и все не наглядеться!
Он, может статься, и жесток –
Но от него куда мне деться?

Перевел Г. Бен

ПОСЛАНИЕ К КНИГЕ «СЕМЬ МОРЕЙ»

Когда на последней картине земной
выцветет кисти след,
Засохнут все тюбики и помрёт
последний искусствовед,
Мы отдохнем десяток веков, и вот в назначенный час,
Предвечный Мастер всех Мастеров
за работу усадит нас.

Тогда будет каждый, кто мастером был,
на стуле сидеть золотом
И по холстине в десяток миль
писать кометным хвостом.
И не чьи-то писать портреты –
Магдалину, Павла, Петра,
И не знать, что значит усталость,
век за веком, с утра до утра.

И только Мастер похвалит нас,
и упрекнет только он,
И никого тогда не прельстит ни денег,
ни славы звон,
Только радость работы на Новой Звезде:
дано будет каждому там
Во имя Творца сотворить свой мир
таким, как видит он сам.

Перевел В. Бетаки

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ ИЗ КНИГИ
«ПЯТЬ НАЦИЙ»

КРЕЙСЕРА

Пусть нас называют морской шпаной –
В нас кровь бригантины, бабки шальной.
Чтоб сбить с панталыку чужие суда,
Мы за нос их водим туда и сюда.

Ей-ей, ремесло отборного сорта –
От борта до борта, от порта до порта
Шныряем, девчонкам портовым сродни,
Когда на работу выходят они.

Линкору покорна наша дружина.
Чужак на рейде – попался, вражина,
Хана тебе, братец, бросай якоря,
А наша забота – удрать втихаря.

Сияя огнями, торговец-пройдоха
Вальяжно плывет, не чуя подвоха.
Мы, словно акулы, встаем пред купцом.
Выверни трюм – и дело с концом.

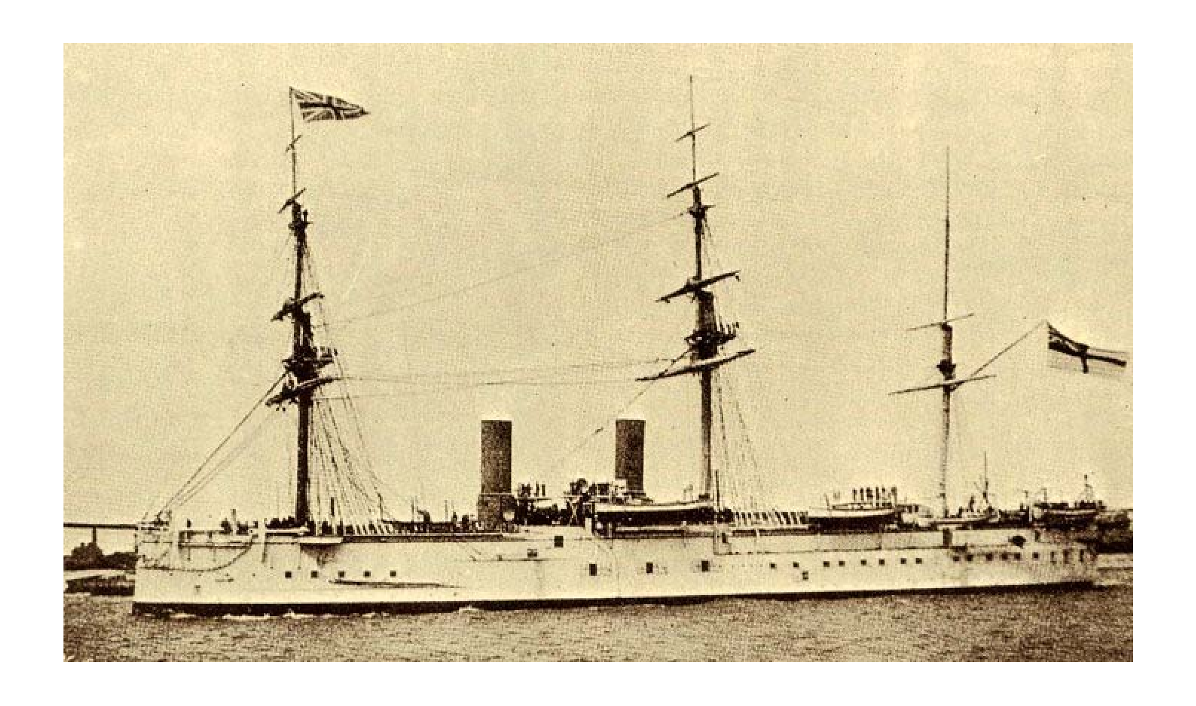
Обштопанный аспид, млея от страсти,
К хозяину чешет, развесив снасти.
Но, дыму глотнув, подставляет корму.
А мы затеваем опять кутерьму.

О планах болвана пронюхав заране,
Его стережем, хоронясь в тумане.
Тут же на берег шлем донос,
Чтоб ветер попутный мальца не унес.

И вновь на протравленном солью просторе
Под тусклым небом, на сером море
Несем себе кругосветный дозор,
Сбивая пену в грязный узор.

То брызги дождя, то слепящие блики,
То лунной дорожки след многоликий.
Мы стеньговым флагом знак подаем
Судам, что служить подрядились внаем.

Бывает, пред выходом новобрачных
Отпустят друзья пару шуточек смачных, –
Так и мы, ничего не имея в виду,
Двусмысленную несем ерунду.

Там вспышки зарниц иль сигналы тревоги?
Гром или пушки ревут о подмоге?
Дымок орудийный иль облака след?
Закатное солнце иль знак новых бед?

От миражей шалеют мозги.
Мы сами надуем, а нас не моги, –
На пушку возьмем, охмурим, обдурим
И в пекло полезем. Прочее – дым.

Нынче народы вдохновлены,
Поскольку мир – на грани войны.
Наша работа – весьма в чести.
Попутного ветра! Боже, прости.

Перевела О. Кольцова

ДВОРЕЦ

Когда был я Царем и Строителем, испытанным в мастерстве,
Я повелел котлован копать, чтоб дворец построить себе.
Вдруг в раскопе открылись руины дворца, и когда отрыли порог,
Стало видно всем, что ***такой*** дворец только царь построить и мог.

Никакого не было плана, а стены – разбегались туда сюда,
То кривой коридор, то зал пятигранный, то лестница в никуда...
Кладка была небрежной и грубой, но каждый камень шептал:
«Придет за мной строитель иной – скажите, я это знал».

И стройка шла, и был у меня точный план всех работ,
Я спрямлял углы, я менял столбы, переделывал каждый свод,
Даже мрамор его я на известь пустил, от начала и до конца
Пересматривал я все и труды, и дары скромного мертвеца.

Не браня и не славя работу его, но вникая в облик дворца,
Я читал на обломках снесенных стен сокровенные мысли творца:
Где поставить контрфорс, возвести ризалит, я был в гуще его идей,
Прихотливый рисунок его мечты я читал на лицах камней.

....

Да, был я Царем и Строителем, но – в славе гордого дня –
Был исполнен Закон: из тьмы времен Слово дошло до меня.
И было то Слово: «Ты выполнил долг, дальше – запрещено:
Другому зодчему сей дворец, тебе продолжать не дано».

И я рабочих велел отозвать от мешалок, лебедок, лесов,
И работу свою поручил я судьбе неисчислимых годов.
И последнее дело свое свершил, на камне награвировал:
«Придет за мной строитель иной – скажите, я это знал».

Перевел В. Бетаки

БРЕМЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Неси это гордое Бремя –
Родных сыновей пошли
На службу подвластным народам
Пускай хоть на край земли –
Хоть на каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.

Неси это гордое Бремя –
Будь ровен и деловит,
Не поддавайся страхам
И не считай обид;
Простое ясное слово
В сотый раз повторяй –
Сей, чтобы твой подопечный
Щедрый снял урожай.

Неси это гордое Бремя –
Воюй за чужой покой –
Заставь отступиться Болезни
И Голоду рот закрой;
Но чем ты к успеху ближе,
Тем лучше распознаешь
Языческую Нерадивость,
Предательство или Ложь.

Неси это гордое Бремя
Не как надменный король –
К тяжелой черной работе,
Себя, как раба, приневоль;
При жизни тебе не видеть
Порты, шоссе, мосты –
Так строй же их, оставляя
Могилы таких, как ты!

Неси это гордое Бремя –
И будешь вознагражден
Придирками командиров
Да воплями диких племен:
«Чего ты хочешь, проклятый,
Зачем смущаешь умы?

Не выводи нас к свету
Из милой Египетской Тьмы!»

Неси это гордое Бремя –
Неблагодарный труд, –
Ведь слишком громкие речи
Усталость твою выдают!
Тем, что уже ты сделал
И сделать еще готов,
Молча народы измерят
Тебя и твоих Богов.

Неси это гордое Бремя –
От юности вдалеке
Забудешь о легкой славе,
Дешевом лавровом венке –
Тогда твою возмужалость
Твою непокорность судьбе
Оценит горький и трезвый
Суд равных тебе!

Перевел А. Сергеев

ДОЗОР НА МОСТУ В КАРРУ

Стремительно над пустыней
Смягчается резкий свет,
И вихрем изломанных линий
Возникает горный хребет.
Вдоль горизонта построясь,
Разрезает кряж-исполин
Небес берилловый пояс
И черный мускат долин.
В небе зажгло светило
Красок закатных гроздь –
Охра, лазурь, белила,
Умбра, жженая кость.
Там, над обрывом гранитным.
Звезды глядят в темноту –
Резкий свисток велит нам
Сменить караул на мосту.

(Стой до седьмого пота
У подножия гор –
Не армия, нет – всего-то
Сторожевой дозор).
Скользя на кухонных отбросах
На банках из-под жратвы,
На выгоревших откосах,
На жалких пучках травы –
Выбрав путь покороче,
Мы занимаем пост –
И это начало ночи
Для стерегущих мост.
Мы слышим – овец в краали
Гонит бушмен-пастух,
И звон остывающей стали
Ловит наш чуткий слух.
Воет шакалья стая,
Шуршат в песчаной пыли,
С рыхлых откосов слетая,
Комья сухой земли.

Звезды в холодных безднах
Мерцают ночь напролет,
И на сводах арок железных
Почиет небесный свод.
Покуда меж дальних склонов

Не послышится перестук,
Не вспыхнут окна вагонов,
Связующих север и юг.
Нет, не зря ты глаза мозолишь
Бурам, что пялятся с гор, –
Не армия, нет – всего лишь
Сторожевой дозор.

Перевел Е. Витковский

ΩΩΩ

УРОК

(1899-1902, Англо-бурская война)

Признаемся по-деловому, честно и наперед:
Мы получили урок, а впрок ли нам он пойдет?

Не отчасти, не по несчастью, не затем, что пошли на риск,
А наголову, и дочиста, и полностью, и вдраздрызг,
Иллюзиям нашим – крышка, всё – к старьевщику и на слом,
Мы схлопотали урок и, надо сказать, поделом.

Отнюдь не в шатрах и рощах изучали наши войска
Одиннадцать градусов долготы Африканского материка,
От Кейптауна до Мозамбика, вдоль и поперек,
Мы получили роскошный, полномасштабный урок.

Не воля Небес, а промах – если армию строишь ты
По образу острова семь на девять, смекай, долготы-широты:
В этой армии – всё: и твой идеал, и твой ум, и твоя муштра.
За это всё получен урок – и спасибо сказать пора.

Двести мильонов истина стоит, а она такова:
Лошадь быстрей пешехода, а четыре есть два плюс два.
Четыре копыта и две ноги – вместе выходит шесть.
Обучиться такому счету нужно почесть за честь.

Всё это наши дети поймут (мы-то с фактом – лицом к лицу!);
Лордам, лентяям, ловчилам урок – отнюдь не только бойцу.
Закосневшие, ожиревшие пусть его усвоят умы
Денег не хватит урок оплатить, что схлопотали мы.

Ну, получил достоянье – гляди его не угробь:
Ошибка, если усвоена, – та же алмазная копь.
На ошибках, конечно, учатся – жаль, что чаще наоборот.
Мы получили урок, да только впрок ли пойдет?

Ошибку, к тому же такую, не превратишь в торжество
Для провала – сорок мильонов причин, оправданий – ни одного.
Поменьше слов, побольше труда – на этом вопрос закрыт.
Империя получила урок. Империя благодарит!

Перевел Е. Витковский

SPIONS KOP, NATAL.
JAN 26TH 1900.

ЮЖНАЯ АФРИКА

Что за женщина жила
(Бог ее помилуй!) –
Не добра и не верна,
Жуткой прелести полна,
Но мужчин влекла она
Сатанинской силой.
Да, мужчин влекла она
Даже от Сент-Джаста,
Ибо Африкой была,
Южной Африкой была,
Нашей Африкой была,
Африкой – и баста!

В реках девственных вода
Напрочь пересохла,
От огня и от меча
Стала почва горяча,
И жирела саранча,
И скотина дохла.
Много страсти сберегла
Для энтузиаста,
Ибо Африкой была
Южной Африкой была,
Нашей Африкой была,
Африкой – и баста!

Хоть любовники ее
Не бывали робки,
Уделяла за труды
Крохи краденой еды,
Да мочу взамен воды,
Да кизяк для топки.
Забивала в глотки пыль
Чтоб смирнее стали,
Пронимала до кости
Лихорадками в пути,
И клялись они уйти
Прочь, куда подале.

Отплывали, но опять,
Как ослы упрямы
Под собой рубили сук,
Вновь держали путь на юг,

Возвращались под каблук
Этой дикой дамы.
Все безумней лик ее
Чтили год от года –
В упоенье, в забытьи
Отрекались от семьи,
Звали кладбища свои
Алтарем народа.

Кровью куплена твоей,
Слаще сна и крова,
Стала больше, чем судьбой
И нежней жены любой –
Женщина перед тобой
В полном смысле слова!
Встань! Подобная жена
Встретится нечасто –
Южной Африке салют,
Нашей Африке салют,
Нашей собственной салют
Африке – и баста!

Перевел Е. Витковский

ПЫЛЬ

(Пехотные колонны)

День–ночь–день–ночь – мы идем по Африке,
День–ночь–день–ночь – все по той же Африке.
(Пыль–пыль–пыль–пыль – от шагающих сапог!)
И отпуска нет на войне.

Восемь–шесть–двенадцать–пять – двадцать миль на этот раз,
Три–двенадцать–двадцать две – восемнадцать миль вчера.
(Пыль–пыль–пыль–пыль – от шагающих сапог!)
И отпуска нет на войне.

Брось–брось–брось–брось – видеть то, что впереди.
Пыль–пыль–пыль–пыль – от шагающих сапог,
Все–все–все–все – от нее сойдут с ума,
И отпуска нет на войне.

Ты–ты–ты–ты – пробуй думать о другом,
Бог–мой–дай–сил – обезуметь не совсем.
(Пыль–пыль–пыль–пыль – от шагающих сапог!)
И отпуска нет на войне.

Счет–счет–счет–счет – пулям в кушаке веди.
Чуть–сон–взял–верх – задние тебя сомнут.
(Пыль–пыль–пыль–пыль – от шагающих сапог!)
И отпуска нет на войне.

Для–нас–все–вздор – голод, жажда, длинный путь,
Но–нет–нет–нет – хуже, чем всегда одно –
Пыль–пыль–пыль–пыль – от шагающих сапог,
И отпуска нет на войне.

Днем–все–мы–тут – и не так уж тяжело,
Но–чуть–лег–мрак – снова только каблуки,
(Пыль–пыль–пыль–пыль – от шагающих сапог!)
И отпуска нет на войне.

Я–шел–сквозь–ад – шесть недель, и я клянусь,
Там–нет–ни–тьмы – ни жаровен ни чертей,
(Но–пыль–пыль–пыль–пыль – от шагающих сапог!)
И отпуска нет на войне.

Перевела А. Оношкович-Яцына

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ ИЗ КНИГИ
«МЕЖВРЕМЕНЬЕ»

БЛАГОДЕТЕЛИ*

Что стоит мир культуры всей,
Все светлые умы,
Перед бессмыслицей вещей,
Что видим нынче мы?

Зачем картина, проза, стих,
Когда в недобрый час.
Природа в меру сил своих
Уничтожает нас?

Нет, не жратва, и не питье,
Не заповедь на досках,
А творческая мысль! – Ее
Родили боль и страх.

С того и начался людей
Богоподобный род:
Рука длинней да зуб острей,
И кто кого возьмет!

Нет, не жратва и не питье –
Велели боль и страх
Пращу придумать и копье
В дрожащих сжать руках!

Бессильны стали нож и зуб
Против копья, но вдруг
Какой-то тип (зело не глуп!)
Зачем-то сделал лук.

Броню со страху и со зла
Как не изобретешь?
Никчёмны камень и стрела,
Как прежде зуб и нож –

Лафа, кто панцирь укупил,
И горе беднякам,
Но некто совестливый был,
И порох сделал нам!

И лук и панцирь тут исчез,
И меч и шлем пропал,

Всех, кто в доспехах или без,
Дым пушек уравнял.

Когда ж за психов-королей,
Людей погибли тьмы,
Тогда устали от вещей.
И устрашились мы.

Диктату времени пора
Зов древний подчинить:
Лук-панцирь как-нибудь с утра
И пушку отменить!

Не то любой тиран готов
(Толпа любая – тож!)
Враз все плоды людских трудов
Угробить ни за грош!

Ведь человек, собой же сбит
С естественных путей,
И протестует, и дрожит
От ярости вещей.

Перевел В. Бетаки

«RUSSIA TO THE PACIFISTS»:

два параллельных перевода

1. РОССИЯ – ПАЦИФИСТАМ
(ПЕР. В. БЕТАКИ)

Бог с вами, мирные джентльмены! Страха вам не понять.
Оставьте на минутку спорт, чтоб мертвых не нарожать!
Мертвые армии и города, без счета и забот…
А там, беспечные господа, а что потом вас ждет?
Споем, что ли!

Землю вскопай для усталых солдат:
Нет ведь у них земли!
Отдайте им все, что они хотят!
Но кто будет следующим, господа,
За теми, что в ямы легли?

Бог с вами, мирные джентльмены! Нам только дорогу открой –
Пойдем копать народам могилы с Англию величиной!
История, слава, гордость и честь, волны семи морей –
Все, что сверкало триста лет, сгинет за триста дней!
Споем, что ли?

Замерзшие толпы бензином польем,
Пусть хоть в последнем сне
Немного погреется бедный народ…
А кто будет следующим, господа,
Гореть в погребальном огне?

Бог с вами, мудрые джентльмены! Да будет легок ваш сон!
Ни звука, ни вздоха, ни тени не оставим для новых времен!
Разве что отзвуки плача, разве что вздохи огней,
Разве что бледные тени втоптанных в грязь людей!
Споем, что ли!

Хлеба, хлеба голодным,
Тем, кто в бою падет!
Дайте им корм вместе с ярмом!
А кто же следующий, господа,
За похлебку в рабство пойдет?

Бог с вами, резвые джентльмены! Веселитесь в своем углу,
Когда превратится и ваша держава в мусор, кровь и золу:
Ни оружия, ни надежды, ни жратвы, ни зимы, ни весны –

Останется разве что имя канувшей в Лету страны!
Споем, что ли?

Головы, руки, ноги
Зароем, и пусть лежат!
Вот так мы хороним свой бывший народ...
А кто канет следующим, господа,
С вашей доброй помощью в ад?

2. РОССИЯ – ПАЦИФИСТАМ. 1918
(ПЕР. М. ГАСПАРОВА)

Мир вам, мирные джентльмены, всех благ вам в конце концов!
Но бросьте ваши затеи – довольно плодить мертвецов!
Вылегли мертвые села, мертвые города...
Мир вам, мирные джентльмены, какая вам в том беда?
Заступ в землю по самый край – конец для страды людской!
Они не нашли на земле земли...
А кто еще на покой, господа,
В глубокий ров – на покой?

Мир вам, милые джентльмены, но ступайте-ка стороной!
Мы роем народу могилу с Англию величиной.
Была у него держава, и сила, и слава над ней...
Империя строилась триста лет и рухнула в триста дней!
Брызни бензином на смертный сруб –
О жизни покончен спор!
Пусть тронет тела дыханье тепла...
А кто еще на костер, господа,
На тот похоронный костер?

Мир вам, мудрые джентльмены, да будет ясен ваш день!
Пускай вам о нас не напомнят ни звук, ни след, ни тень,
Но только звук рыданий, и только пожаров след,
И только тень народа, которого больше нет!
Крошку хлеба в голодный рот
В канун больших похорон!
Пусть терпят хлеб, как терпели гнет...
А кто еще на поклон, господа,
Еще на такой поклон?

Мир вам, добрые джентльмены, и удачи во всех делах!
Какая держава так быстро превращалась в пепел и прах?
Меж севом и урожаем – все дни и часы сочтены –
Ни куска, ни крова, ни веры, ни имени, ни страны!
Накинь рядно, опускай на дно,
Заровняй могилу дерном!
Не пытай судьбу, чей народ в гробу, –
А кто еще на слом, господа,
Кто следующий – на слом?

ГИЕНЫ

Когда похоронный отряд уйдет
И коршуны улетят,
Приходит у мертвых взять отчет
Мудрых гиен отряд.

За что он умер и как он жил –
Это им все равно.
Добраться до мяса, костей и жил
Им надо, пока темно.

Война приготовила пир для них,
Где можно жрать без помех.
Из всех беззащитных тварей земных
Мертвец беззащитней всех.

Козел бодает, воняет тля,
Ребенок дает пинки.
Но бедный мертвый солдат короля
Не может поднять руки.

Гиены вонзают в песок клыки,
И чавкают, и рычат.
И вот уж солдатские башмаки
Навстречу луне торчат,

Вот он и вышел на свет, солдат,
Ни друзей вокруг, никого.
Одни гиеньи глаза глядят
В пустые зрачки его.

Гиены и трусов, и храбрецов
Сожрут без лишних затей,
Но они не пятнают имен мертвецов:
Это – дело людей.

Перевел К. Симонов

МАСТЕР

Засидевшись за выпивкой в «Русалке»,
Он рассказывал Бену Громовержцу
(Если это вино в нем говорило –
Вакху спасибо!)

И о том, как под Челси он в трактире
Настоящую встретил Клеопатру,
Опьяневшую от безумной страсти
К меднику Дику;

И о том, как, скрываясь от лесничих
В темном рву, от росы насквозь промокший
Он подслушал цыганскую Джульетту,
Клявшую утро;

И о том, как малыш дрожал, не смея
Трех котят утопить, а вот сестрица,
Леди Макбет семи годков, их мрачно
Бросила в Темзу;

И о том, как в субботу приунывший
Стратфорд в Эвоне выловить пытался
Ту Офелию, что еще девчонкой
Знали повсюду,

Так Шекспир раскрывал в беседе сердце,
Обручая на столике мизинцем
Каплю с каплей вина, пока послушать
Солнце не встало.

Вместе с Лондоном он тогда, очнувшись
Вновь помчался гоняться за тенями;
А что это пустое, может, дело,
Сам понимал он.

Перевел В. Гаспаров

ОЧЕНЬ СТАРАЯ ПЕСНЯ

«…ибо прежде Евы была Лилит»

Никогда не любил ты тех глаз голубых,
Так зачем же ты лжешь о любви к ним?
Ведь сам ты бежал от верности их,
Чтоб навсегда отвыкнуть!

Никогда ее голоса ты не любил,
Что ж ты вздрагиваешь от него?
Ты весь ее мир изгнал, отделил,
Чтоб не знать о ней ничего.

Никогда не любил ты волос ее шелк,
Задыхался и рвался прочь,
Их завеса – чтоб ты от тревог ушел –
Создавала беспечную ночь!

– Да знаю, сам знаю… Сердце разбить –
Тут мне не нужно совета.
– Так что же ты хочешь? – А разбередить
Старую рану эту!

Перевел В. Бетаки

ВСТАВНЫЕ СТИХИ

из прозаических книг, никогда не включавшиеся автором в сборники стихов

СТИХИ К СКАЗКАМ

В ПЕРЕВОДАХ С. МАРШАКА

Есть у меня шестерка слуг,
Проворных, удалых.
И все, что вижу я вокруг, –
Все знаю я от них.
Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, Что, Когда и Где.

Я по морям и по лесам
Гоняю верных слуг.
Потом работаю я сам,
А им даю досуг.
Даю им отдых от забот –
Пускай не устают.
Они прожорливый народ –
Пускай едят и пьют.

Но у меня есть милый друг.
Особа юных лет.
Ей служат сотни тысяч слуг, –
И всем покоя нет!
Она гоняет, как собак,
В ненастье, дождь и тьму
Пять тысяч Где, семь тысяч Как,
Сто тысяч Почему!

Если в стеклах каюты
Зеленая тьма,
И брызги взлетают
До труб,
И встают поминутно
То нос, то корма,
А слуга, разливающий
Суп,
Неожиданно валится
В куб,
Если мальчик с утра
Не одет, не умыт
И мешком на полу
Его нянька лежит,
А у мамы от боли
Трещит голова
И никто не смеется,
Не пьет и не ест, –
Вот тогда вам понятно,
Что значат слова:
Сорок норд, Пятьдесят вест!

Горб
Верблюжий,
Такой неуклюжий,
Видал я в зверинце не раз.
Но горб
Еще хуже,
Еще неуклюжей
Растет у меня и у вас.

У всех,
Кто слоняется праздный,
Немытый, нечесаный, грязный,
Появится
Горб,
Невиданный горб,
Косматый, кривой, безобразный.

Мы спим до полудня
И в праздник и в будни,
Проснемся и смотрим уныло,
Мяукаем, лаем,
Вставать не желаем
И злимся на губку и мыло.
Скажите, куда
Бежать от стыда,
Где прячете горб свой позорный,
Невиданный
Горб,
Неслыханный
Горб,
Косматый, мохнатый и черный?

Совет мой такой:
Забыть про покой
И бодро заняться работой.
Не киснуть, не спать,
А землю копать,
Копать до десятого пота.
И ветер, и зной,
И дождь проливной,
И голод, и труд благотворный
Разгладят ваш горб,
Невиданный горб,
Косматый, мохнатый и черный!

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина»,
Быстроходные суда, –
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.
Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию.
И я хочу в Бразилию –
К далеким берегам!

Никогда вы не найдете
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров.
Броненосных черепах.
Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!
Увижу ли Бразилию
Бразилию,
Бразилию,
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

Кошка чудесно поет у огня,
Лазит на дерево ловко,
Ловит и рвет, догоняя меня
Пробку с продетой веревкой.

Все же с тобою мы делим досуг,
Бинки послушный и верный,
Бинки, мой старый, испытанный друг,
Правнук собаки пещерной.

Если, набрав из-под крана воды,
Лапы намочите кошке
(Чтобы потом обнаружить следы
Диких зверей на дорожке),

Кошка, царапаясь, рвется из рук,
Фыркает, воет, мяучит.
Бинки – мой верный, испытанный друг,
Дружба ему не наскучит.

Вечером кошка, как ласковый зверь,
Трется о ваши колени.
Только вы ляжете, кошка за дверь,
Мчится, считая ступени.

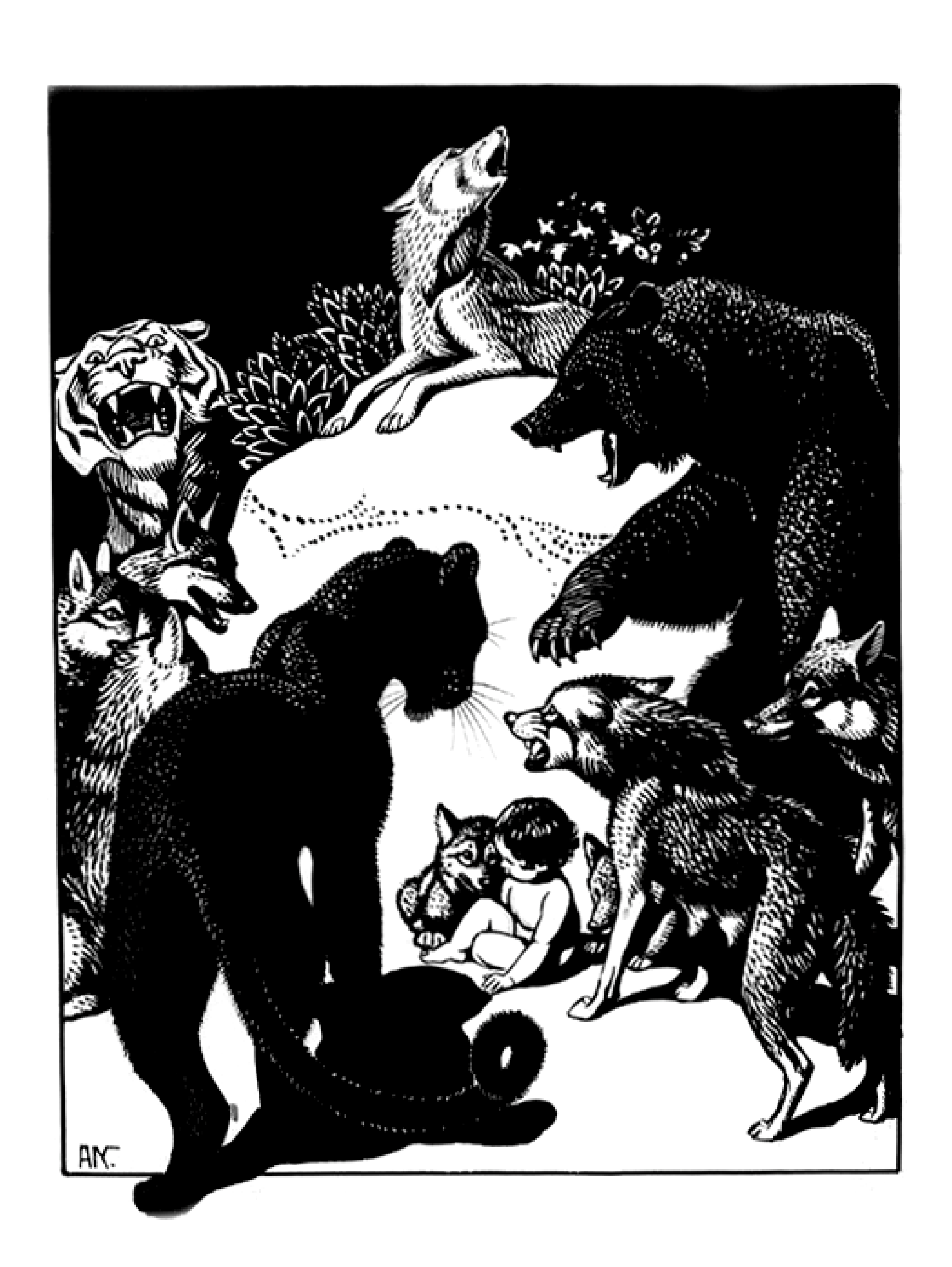
Кошка по крышам гуляет всю ночь,
Бинки мне верен и спящий:
Он под кроватью храпит во всю мочь –
Значит, он друг настоящий!

СТИХИ К РАССКАЗАМ О МАУГЛИ

ИЗ «КНИГИ ДЖУНГЛЕЙ»

В ПЕРЕВОДАХ В. БЕТАКИ

ЗАКОНЫ ДЖУНГЛЕЙ

Вот вам законы Джунглей, вечные как небосвод.
Волк, соблюдающий их, – блажен, нарушивший их – умрет!

Закон, как лиана вокруг ствола, обвился вокруг всего:
Сила стаи – в любом из волков, и в стае – сила его!

Купайся каждое утро, вдоволь пей, но без жадности пей.
Помни: для сна существуют дни, для охоты – прохлада ночей.

За тигром шакал доедает, но позор твоим волчьим усам,
Если ты, одногодок, не смеешь выходить на охоту сам!

Будь в мире с владыками Джунглей, с Багирой, Шер-Ханом, Балу,
Не тревожь Молчаливого Хати и Вепря в его углу.

Если стая навстречу стае идет по тропе лесной,
Рычать подожди: пусть лучше вожди столкуются меж собой.

Сражаясь с волком из Стаи, бейся наедине,
Чтоб Стая не поредела в междоусобной войне.

Право волчонка-подростка у любого кусок попросить:
Каждый, убивший добычу, должен его накормить!

Логово Волка – крепость от веку и навсегда:
Ни Вожак, ни члены Совета не смеют войти туда!

Логово Волка – крепость, но если оно на виду,
Совет может требовать: переселись, чтоб на всех не навлечь беду!

Если охотишься вечером – молча добычу бей:
Братьям ночную охоту срывать воем хвастливым не смей!

Для себя, для волчат, для самки бей добычу, но проклят тот,
Кто убьет для забавы, и паче – кто человека убьет!

Если ограбишь слабого – все до конца не съедай:
Жадности стая не любит: рожки да ножки отдай!

Добыча Стаи – для Стаи: ешь ее там, где лежит,
А кто хоть клочок унесет с собой – немедля будет убит!

Добыча Волка – для Волка: ему и мясо, и честь.
Без разрешения Волка другие не смеют есть!

Право семьи – за Волчицей: любой из ее сыновей
От каждой добычи долю для младших приносит ей.

Право Пещеры – за Волком: отделившись от Стаи в свой час,
Он только Совету подсуден, а братья ему не указ!

За возраст, за мудрость, за силу, за четыре крепких клыка
Во всем, что Закон не предвидел, закон – приказ Вожака!

Вот вам законы Джунглей. Все их – не счесть никому
Но сердце Закона,
и лапа Закона,
и зубы Закона –
В одном: повинуйся ему!

ΩΩΩ

УТРЕННЯЯ ПЕСНЬ В ДЖУНГЛЯХ*

Лишь миг назад твои глаза
Ночной кормились тьмой,
Но видишь тень? Подходит – день
И нам пора домой
Рассвет не пуст: в нем каждый куст,
Сияньем обведен!
Все, кто Законы Джунглей чтит,
Вкушайте мирный сон!

День переждать – да, время спать
Охотникам ночным –
И вот меж трав, к земле припав,
Мы к логовам скользим.
День дан волам, чтоб по полям
Соху таскать кругом.
Встает рассвет (страшнее нет!)
Над алым озерцом.

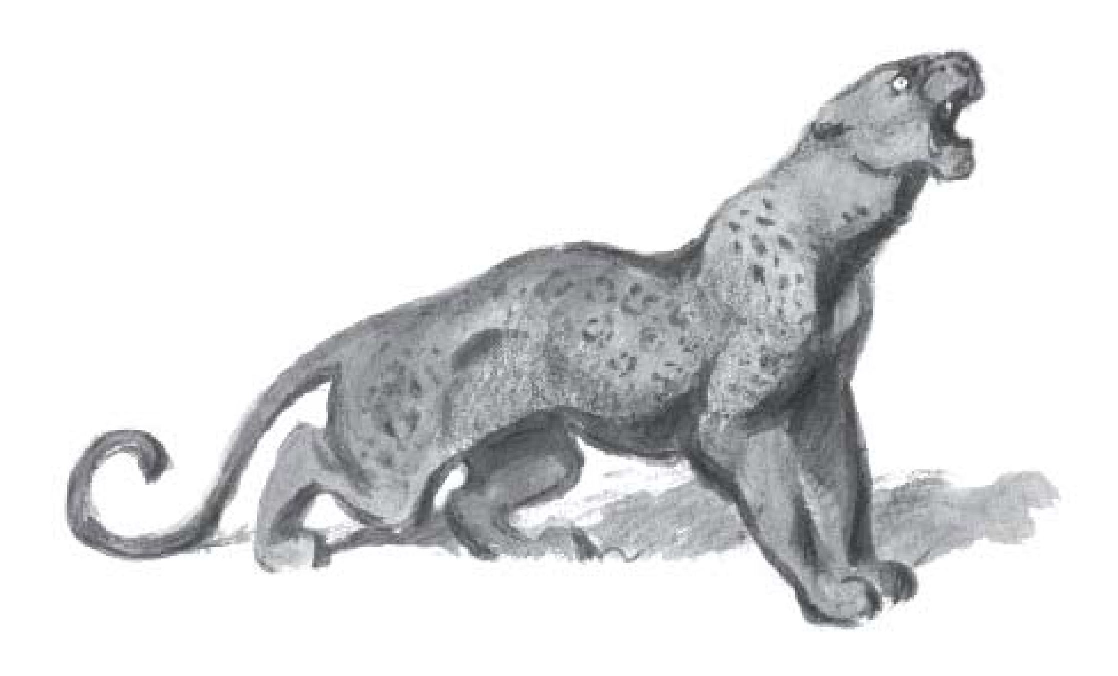
Шуршит, прощаясь с тишиной,
Дыханье трав вокруг,
Вот-вот настанет зной дневной
И заскрипит бамбук.
Нас день страшит, глаза слепит
Нещадностью лучей!
Ты слышишь – дик утиный крик:
«День только для людей!»

Жесток рассвет: на шкурах нет
Росы – она сошла,
А близ воды следы тверды,
И вся трава светла!
Проклятый свет покажет след,
Что в глину впечатлён...
Все, кто Законы Джунглей чтит,
Вкушайте мирный сон!

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЬ В ДЖУНГЛЯХ*

Кружит Чиль-коршун, вестник тьмы
Ночь нетопырь несет,
И до утра свободны мы:
В загонах заперт скот.

Да, славы час настал для нас:
(Ура когтям и клыкам!)
Все, кто Законы Джунглей чтит,
Охоты доброй Вам!

ОХОТНИЧЬЯ ПЕСНЬ СИОНИЙСКОЙ ВОЛЧЬЕЙ СТАИ **

Самбхур-олень протрубил на рассвете
Раз и два и три,
Олениха вскочила, и с нею дети –
Раз, два, и три,
Я ходил в разведку, и все заметил –
Раз, два и три...

Самбхур-олень протрубил на рассвете
Раз и два и три,
И стае принес я новости эти
(Раз, и два, и три)
И пошли мы по следу, пошли мы по следу,
Раз, и два, и три!

Прозвучал охотничий клич нашей стаи,
Раз и два и три,
Следов на траве мы не оставляем,
(Раз, два, три!)
Сквозь тьму легко проникает глаз,
О, громче! Подай же свой волчий глас!
Раз и два и три!
Слушай, о, слушай рассветный час!
Добыча теперь не уйдет от нас:
Раз, два, три!

ДОРОЖНАЯ ПЕСНЬ БАНДАР-ЛОГОВ
(ОБЕЗЬЯНЬЕГО НАРОДА)*

Вот мы несемся, одна за одной,
На полпути меж землей и луной!
Видишь, как мы грациозно легки?
Видишь четыре отличных руки?
Все во вселенной завидуют нам,
Нашим упругим, как луки, хвостам!
Братец, ты сердишься? Все – суета!
Есть ли что в мире важнее хвоста?

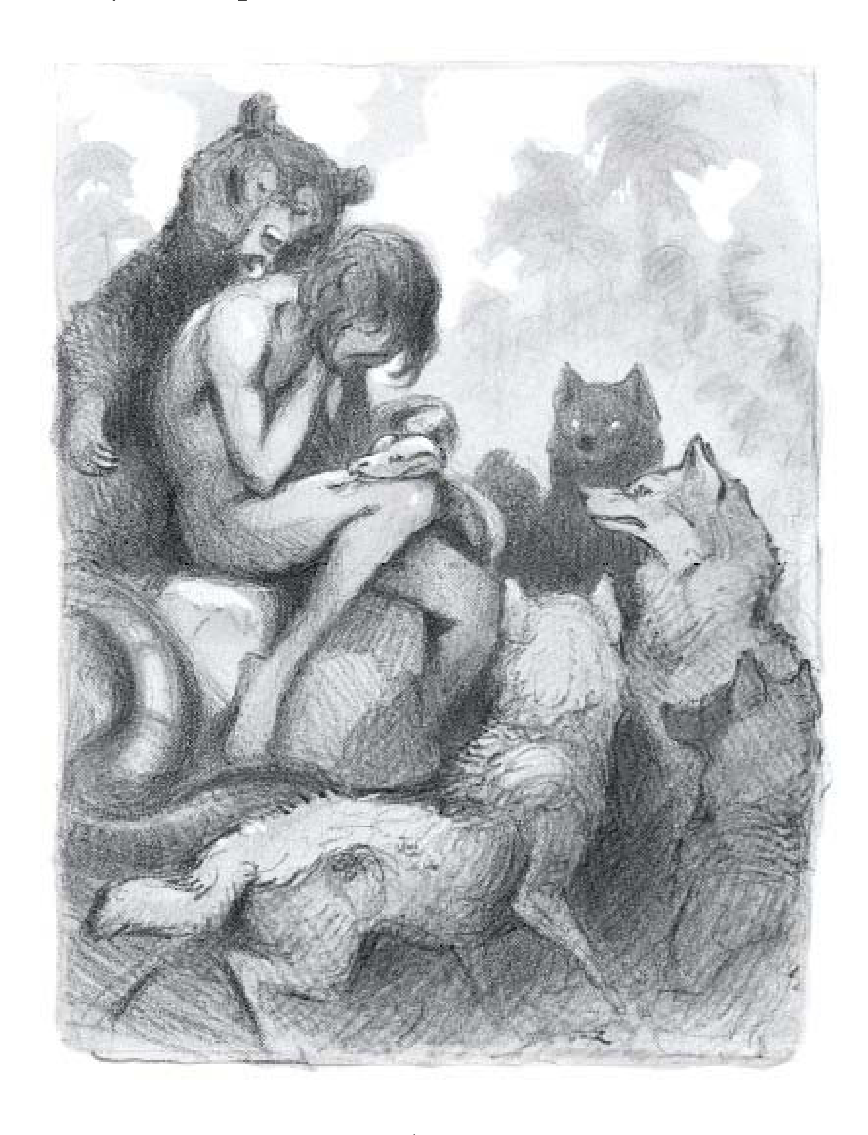
Вот мы толпою на сучьях сидим.
Сколько великих мы дел совершим!
Пусть мы пока лишь мечтаем о них, –
Все совершится в назначенный миг!
Наши мечты – благороднее нет!
Слушай шаги грандиозных побед!
Цель так близка! Прочий мир – суета!
Что есть на свете важнее хвоста?

В мире подлунном – премудрости нет,
Равной премудростям наших бесед!
Да! Не слыхали ни птица, ни зверь,
Истин, что мы возглашаем теперь!
Славься наш разум, почти что людской!
Всех превзошли мы своей трескотней!
О, наша мудрость... Но, все суета:
Что есть на свете важнее хвоста?

Так присоединяйся к нам,
к рукам, скользящим по ветвям,
То вверх, то вниз, как будто им даны крыла!
Клянемся шумом благородным,
клянемся мусором негодным,
Поверь, поверь, нас ждут великие дела!

ПРОЩАНЬЕ ДЖУНГЛЕЙ С МАУГЛИ*

К людям Человек уходит,
Расскажи всем тварям в джунглях,
Навсегда от нас уходит Младший Брат!
Слушайте же и печальтесь, плачьте, о, народы джунглей:
Кто сумеет воротить его назад?

К людям Человек уходит! Плачет, покидая джунгли,
Брат уходит навсегда, прощайтесь с ним!
К людям Человек уходит (Как его любили джунгли!)
Но ходить нам не дано путем людским!

ПЕСНЬ – УГРОЗА МАУГЛИ СЕЛЬЧАНАМ*

Я пошлю быстроногих лиан полки,
Где росли хлеба, – там взойдут сорняки,
И джунгли вытопчут ваши посевы,
Рухнут балки домов, крыши в прах падут,
И карелой, горькой зеленой и жадной карелой
дворы зарастут.

У ваших обваленных бурей ворот
Будет петь свои гимны мой волчий народ,
Станут змеи хранителями очагов,
В заросших амбарах поселятся стаи нетопырей,
И дикие дыни злой ненасытной карелы
засыплют постели людей!

Вы услышите поступь незримых бойцов,
В пастухи я назначу вам братьев-волков,
До восхода луны я с вас дань соберу,
Будут вепри в полях бродить,
пренебрегая межами,
И карела, карела рассыплет без счета семян,
там где женщины ваши рожали.

Вам останутся жалкие колоски: я урожай сниму,
И тогда увидите вы, что я, а не вы, настоящий хозяин ему,
Станете вы колоски подбирать:
больше некому будет пахать,
И олени пройдут по полям иссохшим и рыжим,
И заросли горькой жадной зеленой карелы
Останутся вам вместо хижин.

....

Я наслал быстроногих лиан полки,
Где росли хлеба, там взошли сорняки,
И деревья корнями на вас наступают,
Валятся балки домов, и карелой –
Горькой зеленой и жадной карелой –
ваши дворы зарастают!

ПОУЧЕНИЯ БАЛУ*

Красота леопарда – пятна, гордость быка – рога,
Будь же всегда аккуратным: блеск шкуры пугает врага.

Если буйвол тебе угрожает, или олень поддел,
Эту новость любой из нас знает, не отрывай от дел,

Чужих малышей не трогай: приветствуй как братьев своих,
Ведь может вдруг оказаться, что Медведица – мама их!

«Я – герой!» восклицает волчонок, первой добычей гордясь.
Он малыш, а Джунгли бескрайны,
        пусть потешится в этот раз!

ПЕСНЯ МАЛЕНЬКОГО ОХОТНИКА-ГОНДА*

Мор-павлин еще спокоен, и мартышкам – нет заботы,
Коршун-Чиль еще кружится в облаках,
Но скользят по джунглям пятна, но в ветвях вздыхает что-то
Это страх к тебе крадется, это страх…

Тень внимательная ближе, меж стволами подползая,
Шепот ширится и прячется в кустах…
Пот на лбу твоем, и пальцы сводит судорога злая –
Это страх к тебе крадется, это страх!

Над горой поднявшись, месяц озарит ребристым светом
Тропки мрачные и тени на ветвях,
И натужно джунгли дышат знойной ночью до рассвета…
Это страх к тебе подходит, это страх!

На колено! Лук натянут, но летят бесцельно стрелы,
Но копье дрожит в расслабленных руках,
Над тобой смеются джунгли, и лицо окаменело…
Это страх подкрался ближе, это страх!

А когда ночная буря сосны крепкие ломает,
И ревущих ливней шквалы плетью бьются на стволах,
Громче гонга грозный голос все кругом перекрывает –
Это страх в тебя вселился, это страх.

ПЕСНЬ КОРШУНА ЧИЛЯ*

Вас, компаньоны мои и друзья, ночь унесла с собой.
(Чиль! Ждите Чиля!)
К вам я лечу, просвистать о том, что кончен кровавый бой.
(Вы – авангард Чиля!)
Снизу вы посылали мне весть о добыче, вами убитой,
Сверху я посылал вам весть, о том, где стучат копыта.
Вот он, конец всех на свете путей...
И молчат голоса друзей.

Вы, кто с громким охотничьим кличем
гнал, настигал добычу,
(Чиль! Ждите Чиля!)
Вы, кто стремглав вылетал из тени,
вцепляясь в глотку оленя,
(Вы, авангард Чиля!)
Вас, кто острых рогов избег,
осилила смерть – окончен ваш век.
Вот он, конец всех на свете путей!
Конец охоты твоей...

Вы, компаньоны мои и друзья, погибли, и мне вас жаль...
(Чиль! Ждите Чиля!)
Я лечу устроить ваш гордый покой, и разделить печаль.
(Вы, авангард Чиля!)
Вот на мертвом мертвый лежит,
пасть окровавлена, зрак раскрыт...
Вот он, конец всех на свете путей,
Пир для моих гостей!

ВСТАВНЫЕ СТИХИ ИЗ ДРУГИХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ЦЫГАНСКАЯ ТРОПА

На темный хмель летит мотылек,
На светлый клевер – пчела,
Но к цыганской крови цыганскую кровь
Отвеку судьба вела.

К цыганской крови – цыганскую кровь!
Отвеку покорна судьбе,
Весь мир обойдет бродяжья тропа,
И снова вернется к тебе.

Из темных селений оседлых людей,
Где грязь да серый туман,
Рассвет зовет за край земли:
Уходи, уходи, цыган!

К подсохшим болотам – вепрь лесной,
Красный журавль – в камыши,
Но цыганка – только к цыгану,
На зов бродяжьей души.

Змея – к растресканным скалам,
Олень – на простор степной,
Но цыганка – только к цыгану,
И – вместе тропой одной.

Тропой одной, вдвоем, вдвоем,
Мы в ясном просторе морском
По всем перекресткам цыганской судьбы
Мир обойдем кругом.

Будь верен судьбе цыганской,
Там, где айсбергов синий ад,
Где борта кораблей смерти белей,
И мерзлые снасти скрипят.

Будь верен судьбе цыганской,
Под блеском Южных Планет,
Где ветер ночной Господней метлой
Заметает полярный свет.

Будь верен судьбе цыганской,
Где закат уходит на дно,

И на рыжей волне джонки пляшут в огне,
А Восток и Запад – одно.

Будь верен судьбе цыганской
Там, где молкнут все голоса,
И опаловый зной сдавил тишиной
Магнолиевые леса.

Ястреб – в ясное небо,
В глухие заросли – лось,
Но мужское сердце – к женскому сердцу,
Отвеку так повелось,

Мужское сердце к женскому сердцу...
Скорей догорай, мой костер!
Рассвет зовет – он целый мир
У наших ног распростер!

Перевел В. Бетаки

ЦЫГАНСКИЕ ТЕЛЕГИ*

Если ты не потомок тех вольных людей,
Что воруют и днем и в ночи,
На два оборота сердце замкни
И в кусты зашвырни ключи.
Или так замуруй под каминной плитой
Чтоб никогда не найти,
И шествуй законопослушной стезей
По протоптанному пути.
Ты можешь стоять у своих дверей,
Слушать скрип цыганских телег,
Но жить жизнью роми – вольных людей –
Не смогут джорджи вовек!

Если нет цыганской крови в тебе,
Той, что душу ведет за собой,
Будь благодарен своей судьбе,
Занимайся своей землей,
Когда надо вспаши, что надо посей,
Образцовым хозяином будь,
Запретив послушной душе своей
Даже в мыслях пускаться в путь!
Ты можешь, застыв над миской своей,
Слушать скрип цыганских телег,
Но любить любовью вольных людей,
Не смогут джорджи вовек!

Если нет у тебя цыганских очей,
Тех, что только бесслезным даны,
Ночевать под открытым небом не смей,
Звезды выжгут все твои сны!
Сквозь раму окна на луну гляди,
И с погодой считайся, дружок:
Ни под дождик полуночный не выходи,
Ни в рассвет на росистый лужок!
Можешь съежиться и глаза закрыть
Слыша скрип цыганских телег,
Потому что как вольные роми бродить
Не смогут джорджи вовек.

Если ты происходишь не от цыган,
Для которых нет смены времен,
Уважай свои власти и свой карман,
Имя доброе и закон,

Чередуй время бодрствованья и сна,
И живи до скончанья дней,
А помрешь – посмеются и Бог, и жена,
И цыгане над жизнью твоей.
Ты на сером кладбище будешь лежать,
Слыша скрип цыганских телег,
Потому что как вольный цыган умирать
Не смогут джорджи вовек.

Перевел В. Бетаки

БЛУДНЫЙ СЫН*

Ну вот и пришел я домой опять,
Так рады мне все: я с семьей опять
И всем-то я свой да родной опять
(Забыт и прощен мой позор!)
Отец созывает гостей на меня,
Тельца заколол пожирней для меня,
Но свиньи-то, право, милей для меня,
Мне лучше б на скотный двор!

А как я изящно одет, смотри,
Аж в братних глазах молодец, смотри!
Живя средь свиней, наконец, смотри,
Сам станешь свиньей, или нет?
Ушел я с котомкой с худым кошельком
И хлеб жрал такой, что вам тут не знаком,
И слава-то Богу: мне в горле ком –
Чопорный ваш обед!

Отец мне советы дает без конца.
Брат дуется да и орет без конца.
Мать Библию в руки сует без конца,
Так хочется всех послать,
Дворецкий едва замечает меня,
И мой же лакей презирает меня:
Моральным уродом считает меня...
Ох, тошно, – не рассказать!

Пусть все что имел, я растратил, ну да.
Шиш нажил себе в результате, ну да.
И нечего мне показать им, ну да,
Но я ведь такой не один...
Твердят о деньгах, – тьма обид на меня,
Мол жизнь прожигал, – сразу видно меня,
Но только забыли, кто выгнал меня
За то, что я младший сын!

Ну, лохом и был и казался я,
На ловких людей нарывался я,
Грошей распоследних лишался я –
Теперь – замани калачем!

Как холод и голод терпеть, я узнал,
Работать за жалкую медь – я узнал,
Со свиньями дело иметь, – я узнал
Все знаю теперь, что почем!

К работе своей я вернусь опять,
Но больше уж не попадусь опять,
И к вам уже не возвращусь опять,
Я сам себе господин!
Прощай же отец, долго жить тебе,
Мать, я напишу, может быть, тебе,
Поверь, не хочу я хамить тебе,
Но братец мой – сукин сын!

Перевел В. Бетаки

ГОРОДА И ТРОНЫ И СТРАНЫ… *

Города и троны и страны
Для Времен – пустяки:
Эфемерны, непостоянны
Как мотыльки.
Но свежая почка рада
Радовать нас всегда:
Подымаются в разных странах
Новые города.

Сдан временам на милость,
Их расцвет
Не поймет даже, что изменилось
За горстку лет.
Но в силу ничтожности знанья,
(Ох, важный вид!)
Недельное существованье
Вечным назвать спешит.

Так время, доброе все же
К сущему в мире мглы,
Сочтет, что мы слепы столь же
Сколь и смелы,
И справя над нами тризну,
Не возразит, чтоб тут
Сказал призраку призрак:
«Смотри, ведь навеки – наш труд».

Перевел В. Бетаки

ДВА ПРИГОРКА

Только два африканских пригорка,
Только пыль и палящий зной,
Только тропа между ними,
Только Трансвааль за спиной,
Только маршевая колонна
В обманчивой тишине,
Внушительно и непреклонно
Шагающая по стране.
Но не смейся, встретив пригорок,
Улыбнувшийся в жаркий час,
Совершенно пустой пригорок,
За которым – Пит и Клаас, –
Будь зорок, встретив пригорок,
Не объявляй перекур:
Пригорок – всегда пригорок,
А бур – неизменно бур.

Только два африканских пригорка,
Только дальний скалистый кряж,
Только грифы да павианы,
Только сплошной камуфляж,
Только видимость, только маска –
Только внезапный шквал,
Только шапки в газетах: «Фиаско»,
Только снова и снова провал.
Так не смейся, встретив пригорок,
Неизменно будь начеку,
За сто миль обойди пригорок,
Полюбившийся проводнику, –
Будь зорок, встретив пригорок,
Не объявляй перекур:
Пригорок – всегда пригорок,
А бур – неизменно бур.

Только два африканских пригорка,
Только тяжких фургонов след,
Только частые выстрелы буров,
Только наши пули в ответ, –
Только буры засели плотно,
Только солнце адски печет..
Только – «всем отступать поротно».

Только – «вынужден дать отчет».
Так не смейся, встретив пригорок,
Берегись, если встретишь два,
Идиллический, чертов пригорок,
Приметный едва-едва, –
Будь зорок, встретив пригорок,
Не объявляй перекур:
Пригорок – всегда пригорок,
А бур – неизменно бур.

Только два африканских пригорка,
Ощетинившихся, как ежи,
Захватить их не больно сложно,
А попробуй-ка удержи, –
Только вылазка из засады,
Только бой под покровом тьмы,
Только гибнут наши отряды,
Только сыты по горло мы!
Так не смейся над жалким пригорком –
Он достался нам тяжело;
Перед этим бурым пригорком,
Солдат, обнажи чело,
Лишь его не учли штабисты,
Бугорка на краю земли, –
Ибо два с половиной года
Двух пригорков мы взять не могли.
Так не смейся, встретив пригорок,
Даже если подписан мир, –
Пригорок – совсем не пригорок,
Он одет в военный мундир, –
Будь зорок, встретив пригорок,
Не объявляй перекур:
Пригорок – всегда пригорок,
А бур – неизменно бур.

Перевел Е. Витковский

АЗБУЧНЫЕ БОГИ

Я прошел перевоплощенья в сотнях сотен веков,
Я смотрел сквозь почтительные пальцы на всех площадных богов,
И я видел их в мощи и силе, и видел павшими в прах, –
И только Азбучные боги устояли во всех веках.

Мы встретились с ними в пещерах. Они нам сказали: «Вот:
Вода непременно мочит, а огонь непременно жжет!»
Это было пошло и плоско – какой нам в том интерес?
Мы оставили их обезьянам и отправились делать прогресс.

Мы шли по веленьям Духа, а они – по своей тропе.
Мы молились звездам, законам, познаниям и т. п.
А они нам путали карты, их нрав был непримирим:
То ледник вымораживал расу, то вандалы рушили Рим.

Все идеи нашего мира отвергались ими сполна:
И луну, мол, не делают в Гамбурге, и она, мол, не из чугуна,
И страсти наши – не кони, и крыльев нет на ослах;
А вот Площадные боги обещали нам кучу благ.

При Кембрийском Законодательстве нам сулили мир и покой:
Нам сказали: сложите оружие, и конец вражде племенной!
А когда мы сложили оружие, нас схватили и продали в рабы:
И Азбучные боги сказали: «Всяк – виновник своей судьбы».

При Пермском Матриархате нам все чувства раскрылись вполне,
Начиная с любви к ближнему и кончая – к его жене:
И женщины стали бесплодны, а мужчины стали плохи, –
И Азбучные боги сказали: «Каждый платится за грехи».

В эру Юрского Изобилия указали нам путь добра:
Обобрав единоличного Павла, оделить коллективного Петра;
И денег было по горло, только нечем набить живот, –
И Азбучные боги сказали: «Кто не трудится, тот умрет».

Дрогнули Площадные боги, и иссякли потоки слов,
И снова зашевелилось в глубине смиренных умов,
Что и впрямь «дважды два – четыре», что «не все то золото, что блестит»;
И Азбучные боги нам поставили это на вид.

Что было, то снова и будет: к чему далеко идти?
Есть только четыре истины на всем человечьем пути:
Пес вернется к своей блевоте, и свинья – на свой навоз,
И дурак снова сунется в пламя, хоть сто раз обожги себе нос.

И в-четвертых: когда в грядущем станет мир, как хрустальный дом,
С платой нам – за то, что живем мы, а не с нас – что злобно живем, –
То, как вода нас мочит и как огонь нас жжет, –
Так Азбучные боги снова придут и снова сведут расчет!

Перевел М. Гаспаров

ЗОВ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Я была землею их предков,
Во мне – истоки добра.
Своих детей верну я,
Когда настанет пора.

Под их сапогами в травах
Песнь зазвучит моя.
Придут они, как чужестранцы,
Придут они, как сыновья.

Над их головами кроны
В краю родном и чужом
Им шепчут мои заклинанья,
Шепчут моим языком.

В мой берег бьющее море
И зелень моих полей
Дарует силу и гордость
Душам моих детей.

Смысл минувших столетий
Я им разъясню до конца
И, глаза их наполнив слезами,
Познанью открою сердца.

Перевел Г. Бен

ПЕСНЯ ПИКТОВ

Рим идет вперед напролом,
Не глядит себе под ноги Рим,
Он топчет нас сапогом
И не слышит, как мы кричим.
Мы грозим ему из-за спины
И мечтаем во мраке ночей,
Что пойдем на осаду Стены
С кулаками против мечей.

Да, мы маленький, слабый народ,
Мы не в силах ни славить, ни клясть;
Но увидите – срок придет,
Свалим мы вашу гордую власть.
Мы – омела, что сушит дуб!
Мы – червяк, что вгрызается в гриб!
Мы – дупло, сверлящее зуб!
Мы – в пятку вонзившийся шип!

Моль в одежде дыру прогрызет.
Ржа раскрошит булатный меч,
Червь источит созревший плод –
Вам добро свое не сберечь.
Да, мы так же слабы, как они,
Незаметен и долог наш труд.
Но поверьте: настанут дни –
Ваши форты вас не спасут.

Это верно, слабы мы сейчас,
Но другие народы сильны,
И мы их поведем на вас,
Чтоб спалить вас в огне войны.
Да, теперь мы только рабы,
Нашей доли нам не миновать,
Но мы вам сколотим гробы,
Чтоб на этих гробах плясать!

Перевел Г. Бен

ПЕСНЬ МИТРЕ
(ТРИДЦАТЫЙ ЛЕГИОН, ок. 350 г.)

Митра, владыка рассвета, мы трубим твое торжество!
Рим – превыше народов, но ты – превыше всего!
Кончена перекличка, мы на страже, затянут ремень;
Митра, ты тоже солдат, – дай нам сил на грядущий день!

Митра, владыка полудня, зной плывет, и в глазах огни;
Шлемы гнетут нам головы, и сандалии жгут ступни;
Время привалу и отдыху – тело вяло, и дух иссяк.
Митра, ты тоже солдат, – дай нам сил не нарушить присяг!

Митра, владыка заката, твой багрянец красен, как кровь.
Бессмертен ты сходишь с неба, бессмертен взойдешь ты вновь.
Кончена наша стража, в винной пене кипят пузыри –
Митра, ты тоже солдат, – дай пребыть в чистоте до зари!

Митра, владыка полуночи, для тебя умирает бык.
Мы сыны твои, мы во мраке.
Это жертва владыке владык.
Ты много дорог назначил – все к свету выводят нас.
Митра, ты тоже солдат, – дай не дрогнуть в последний час!

Перевел М. Гаспаров

ПЕСНЯ ГАЛЕРНЫХ РАБОВ

Мы гребли за вас и против течений и в штили,
когда паруса повисали, и когда с неба хлестала вода...
И вы не отпустите нас никогда?

Раньше вас мы взбегали на борт, если враг вас преследовал,
мы питались хлебом и луком, когда вы захватывали богатые города.
Капитаны расхаживали по палубам в солнечную погоду и распевали песни,
а мы были в трюмах, усталые, как всегда...
Мы слабели, на весла склонясь подбородками, но вы никогда не видали,
чтоб мы отдыхали, ведь мы продолжали
раскачиваться в ритме весел туда и сюда...
И вы не отпустите нас никогда?

И вальки наших весел становились от соли как шкура акулы,
наши колени соль разъедала до самой кости,
наши волосы присыхали ко лбам,
а губы изрезаны были трещинами до самых десен, и мы не могли грести
а вы плетьми нас хлестали: мол, соль – не беда...
И вы не отпустите нас никогда?

Но в какой-нибудь миг мы исчезнем из весельных портов, без следа,
как сбегающая с лопастей весел вода,
И пусть вы другим гребцам прикажете гнаться за нами, но скорей вы изловите
волны веслом, или шкотами свяжете ветер, чем догоните нас.
"Эй, куда?!!"
И вы не отпустите нас никогда?

Перевел В. Бетаки

«A ST.HELENA LULLABY»:

два параллельных перевода

1. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ОСТРОВА СВ. ЕЛЕНЫ
(ПЕР. О. КОЛЬЦОВОЙ)

Где остров Святой Елены? – Не надо, старина,
Дались тебе, ей-Богу, чужие острова.
Страна, держи своих сынов, иначе им хана.
(Разве страшны морозы, пока зелена трава!)

Где остров Святой Елены? – Не скажет Париж, не жди.
Те, кто стоял за короля, отведали свинца.
Артиллерийским залпом повержены вожди.
(Если вступил на этот путь, то следуй до конца!)

Остров Святой Елены от Аустерлица далек?
Мне пушек не перекричать, что толку отвечать.
Весь мир пред баловнем судьбы – ты понял мой намек?
(На роковой победе – роковая печать!)

Где остров Святой Елены? Где императорский трон?
– Величьем венценосца Франция горда.
Но объясненья не проси, все застит блеск корон.
(Небосклон затягивает облачная гряда!)

Где остров Святой Елены? Скажи, где Трафальгар?
Меж ними добрых десять лет, и не на мили счет.
Звезда срывается с небес в пороховой угар.
(Бросай игру, коль нечет подводит, как и чёт!)

А остров Святой Елены далеко ль от Березины?
Взгляни, чернеют полыньи средь заснеженных льдин.
В обход пойдешь иль напрямик – все не избыть вины.
(Раз оступившись, – отступи, закон для всех один!)

Остров Святой Елены далек ли от Ватерлоо?
Рукой подать, доставят, и глазом не моргнешь.
Сиди, уставясь на закат, да знай суши весло.
(Славное было утро, а вечер непогож!)

Остров Святой Елены далече от Райских Врат?
Никто не ведает о том, не суесловь и ты.
Дождись, молчанием объят, последней прямоты.
И – да хранит тебя Господь! – спокойно спи, солдат.

2. КОЛЫБЕЛЬНАЯ НА ОСТРОВЕ СВ. ЕЛЕНЫ
(ПЕР. Г. БЕНА)

Далеко ль от Святой Елены те игры детских дней?
Так почему, пройдя весь мир, здесь оказался ты?
Ах, мама, сын твой убежит, верни его скорей!
(Никто про снег не думает, когда цветут цветы).

Далеко ль от Святой Елены то сражение в Париже?
Мне недосуг вам отвечать: грохочет канонада,
И горы трупов на камнях лежат в кровавой жиже.
(Раз первый шаг ты сделал, то свершить последний надо).

Далеко ль до Святой Елены от поля Аустерлица?
Вы не расслышите ответ: так громок грохот боя.
Путь короток для тех, кто сам всего решил добиться.
(Повсюду день кончается вечернею зарею).

Далеко ль от Святой Елены сам император Франции?
Не вижу, не могу сказать: венцы слепят глаза,
За стол садятся короли, принцессы кружат в танце.
(Но если парит в воздухе, то близится гроза).

Далеко ль от Святой Елены тот бой при Трафальгаре?
Далекий путь, далекий путь – все десять дней пути;
Ведь остров где-то далеко, там, в южном полушарии…
(Брось поиски того, что ты не в силах и найти).

Далеко ль от Святой Елены злой лед Березины?
Холодный путь – голодный путь, – зато недолгий путь
Для тех, кому советы чужие не нужны…
(Раз нет пути – придется ведь обратно повернуть).

Далеко ль до Святой Елены от поля Ватерлоо?
О, близкий путь – без риска путь – вперед летит корвет.
Для тех, кто отошел от дел, там жить не тяжело.
(Лишь в полдень понимаешь, как ярок был рассвет).

Далек ли от Святой Елены небес чертог златой?
Никто не ведает – никто не видел искони.
Так руки на груди сложи, да и лицо закрой:
Ты нагулялся вдоволь – ложись-ка, отдохни.

ДОРОГА В ЛЕСУ

Провели дорогу в лесу
Семьдесят лет назад.
Ее потом размывало дождем.
Засыпал ее листопад,
Вот и деревья на ней наросли в лесу,
И вся зацвела она мхом,
Распустились над ней лопухи и репей,
Завалил ее бурелом;
И лесничий, идя в обход.
Прошмыгнувшую видит лису.
Да играет в траве енот,
Где была дорога в лесу.

Но под вечер, если в тот лес
Просто так забрести иногда,
Когда воздух чист, и выдры свист
Доносится из пруда
(Она не боится людей в лесу:
Редко кто у пруда сидит),
То порой различишь сквозь вечернюю тишь
В урочище цокот копыт.
Да юбка шуршит за кустом,
Отряхивая росу.
Как будто здесь чей-то дом,
У этой дороги в лесу...
Но нет дороги в лесу.

Перевел Г. Бен

ПЕСНЬ ДЕРЕВЬЕВ
A.D. 1200

Средь дерев, чей напев с далеких времен
Старой Англии дорог сугубо,
Не сыщешь прекрасней зеленых крон,
Чем у Тёрна, Ясеня, Дуба.
В солнцеворот, на летней заре,
Сэр, прошу вас покорно,
Весь день напролет петь о славной поре
Дуба, Ясеня, Тёрна!

Королевский Дуб не один лесоруб
Знавал еще в дни Энея.
Ломширский Ясень, высок и прекрасен,
Над Брутом шумел, зеленея.
Видел Тёрн, как Лондон был возведен, –
Новой Трои наследник, бесспорно.
Своим чередом узнаешь о том
У Дуба, Ясеня, Тёрна!

Старый Тис на погосте, где прах да кости,
Годится для доброго лука.
Из Ольхи сработай себе башмаки,
А кубок хорош – из Бука.
Но коль ты добит, и твой кубок допит,
И подошвам – швах, скажем грубо, –
Последний приют обретешь лишь тут –
Подле Тёрна, Ясеня, Дуба!

Несговорчивый Вяз норовит врезать в глаз,
С ним не очень-то запанибрата.
Если вдруг в холодок лег усталый ходок,
Для него это дело чревато.
Но будь трезв ты, иль пьян, иль тоской обуян,
На подушке из свежего дерна
Дуй из рога свой эль, ибо легок хмель
Возле Дуба, Ясеня, Тёрна!

О том, что в лесу провели мы ночь,
Святому отцу – ни гу-гу.
Нынче любой оказаться не прочь
На том волшебном лугу.
Ветер с юга поет, что тучен скот
Что в полях наливаются зерна.

Это добрая весть, и таких не счесть
У Дуба, Ясеня, Тёрна!

Англия песне старой верна,
Что звучит под небом просторным
Во все времена да пребудет страна
С Дубом, с Ясенем, с Тёрном!

Перевела О. Кольцова

ХОЛОДНОЕ ЖЕЛЕЗО

Серебро – для девушек, золото – для дам,
Медь исправно служит искусным мастерам.
«Нет, Господи, – сказал барон, холл оглядев пустой,
Холодному железу подвластен род людской!»

Против Короля он предательски восстал,
Замок сюзерена осадил вассал,
Но пушкарь на башне пробурчал: «Постой,
Железу, железу подвластен род людской!»

Горе и Барону и рыцарям его:
Безжалостные ядра не щадили никого,
Закован в цепи пленник, не шевельнуть рукой:
Холодному железу подвластен род людской!

Король сказал: «Не хочется держать тебя в плену,
Что, если я отпущу тебя и меч тебе верну?»
«О, нет, – Барон ответил, – не смейся надо мной:
Холодному железу подвластен род людской!»

Слезы – для трусливого, просьбы – для глупца,
Петля – для шеи, гнущейся под тяжестью венца...
Мне не остается надежды никакой:
Холодному железу подвластен род людской!

И вновь обратился к нему Король – мало таких королей! –
«Вот хлеб, вино, садись со мной, спокойно ешь и пей!
Садись же во имя Марии, подумаем с тобой
Как может быть железу подвластен род людской!»

Благословил Он Хлеб и Вино, и тут же Хлеб преломил,
Своею рукою подал ему, и тихо проговорил:
«Смотри! Мои руки гвоздями пробиты –
там, за стеной городской,
Видно по ним, что и вправду железу
подвластен род людской...»

Раны – для отчаянного, битва – для бойца,
Бальзам – для тех, кому ложь и грех в кровь истерзали сердца,
«Прощаю тебе измену, с почетом отправлю домой
Во имя Железа, Которому подвластен род людской!»

Корона – тому, кто ее схватил, держава – тому, кто смел,
Трон – для того, кто сел на него и удержаться сумел?
«О, нет, – барон промолвил, – склоняясь в часовне пустой –
Воистину железу подвластен род людской:
Железу с Голгофы подвластен род людской!»

Перевел В. Бетаки

ΩΩΩ

ПРЕССА*

Скорей про море забудет моряк,
Артиллерист – про пушки,
Масон забудет свой тайный знак,
И девушка – побрякушки,
Ерушалàим забудет еврей,
Монах – господню мессу,
Невеста платье забудет скорей,
Чем мы ежедневную прессу.

Тот, кто стоял полночной порой
Под штормовым ревом,
Кто меньше своей дорожил душой,
Чем свежим печатным словом,
Когда ротационный мастодон
Пожирает во имя прогресса
Милю за милей бумажный рулон –
Тот знает, что значит пресса.

Ни любовь, ни слава не соблазнят
Боевого коня перед боем.
Да пусть хоть архангелы в небе трубят, –
Мы останемся сами собою:
Кто хотя бы однажды сыграл в ту игру,
Кто после ночного стресса
Трубку спокойно курил поутру
Тому подчиняется пресса!

Дни наших трудов никто не сочтет,
(«Таймс» не зря творит времена!)
Если молнии кто-то из нас разошлет –
Им власть над землей дана!
Дать павлину хвастливому хвост подлинней?
И слону не прибавить ли весу?
Сиди! Владыки людей и вещей
Только Мы, кто делает прессу!

Папа римский проглотит свой же запрет,
Президенты примолкнут тоже,
Вот раздулся пузырь – и вот его нет!
Кто еще кроме нас это может?

Так помни, кто ты, и над схваткой стой
Без мелочного интереса:
Над гордыней тронов, над всей суетой –
Пресса. Пресса. Пресса.

Перевел В. Бетаки

ΩΩΩ

«IF»:
три параллельных перевода

1. ЗАПОВЕДЬ
(ПЕР. М. ЛОЗИНСКОГО)

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя наперекор вселенной,
А маловерным отпусти их грех,
Пусть час не пробил, жди не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них,
Умей прощать, но не кажись, прощая,
Великодушней и мудрей других.

Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив,
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая. что их голос лжив.
Останься прост, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена, и снова
Ты должен все воссоздавать с основ.

Сумей поставить в радостной надежде
На карту все, что добыто трудом,
Все проиграть, и нищим стать как прежде,
Но никогда не пожалеть о том.
Сумей принудить сердце, нервы, тело
Служить тебе, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело,
И только воля говорит: «Иди!»

Останься прост, беседуя с царями;
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и с друзьями;
Пусть все в свой час считаются с тобой.
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег –
Тогда весь мир ты примешь во владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь ЧЕЛОВЕК!

2. ЕСЛИ
(ПЕР. С. МАРШАКА)

О, если ты спокоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,
И если ждать умеешь без волненья,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь, –
И если ты своей владеешь страстью,
А не тобою властвует она,
И будешь тверд в удаче и в несчастье,
Которым в сущности цена одна,
И если ты готов к тому, что слово
Твое в ловушку превращает плут,
И, потерпев крушенье, можешь снова –
Без прежних сил – возобновить свой труд, –
И если ты способен все, что стало
Тебе привычным, выложить на стол,
Все проиграть и вновь начать сначала,
Не пожалев того, что приобрел,
И если можешь сердце, нервы, жилы
Так завести, чтобы вперед нестись,
Когда с годами изменяют силы
И только воля говорит: «держись!» –
И если можешь быть в толпе собою,
При короле с народом связь хранить
И, уважая мнение любое,
Главы перед молвою не клонить,
И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в дальний бег, –
Земля – твое, мой мальчик, достоянье.
И более того, ты – человек.

3. КОГДА
(ПЕР. В. БЕТАКИ)

Когда ты тверд, а весь народ растерян
И валит на тебя за это грех,
Когда кругом никто в тебя не верит,
Верь сам в себя, не презирая всех.
Умей не уставать от ожиданья,
И не участвуй во всеобщей лжи,
Не обращай на ненависть вниманья,
Но славой добряка не дорожи!

Когда из мысли не творишь кумира,
Мечтая, не идешь к мечте в рабы,
Сочтя всю славу и бесславье мира
Одним и тем же вывертом судьбы,
Смолчишь, когда твои слова корежа,
Плут мастерит капкан для дураков,
Когда все то, на что твой век положен,
Вновь собирать ты должен из кусков,

Когда рискнешь, поставив на кон снова
Весь выигрыш, – и только для того,
Чтоб проиграть и ни единым словом
Не выдать сожаленья своего, –
Когда назло усталости и боли
Заставишь сердце жизнь тащить твою,
Хотя в нем все иссякло, кроме воли,
Еще твердящей «нет» небытию,

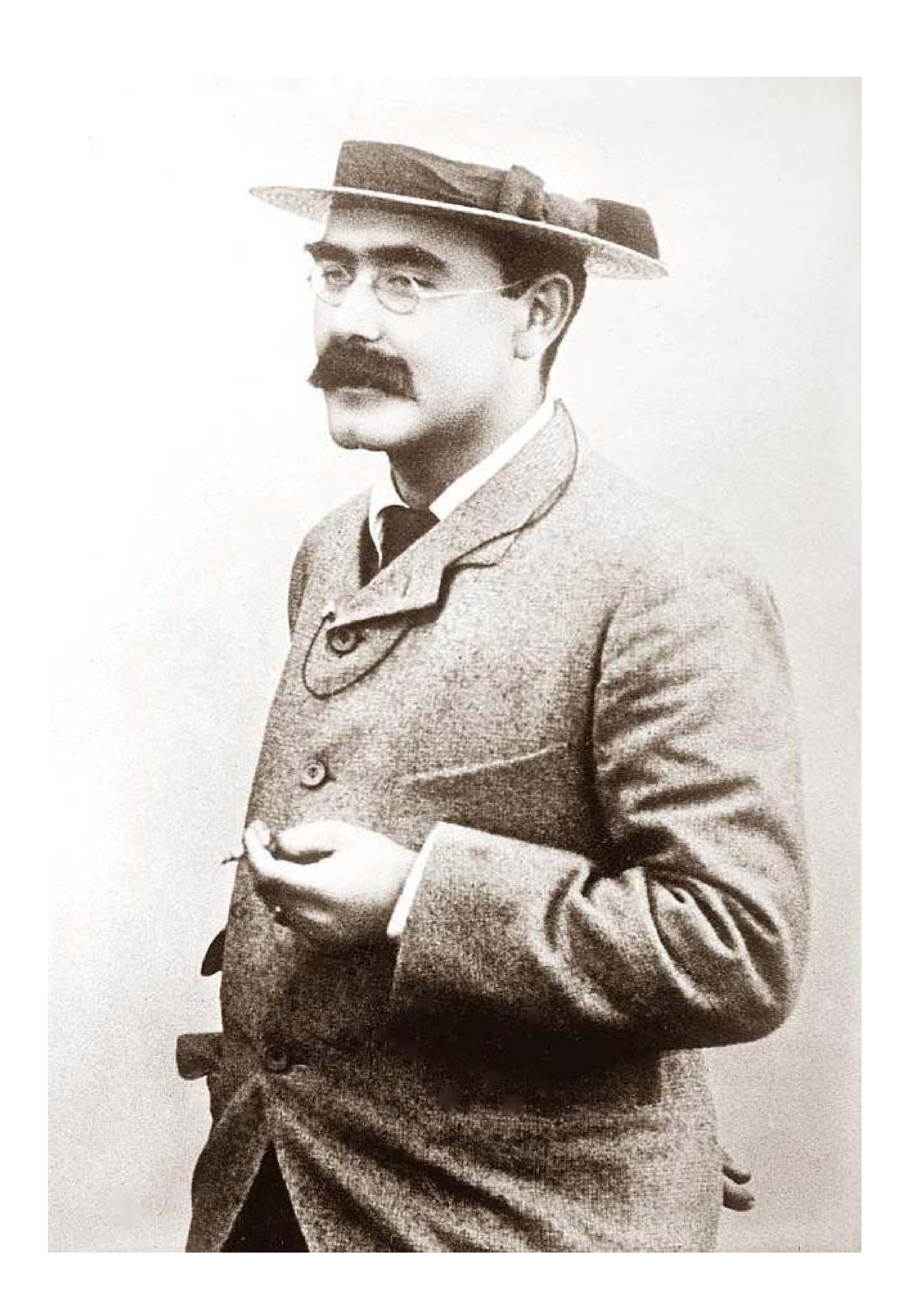
Когда толпе не льстишь улыбкой низкой,
А с королем не лезешь в короли,
И знаешь, что ни враг, ни друг твой близкий
Тебя ударить в спину не смогли,
Когда поняв, что время не прощает,
Секундной стрелкой меришь скачку дней,
Тогда, мой сын, на свете ты – хозяин,
Тогда ты – ЛИЧНОСТЬ, что еще важней!

ПРОСЬБА*

Что ж, ежели мой труд тебе
Понравился – так вот:
Не беспокой меня в той тьме,
Что и тебя сглотнет.

А если вспомнишь вдруг на миг –
Напрасно не тревожь:
Ты только из моих же книг
Все про меня поймешь!

Перевел В. Бетаки

ВАСИЛИЙ БЕТАКИ

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ И РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА

1.

Если вспомнить наивное замечание М. Горького, что те из писателей, кто видел в жизни много, становятся, как правило, реалистами, а те, кто видел мало, делаются романтиками, то именно биография Редьярда Киплинга опровергает это детское рассуждение. Писатель, столько повидавший и оставшийся романтиком по самой своей глубинной сути, в детскую формулировку «буревестника» никак не умещается! Что касается биографии «внешней» – она у Киплинга проста и ясна... Почти, кажется, бессобытийна... Если вообще такое возможно сказать о журналисте, как штатском, так и особенно, военном! Эта профессия была все же не только первым по времени, но в некоторой степени и главным занятием великого британского поэта и прозаика.

Учтем, что основой всего, написанного этим романтиком, была ничуть не романтическая записная книжка военного журналиста, а все, что написано им и в прозе и в стихах, все многотомное собрание его сочинений, выросшее из этих записных книжек, не содержит в себе ни строчки, выдуманной за столом... В этом смысле Киплинг – абсолютный реалист.

В сатирической балладе «Головоломка мастерства» Киплинг изображает кабинетных «творцов» викторианской эпохи, с которой у него были, кстати, такие же противоречия, какие полувеком позднее Андрей Синявский охарактеризовал как «стилистические расхождения» его, писателя, с властью – имея в виду самые глубокие, первоосновные противоречия.

...Вот зеленый с золотом письменный стол
Первый солнечный луч озарил,
И сыны Адама водят пером
По глине своих же могил.
Чернил не жалея, сидят они
С рассвета и до рассвета,
А дьявол шепчет, в листках шелестя:
«Мило, только искусство ли это?»

В этой балладе дьявол – одна из масок автора. А в другой, тоже сатирической, балладе «В эпоху неолита» поэт (уже в маске «идола-предка») говорит:

Вот вам истина веков, знавших лишь лосиный рев,
Там, где в наши дни – Парижа рев и смех:
Да, путей в искусстве есть семь и десять раз по шесть,
И любой из них для песни – лучше всех!

Но тут речь идет не только о противостоянии канонам, установленным в искусстве «приличным» викторианским обществом, принимавшим равно с одобрительной улыбкой всякую «пристойную литературу», хоть лорда Теннисона, хоть Томаса Харди, но только не Киплинга! Тут говорится о противостоянии автора всей тогдашней литературной общественности, скандально вставшей на дыбы при неожиданном, взрывном появлении в английской словесности этого, по газетным отзывам, «*литературного хулигана из Индии*»...

К тому же пришпилить его, на коллекционерский манер, к листу того или иного направления или «течения» оказалось невозможно: ну не умещался он в общепринятое литературное пространство... («Как не такой, так сразу уже и ругаться?» – говорит в аналогичной обстановке один из героев А. Синявского).

Впрочем, ни одно крупное явление в литературе любых времен никогда не укладывалось в те рамки направлений, течений, школ, которые были по сути дела высосаны из пальца как литературоведами, стремившимися систематизировать все, что никакой систематизации не поддается, так и самими писателями и поэтами, нередко стремившимися сочинить манифест пошумнее и поярче. Вот примеры этого явления хотя бы из русской поэзии. Полностью в рамки «символизма» укладываются Бальмонт, Белый, Брюсов... Но не Блок. Футуристами оказываются хоть В. Хлебников, хоть Б. Лившиц, но не Маяковский... Насчет акмеистов – вспомним утверждение А. Блока: «*Никакого акмеизма нет. Есть поэт Мандельштам*». И хотя в данном случае мы можем указать на то, что Блок не заметил поэта Ахматову (возможно, из-за ее молодости, а Гумилева намеренно по личной неприязни между двумя поэтами), но в отношении того, что акмеизма как единого стиля нет, видимо, приходится с Блоком согласиться: ну что может быть общего между тремя большими поэтами, причислявшими себя к акмеизму? В чем сходство их между собой? Сходства и следа нет! Тогда как в рамки гумилевского манифеста или мандельштамовской статьи о том, что это за такое «направление», вполне спокойно уложатся, к примеру, давно забытые М. Зенкевич и Вс. Рождественский.

Вот так же обстоит и с причислением Редьярда Киплинга к любому из литературных течений его времени... Не влазит он даже в упомянутые два самых просторных из прокрустовых лож классификации! И не влазит просто потому, что он – великий поэт и один из самых значительных прозаиков в английской литературе рубежа веков. С тех времен, как Дж. Байрон заставил говорить о себе всю Англию, ни один поэт не приобрел за такой короткий срок столь широкой и скандальной славы...

Но дело было далеко не только в скандальности молодого поэта: «*С приходом Киплинга в английской литературе впервые мощно зазвучал голос человека, живущего в Индии и ощущающего всеми*

пятью чувствами ее особенные краски и звуки [...] *человека, изображающего жизнь современной Индии со всеми ее противоречиями, со сложным переплетением интересов различных наций и социальных слоев, страны, где Восток и Запад (в лице колониального английского общества) столкнулись лицом к лицу»* (Н. А. Вишневская и Е.П. Зыкова, «Запад есть Запад», изд. ИМЛИ РАН, 1996).

«*В тринадцать лет я боготворил Киплинга, в семнадцать – ненавидел, в двадцать – восхищался им, в двадцать пять – презирал, а теперь снова нахожусь под его влиянием и не в силах освободиться от его чар*». Так писал Джордж Орвелл в некрологе на смерть Редьярда Киплинга.

Отчасти такие крутые повороты в отношении к поэту объясняются его выходящей за всякие нормы многогранностью. Не случайно именно это свойство Киплинга отметил в 1958 году в своей речи «Неувядающий гений Редьярда Киплинга» Т. С. Элиот: «*...чтоб написать истинный портрет этого человека, описать его творчество, нужно рассмотреть очень разные грани его творчества и только за их пределами осознать единство*».

2.

«Без Киплинга вся русская поэзия XX в. (разве что кроме самого его начала) была бы совсем другой»

Александр Галич

Герберт Уэллс, вспоминая свои студенческие годы, так писал о Киплинге: «*Этот колдун открыл нам мир самых разных механизмов и самых разных никак не поэтичных вещей, мир инженеров и сержантов.* [...] *Он превратил профессиональные жаргоны и сленг в поэтическую речь.* [...] *Киплинг с мальчишеским энтузиазмом что-то темпераментно кричал, он радовался людской силе, упивался красками и запахами огромной Империи. Он завоевал нас, вколотил нам в головы звонкие и неувядающие строки, особенным образом расцветил наш простой бытовой язык, и многих заставил просто подражать себе*».

Так обстояло дело со взбаламученным морем английской поэзии на рубеже веков. А уж что касается поэзии русской, то влияние Киплинга на нее оказалось несравненно более грандиозным, чем даже на его родную, английскую.

Не надо и пристально вглядываться, чтобы увидеть, что с времен Байрона ни один иностранный поэт так сильно не повлиял на русскую поэзию, как Киплинг. (Сравнимым с влиянием Байрона на

русскую литературу было, разве что, влияние Вальтера Скотта, но скорее в прозе (см. книгу М. Альтшуллера «Эпоха Вальтера Скотта в России»). В русской поэзии же В. Скотт повлиял всерьез разве что на одного Лермонтова). Для того, чтобы доказать правдивость этого широковещательного заявления, я вкратце напомню тут о тех русских поэтах, которые без Киплинга были бы совсем иными или вообще бы могли не состояться. Итак, долго не думая, просто хронологически:

Гумилев. Ну, первый же пример, хотя бы «Капитаны», с их наивным, но, в общем-то, прямо идущим от Киплинга сгущенным романтизмом, – и прежде всего преклонением перед сильными характерами:

...Те, кому не страшны ураганы,
Кто изведал мальстремы и мель,
Чья не пылью изодранных хартий,
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на изодранной карте
Отмечает свой дерзостный путь...
И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Клочья пены с высоких ботфорт...

И виноваты не поэты, а бег времени, что стихи такого рода все дальше и бесповоротнее, хотя вполне законно, переходят в разряд поэзии для детей; возможно, это происходит по причине их некоторой картонности, видной взрослым очень явственно на фоне живого и многогранного стиха самого Киплинга.

Николай Тихонов. Самое известное из его стихотворений – «Баллада о гвоздях» с ее довольно абстрактными моряками – отличается от киплинговских баллад именно этой самой абстрактностью, происшедшей оттого, что Киплинг своих героев брал из наблюдений над жизнью, а Тихонов – из книг Киплинга и Стивенсона. Но интонация иных строк, и даже отрывистый его синтаксис, от киплинговских мало отличимы:

Спокойно трубку докурил до конца.
Спокойно улыбку стер с лица:
«Команда во фрунт, офицеры вперед!»
Сухими шагами командир идет.
И снова равняются в полный рост:
«Якорь наверх! Курс – Ост».

Далее: «Баллада об отпускном солдате» или «Баллада о синем пакете» (в обеих балладах стержень – свершение невозможного, и

во втором случае – даже более того: свершение, ставшее и вовсе бесполезным!)

Затем две книги «Орда» и «Брага». Обе полностью написаны под влиянием Киплинга. Зачин первого же, «программного», стихотворения в «Орде» уже говорит недвусмысленно о происхождении всей книги:

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо не богато,
Но про землю стоит говорить!

Обратим внимание на тихоновскую поэтику, хотя бы только на построение фразы в строфе, или на роль ритмических пауз, создающих в звучании стиха напряжение суровой и жесткой интонации:

Пулемет задыхался, хрипел, бил.
С флангов летел трезвон.
Одиннадцать раз в атаку ходил
Отчаянный батальон.

(«Баллада об отпускном солдате»)

Кажется, если поместить это стихотворение среди «Казарменных баллад», то немало читателей не заметит, что тут затесались вовсе не киплинговские стихи. Причем не только в балладах, но и в лирике Тихонова нередки строки, напоминающие Киплинга:

Люди легли, как к саням собаки,
В плотно захлестнутые гужи.
Если ты любишь землю во мраке
Больше чем звезды – встань и скажи.

(«Еще в небе предутреннем и горбатом...»)

Или из более поздних стихов:

... Мы жизнь покупаем не на фунты,
И не в пилюлях аптечных:

Кто, не борясь и не состязаясь,
Одну лишь робость усвоил,
Тот не игрок, а досадный заяц:
Загнать его дело пустое!

Когда же за нами в лесу густом
Спускают собак в погоню,
Мы тоже кусаться умеем, притом
Кусаться с оттенком иронии...

(«Листопад»)

И это все притом, что английского Тихонов вовсе не знал! Какие переводы из Киплинга до работ А. Оношкович-Яцыны (1921) он мог читать? Только ремесленные поделки О. Чюминой (90-е годы XIX века)?

Далее: Ирина Одоевцева, которая балладную интонацию, да, впрочем, и сам жанр баллады прямо от Киплинга получила. К тому же еще (чем она и отличается резко от Гумилева), есть у нее совершенно киплинговское стремление говорить о повседневности, хотя и придавая ей иногда романтический колорит (как в «Молли Грей», стилизованной под английские фантастические баллады). Но чаще – это все же интонации бытовые, пришедшие прямо из «Казарменных баллад», как, например, в ее «Балладе об извозчике»:

Небесной дорогой голубой
Идет извозчик. И лошадь ведет за собой.
Подходят они к райским дверям:
«Апостол Петр, отворите нам!»
Раздался голос святого Петра:
«А много вы сделали в жизни добра?»
«Мы возили комиссара в комиссариат,
Каждый день туда и назад...»

Невольно вспоминается аналогичная сцена у тех же Райских Врат из «Томлинсона» Киплинга:

Вот и Петр Святой стоит у ворот со связкою ключей.
«А ну-ка на ноги встань, Томлинсон, будь откровенен со мной:
Что доброе сделал ты для людей в юдоли твоей земной?»

Тихонов и Одоевцева – именно с этих двух поэтов вообще началось бытование «киплинговской» баллады в России. Но вот Одоевцева, в отличие от Тихонова, английский язык знала хорошо, и по ее собственным словам «Киплинга читала с раннего детства». Более того (как рассказывала она автору этих строк), именно она, Ирина Одоевцева, и натолкнула свою подругу, Аду Оношкович-Яцыну, на идею переводить стихи Киплинга, с чего все и «пошло есть»...

А вот еще Эдуард Багрицкий (тоже неплохо знавший английский и немало переводивший стихов с него):

Так бейся по жилам, кидайся в края
Бездомная молодость, ярость моя,
Чтоб звездами брызнула кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться вселенной навстречу....

(«Контрабандисты»)

Или:

На плацу открытом
С четырех сторон
Бубном и копытом
Дрогнул эскадрон...
....
Степь заместо простыни
Натянули – раз!
Саблями острыми
Побреют нас...

(«Разговор с комсомольцем Дементьевым»)

Вл. Луговской:

Итак, начинается песня о ветре.
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны,
Идет эта песня, ногам помогая....

(«Песня о ветре»)

М. Голодный, баллада-монолог «Верка Вольная»:

...Куртка желтая бараньей кожи,
Парабеллум за кушаком,
В подворотню бросался прохожий,
Увидав меня за углом...
....

Гоцай , мама, орел или решка,
Умирать, побеждать – все к чертям!
Вся страна, как в стогу головешка,
Жизнь пошла по железным путям...

Павел Антокольский:

Не тьма надо тьмой подымалась,
Не время над временем стлалось,
Из мрака рожденное тельце несли пеленать в паруса...

(«На рожденье младенца»)

или его же «Баллада о парне из дивизии ‘Великая Германия’»:

Парня выбрали по росту среди самых низколобых,
На ночь заперли в казарму. Сны проверили в мозгу...

или такие строки:

Макбет по вереску мчится. Конь взлетает на воздух,
Мокрые пряди волос лезут в больные глаза,
Ведьмы гадают о царствах. Ямб диалогов громоздок.
Шест с головой короля торчит, разодрав небеса...

(«Эдмунд Кин»)

Константин Симонов (тоже, как и Киплинг, военный журналист). И хотя он вовсе не знал ни одного иностранного языка, однако уж он-то буквальный подражатель Киплинга, начиная с самых ранних собственных стихов:

Никак не можем мы смириться с тем,
что люди умирают не в постели,
что гибнут вдруг, не дописав поэм,
Не долечив, не долетев до цели,
Как будто можно, кончив все дела...

(«Всю жизнь любил он рисовать войну»)

Сразу видно и откуда пошли такие баллады, как его же «Рассказ о спрятанном оружии». Тут сюжет взят у Р. Л. Стивенсона из его знаменитого «Верескового меда» (в переводе С. Маршака), а построение стиха и вся интонация киплинговская. Ну, и почти все стихи из книги «С тобой и без тебя», где так называемый «лирический герой» вышел из Киплинга, едва успев кое-как переодеться в форму советского офицера. Или, наконец, баллада «Сын артиллериста» с ее рефреном:

«Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать,

Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла!»
Такая уж поговорка у майора была...

Ну, а если обратиться к стихам совсем уж второстепенных поэтов? Вот, к примеру, Ярослав Смеляков. Достаточно вспомнить хотя бы одно его, вероятно, самое популярное в шестидесятых годах XX века, стихотворение:

Если я заболею, к врачам обращаться не стану.
Обращаюсь к друзьям (не сочтите. что это в бреду):
Постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом,
В изголовье поставьте ночную звезду.
Я ходил напролом. Я не слыл недотрогой...

и т.д.

А вот – другое поколение. Приведу тут полностью стихотворение из первой книжки стихов фронтового врача, двадцатипятилетнего Семена Ботвинника, изданной в 1947 году, и, понятно, разруганной в дым советской критикой:

Чугунные цепи скрипят на мосту.
Последний гудок замирает в порту.
Уходит река в темноту...

Но ты побывай на свету и во мгле.
Шинель поноси, походи по земле.
В огне обгори. И тогда

Услышишь, как цепи скрипят на мосту,
Как долго гудок замирает в порту.
Как плещет о камни вода...

Или такой отрывок из открывающего эту книжку стихотворения:

...И у нас не дрожала в бою рука,
А о смерти думать не надо.
Биография наша как штык коротка
И проста она, как баллада.

Не хочу, чтоб земля была мне легка.
Пусть качает меня, как качала,
Биография наша как штык коротка,
Но ведь это только начало!

Даже крикливый Михаил Светлов, с его «Каховкой» или «Гренадой», романтически воспевающий советскую агрессию, искренне оправдывающий ее якобы благими целями... Да, Светлов тоже отдаленно исходит из Киплинга, ну хоть из стихотворения «Несите бремя белых, что бремя королей». Только вместо «бремени белых» (т.е. заботы о народах колоний, понимаемой Киплингом как долг колонизатора) у Светлова «советские люди» столь же альтруистично заботятся об «освобождении» разных чужих стран от «ужасов капитализма» (а при случае – и феодализма):

Я хату покинул, пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать...

или и того пуще:

Тревога густеет, растет, и внезапно
Советские трубы затрубят: «На Запад!»,
Советские пули дождутся полета!
Товарищ начальник, откройте ворота!

Ну тут уже получается просто злая пародия на самые что ни есть империалистические киплинговские мотивы...

Особое внимание надо, видимо, обратить на поэтов-ифлийцев (ИФЛИ – или МИФЛИ – Московский институт истории, философии и литературы, из которого вышло множество советских поэтов фронтового поколения). Известно, что в 1940 году по приказу тогдашнего народного комиссара (т.е. министра) обороны К. Ворошилова весь второй курс аспирантуры и многие студенты старших курсов этого института были мобилизованы. Прямо с лекций их увезли на грузовиках и зачислили политруками в армию. Сведения эти получены мной лично от поэта Сергея Наровчатова и от историков И. Паниной и Б. Маркуса, тоже бывших ифлийцев. Более половины из этих студентов и аспирантов одного из лучших тогда в СССР гуманитарных учебных заведений погибли на фронтах Второй мировой войны. После войны институт был уничтожен распоряжением ЦК партии, как «гнездо буржуазного космополитизма» (потому что в составе его студентов и профессоров было немалое количество людей еврейского происхождения, которых советская пропаганда конца сороковых годов именовала не «жидами», а «безродными космополитами»).

Начавшие писать стихи в юности, перед самой войной, многие поэты-ифлийцы были под влиянием того же Киплинга, хотя мало кто из них читал Киплинга в подлиннике. Но все читали Гумилева, Тихонова и стихи студийцев Лозинского, среди которых была Ада Оношкович-Яцына и незаслуженно забытая Аделина Адалис, которая заметно подражала опять же Киплингу.

К поклонникам Киплинга относились ифлийцы Сергей Наровчатов и Павел Коган. Откровенное, мальчишески восторженное подражание Киплингу видно за версту в «Бригантине» Когана. Это стихотворение кажется почти слепленным из строчек Киплинга. Кстати, не будет преувеличением сказать, что немалая часть «бардов», появившихся в шестидесятые годы, так или иначе, обязана своим происхождением именно этому стишку.

Ну а если глубже – так и вообще многие «барды» оказываются в некотором смысле «литературными внуками» Киплинга. Прежде всего повлиял он на Александра Галича. Ну, вот хотя бы – первое, что вспоминается – «Поколение обреченных» с его особым подходом к солдатской теме.

Но задул сорок первого ветер –
Вот и стали мы взрослыми вдруг,
И вколачивал шкура-ефрейтор
В нас премудрость науки наук...
....
Что же вы присмирели, задиры?!
Не такой нам мечтался удел:
Как пошли нас судить дезертиры,
Только пух, так сказать, полетел.
«Отвечай, солдат, как есть, на духу...»

Это стихотворение могло бы вполне оказаться среди «Казарменных баллад». Перекликается с Киплингом и баллада «Ночной дозор» (о марше памятников Сталину по спящей Москве), и, конечно же, «Мы похоронены где-то под Нарвой», и «Еще раз о чёрте». Еще ближе к Киплингу поздний «Марш мародеров» (тут даже название намеренно взято Галичем прямо киплинговское!):

Упали в сон победители, и выставили дозоры,
Но спать и дозорным хочется. А прочее – трын-трава!
И тогда в покоренный город вступаем мы, мародеры,
И мы диктуем условия и предъявляем права!
(Слушайте марш мародеров – скрип сапогов по гравию)
Славьте нас, мародеров, и веселую нашу армию...

О балладе «Королева материка» Галич говорил, что без влияния Киплинга он бы ее не написал... Вот начало этой баллады:

Когда затихает к утру пурга.
И тайга сопит как сурок,
И еще до подъема часа полтора.
А это немалый срок,
И спят зека как в последний раз –

Натянул бушлат – и пока,
И вохровцы спят как в последний раз –
Научились спать у зека...

Или вот еще оттуда:

А это сумеет любой дурак:
Палить в безоружных всласть,
Но мы-то знаем, какая власть
Была и взаправду власть,
И пускай нам другие дают срока,
Ты нам вечный покой даешь,
Ты, Повелительница зека,
Ваше Величество Белая Вошь,
Королева Материка!

Галич читал Киплинга в подлиннике, говорил мне неоднократно, что к Киплингу он постоянно возвращается.

Но часть русских поэтов, не читавших по-английски, подпадали под влияние Киплинга (да простится мне невольный и корявый каламбур!) через посредство посредственных переводов!

У не владевшего английским Булата Окуджавы появляются строчки:

Не бродяги, не пропойцы
За столом семи морей...

Свою вторую знаменитую книгу Киплинг назвал «Семь морей».

А про стихотворение «Вы слышите, грохочут сапоги» Окуджава говорил, что оно как-то странно слепилось из киплинговской «Пыли».

Да и другие окуджавские стихи о войне заставляют вспомнить Киплинга:

А что я сказал медсестре Марии,
Когда обнимал ее:
А знаешь, ведь офицерские дочки
На нас, на солдат, не глядят...

Кстати, Томми Аткинс, видимо, точно так при случае и сказал своей девчонке...

Можно вспомнить еще и «Простите пехоте»:

Нас время учило
Живи по привальному, дверь отворя,
Товарищ мужчина,

А все же заманчива должность твоя,
Всегда ты в походе...

А Высоцкий? Ну, тут и цитировать не надо. Половина всех песен его, наверное, тем или иным концом упираются в киплинговские стихи.

А многие из второстепенных «бардов» черпали свою образность уже не прямо у Киплинга, а у Галича, Высоцкого, Окуджавы, для которых Киплинг так много значил...

Так что весьма пестрая поэзия всего советского периода бесспорно должна быть благодарна Редьярду Киплингу.

3.

После смерти Киплинга в том же 1936 году вышла в Англии его автобиографическая книга «Кое-что о себе». Ранние годы своей жизни он описывает подробно, далее – более сжато, а последние десятилетия укладываются у него буквально в несколько страниц. Эта смена темпа и уменьшение подробности кажутся психологически параллельными бегу времени, все ускоряющемуся с возрастом...

Джозеф Редьярд Киплинг родился в Бомбее. Отец его – Джон Локвуд Киплинг, художник, скульптор, преподаватель прикладного искусства, ректор и профессор Бомбейской Школы Искусств. Мать – Алиса Киплинг, в девичестве Макдональд, писала очерки и эссе и печатала их в местных газетах.

У англичан часто бывают двойные имена. Первое имя – Джозеф – вполне традиционно, а вот второе, ставшее для Киплинга-писателя первым, Редьярд – было дано ему по названию озера, на берегах которого впервые встретились его родители.

Киплинг называет подобных ему уроженцев колоний «туземцами». Он чувствует себя своим и в английской, и в индийской жизни. «*Киплинг был «англо-индийцем» во втором поколении* [...] *первые шесть лет своей жизни он провел в Бомбее, где, общаясь с индийскими слугами более чем с родителями, он усвоил хиндустани как свой первый язык ... «айя» (индийская няня) нередко напоминала мальчику, что в гостиной надо говорить по-английски*» (Е.П.Зыкова, цитата из книги Н. А. Вишневской и Е.П Зыковой «Запад есть Запад, Восток есть Восток»). Как и у многих «туземцев», первым языком Редьярда был хинди:

За наших черных кормилиц,
Чей напев колыбельный дик,

И – пока мы английский не знали –
За наш первый родной язык!

(«За уроженцев колоний!)

В возрасте 6 лет, как это было в обычае англо-индийских семей, Редьярд и его сестра были отправлены учиться в частный пансион в Англии. В рассказе «Черная овечка» («Baa Baa, Black Sheep», 1888) и в романе «Свет погас» («The Light That Failed», 1890) Киплинг сатирически описал это жуткое пародийно-викторианское учебное заведение, возможно, позаимствовав многие краски у Чарльза Диккенса...

В 1878 году Киплинга записали в Девонское училище, где офицерских сыновей готовили к поступлению в военные академии. Поначалу Редьярд резко конфликтовал со своими одноклассниками, но в принципе училище ему было по вкусу, как ясно из книжки его рассказов «Сталки и К°» («Stalky and Co», 1899).

На этом формальное образование для Киплинга и закончилось, потому что военное училище не давало диплома, годного для продолжения образования в университете, а стать офицером мальчику мешала близорукость, он и минуты не мог обойтись без сильных очков. Отец Редьярда, воспользовавшись своими обширными связями и будучи уверенным в незаурядном литературном таланте сына, устроил юношу на работу в Лахоре в редакцию «Гражданской и военной газеты» («Civil and Military Gazette»). Так что Киплинг после одиннадцатилетнего отсутствия возвратился в Индию в октябре 1882 года.

Он становится помощником редактора, и уже как репортер узнает во всем разнообразии как жизнь индийского населения, так и жизнь британской администрации. К тому же лето семья Киплинга обычно проводила в гималайском городе Симле, где Редьярд наблюдал жизнь самой что ни на есть индийской «глубинки», которая летом становилась псевдостолицей по капризу колониальной администрации, любившей отдыхать в прохладных горах. Вся эта своеобразная и противоречивая жизнь отражалась как в его репортажах, так и в рассказах и, в конечном счете, тогдашние его наблюдения послужили материалом и для стихов. Вот как Киплинг сам рассказывает о летних каникулах в Симле: «*Симла стала для меня еще одним новым миром. Тут летом жили «чины» и ясно было, как именно работает административная машина. Корреспондент газеты «Пайонийр» играл с сильными мира сего в вист и конечно узнавал от них немало интересного (эта крупная газета была «старшей сестрой» нашей газетки*)».

В 1886 году молодой поэт выпускает свою первую книгу «Штабные песенки и прочие стихи» («Departmental Ditties and other poems»), известную по-русски как «Департаментские песни», в которой пре-

обладают стихи, как правило, сюжетные с резким юмористическим, а в некоторых случаях и с гротескно-сатирическим звучанием («Соперница», «Дурень», «Моральный кодекс»). В основе многих из этих весьма колючих вещей лежали записные книжки журналиста. Разрозненные записи, сделанные в Симле, очень пригодились Киплингу, они во многом определили всю тональность этой, первой его книжки стихов.

А вскоре вышла и первая книга рассказов «Простые повествования с холмов» («Plain Tales from the Hills», 1888) – рассказы о повседневной жизни в британской Индии. Тут впервые Киплинг делает то, что потом делал всю жизнь: почти к каждому рассказу он ставит специально для этого рассказа сочиненный стихотворный эпиграф. Потом такие эпиграфы иногда разрастались до размеров полноценного стихотворения, как это произошло с «Блудным сыном», первоначально недлинным эпиграфом к одной из глав знаменитого романа «Ким». Вскоре рассказы Киплинга стали широко издаваться в Индии. Вышли сборнички «Три солдата» (в первом русском переводе Клягиной-Кондратьевой «Три мушкетера»), «Ви-Вилли-Винки» и еще некоторые – это все были тонкие и дешевые книжки для массового читателя. Нынешний читательский снобизм должен все же признать, что хорошая литература для так называемого массового читателя нужна, как нужен был в русском XIX веке Н. А. Некрасов... А иначе – «свято место» заполняется разными асадовыми или чуевыми... Самому автору эти книги послужили как бы вторичными записными книжками, став основой для будущих баллад. Во многих случаях видно, что не только сюжеты, но и множество деталей поэт Киплинг заимствует у наблюдательного Киплинга-прозаика, а тот в свою очередь берет их у Киплинга-журналиста. В это время (с 1887 года) писатель уже работает в крупной газете «Пайониир» в Аллахабаде.

Однажды он, редактируя литературное приложение, в котором печатались рассказы Брет Гарта, решил, что может и сам поставлять газете подобную литературную продукцию. Поначалу слегка подражая своему любимому американскому писателю, Киплинг начал писать чуть ли не по рассказу в день: «*Мое перо летало по бумаге само, а я радостно смотрел, как оно за меня работает. Даже поздно ночью*». Так иронизировал над собой Киплинг, впавший, как сам он говорил, в «лихорадку сочинительства».

В центре внимания этой ранней прозы Киплинга почти все время находятся взаимоотношения англичан с индийцами. Эта тема органична для двукультурного писателя. «*Именно в Индии, в стране древней и разнообразной культуры, в отличие от всех других колоний, произошло органическое слияние европейской культуры с индийской, давшее необычные гибриды*» – отмечает Н. А. Вишневская в уже упомянутой книге. Видимо, прав был знаменитый индийский журналист и эссеист Шарикан Варма, когда утверж-

дал, что колониальная система в Индии резко отличалась от всех других в мире прежде всего тем, что «англичане боролись с нами непобедимым оружием – английским языком и Шекспиром». В частности, Варма тут имеет в виду широкое распространение в индийских литературах двух последних столетий драматического жанра, ранее индийцам малознакомого, и возникшего именно под шекспировским влиянием.

С 1887 по 1889 год Киплинг написал шесть сборников коротких рассказов для серии «Библиотека Индийской железной дороги». Эти книжки предназначались для вагонного чтения и продавались в частности (в соответствии с пожеланиями автора) прямо в билетных кассах. Они принесли Киплингу широкую известность не только в Индии, но и по всей Британской империи.

(В семидесятых годах XX века в США Иосиф Бродский предлагал специально выпускать дешево изданные поэтические книжки и продавать их прямо в кассах супермаркетов.)

Весь 1889 год Киплинг путешествовал по разным странам, писал путевые заметки и прозу. В октябре он появился в Лондоне и удивленно заметил, что «почти сразу оказался знаменитостью»: «*Читателей поражало удивительное сочетание в его таланте точности репортера, фантазии романтика и мудрости философа – при всем кажущемся бытовизме Киплинг пишет о вечных проблемах, о самой сути человеческого опыта*» (Е. Гениева).

В 1890 году Киплинг стал уже по-настоящему известным писателем. А вскоре после того, и поэзия Киплинга заявила о себе ярко и непривычно. Появилась, сначала в периодике, «Баллада о Востоке и Западе» («The Ballad of East and West»). С нее начиналось и первое, еще неполное, издание книги «Казарменные баллады» («Barrack-Room Ballads», 1892). К Киплингу пришла слава. Он уверенно создавал новый поэтический стиль, намеренно не оставляя камня на камне от «приличной» гладкописи, от скучного тяжеловесного и пристойно-размеренного, давно уже многим осточертевшего викторианства, от чуть ли не обязательного четырехстопного ямба, иногда перемежавшегося у поэтов-викторианцев с трехстопным, да и от солидного «псевдошекспировского белого пятистопника» (Е. Г. Эткинд).

Поэт-бунтарь зачастую берет свои сюжеты из малоизвестных фольклорных произведений. Да и приемы у него часто оттуда. Он утверждает новые принципы английского стихосложения, в частности – значительно усиливает роль паузного стиха и разных видов дольников, в основе которых чаще всего лежит трехсложная стопа, и еще он предпочитает намеренно длинные строки. Напрашивается тут сравнение с Маяковским, разрабатывавшим несколько позднее, но, пожалуй, еще более решительно (и почти в том же направлении!) новую ритмику русского стиха.

При этом Киплинг резко отрицательно относился к возникающему и только входящему тогда в моду верлибру. Киплинг говорил, что «писать свободным стихом – все равно, что ловить рыбу на тупой крючок». Отчасти это был камень в огород одного из его «учителей», Уильяма Хенли. Одновременно Киплинг разрабатывает и прерывистый, с множеством недоговорок, балладный сюжет, основываясь на опыте своего любимого писателя Вальтера Скотта. Он ценил Скотта и как поэта, и особенно как ученого-фольклориста. Бесхитростные интонации английских народных баллад, в свое время возрожденные в английской поэзии «чародеем Севера», как называли Скотта, и почти век спустя обновленные Киплингом, снова зазвучали для английских читателей так, будто пришли они не из глубины столетий, а из вчерашнего дня. И стариннейший жанр сплавляется у Киплинга с обнаженным текстом газетного репортажа.

Поэтика Киплинга в те годы выливалась из поэтики не только В. Скотта, но еще в большей степени из поэтики тоже любимого Киплингом Фрэнсиса Брет-Гарта, его старшего американского современника, находившегося тогда в вершине славы.

Вот отрывок из стихотворения Брет Гарта «Старый лагерный костер»:

Всю ночь, пока наш крепкий сон хранили звезды те,
Мы и не слушали, что там творится в темноте:
Зубами лязгает койот, вздыхает гризли там,
Или медведь как человек шагает по кустам,
Звучит нестройно волчий хор и дальний свист бобра, –
А мы – в магическом кругу у нашего костра.

Естественно, что поэтика Брет Гарта тут во многом базируется на свойствах английской народной баллады и на балладах Вальтера Скотта. Из такого рода стихов впоследствии родился и американский жанр песен «кантри». В балладах есть и острота сюжета, откуда и некая «пунктирность» изложения, и неожиданность фабульных поворотов, и мелодичность, чудесно сплетенная с противоположным ей разговорным строем стиха, требующим почти не ограниченного употребления просторечий. С той же жанровой природой стиха связаны и строфичность, и нередкие рефрены, вытекающие из музыкального принципа баллады. Вот еще отрывок из стихотворения Ф. Брет-Гарта «Гнездо ястреба (Сьерра)»:

...И молча смотрели мы в эту бездну
С узкой дороги, пока
Не прервал молчанья, обычный и трезвый,
Голос проводника:

«Эт' вот тут Вокер Петерса продырявил,
(Вруном его тот обозвал!)
Выпалил, да и коня направил
Прям' аж на перевал!
....

Брат Петерса первым скакал за дичью,
За ним я, и Кларк, и Джо,
Но он не хотел быть нашей добычей,
И во' шо произошло:
Он выстрелил на скаку, не целясь,
Не помню уж, как началось,
Хто говорил – от пыжа загорелось,
А хто – што само зажглось...»

В этой балладе, прямой предшественнице позднейших «кантри», особенно хорошо видно то, что стало вскоре характерной чертой почти любого киплинговского стиха: и обрывочность сюжета, и стремительность, как сюжетная, так и музыкальная, и густое употребление просторечий, диалектных и жаргонных словечек. Короче говоря, у Киплинга было двое предшественников – Вальтер Скотт, писавший в начале 19 века и Фрэнсис Брет-Гарт – ближе к его концу. Уильям Хенли, тоже, возможно, повлиял на своего «ученика». С Хенли Киплинга роднит суровость и мужественность стиха, так противостоящая и «правильному» викторианству, и «эстетскому», как бы изнеженному, прерафаэлитству:

...Ни груз грехов, ни груз седин...
Хоть жизни так узки врата,
Своей судьбе я – господин,
Своей душе я – капитан!

(У. Хенли)

Хотя, конечно, тут уже речь идет о психологических свойствах личности, скорее, врожденных...

Кроме обычных баллад, у Киплинга появляется и совершенно новый, им изобретенный жанр, который можно было бы назвать «Баллада – роман»: это прежде всего «Мэри Глостер».

На пространстве примерно в 250 строк в монологе умирающего сэра Антони дается сюжет, характерный для так называемых «семейных» романов, таких как «Домби и сын» Ч. Диккенса, «Господа Головлевы» М. Салтыкова-Щедрина, «Дело Артамоновых» М. Горького, «Семья Тибо» Р. Мартен дю Гара, или «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси и «Будденброки» Т. Манна. Перед читателями проходит сильный и энергичный основатель рода и «дела» и его потомки, не-

редко слабые, сводящие к нулю многие начинания своего предшественника... Достаточно сравнить старого Джолиона у Голсуорси с некоторыми людьми из младших поколений. А в «Будденброках» Томаса Манна есть особенно яркий символический эпизод: последний нежизнеспособный потомок этой сильной и активной семьи, маленький Жанно, случайно открыв родословную книгу, подводит черту красным карандашом под своим именем...

По сути дела такая же история рассказана и у Киплинга в «Мэри Глостер», в этом монологе-романе в форме баллады. Вот как говорит умирающий баронет, истинный «self-made man»:

Не видывал смерти, Дикки? Учись, как уходим мы!
И ты в свою очередь встанешь на пороге смертельной тьмы.
Кроме судов, и завода, и зданий, и десятин
Я создал себя и мильоны, но проклят, раз ты мой сын!
Хозяин в двадцать два года, женатый в двадцать шесть, –
Десять тысяч людей к услугам, а судов на морях не счесть.

Это он о себе. А вот о сыне:

Харроу и Тринити Колледж! А надо бы в Океан!
Я хотел тебе дать воспитанье, но горек был мой обман.
....

Лгун, и лентяй, и хилый: как будто себе на обед
Собирал ты корки с помоек. Мой сын не помощник мне, нет!

(Пер. А. Оношкович-Яцыны)

В этой балладе видна еще одна особенность киплинговского стиха: его главная заслуга перед английским поэтическим языком – необычайное расширение словаря.

...Они возились с железом! – Я знал – только сталь годна.
Первое растяженье! И стоило это труда,
Когда появились наши девятиузловые суда!..

В стихах Киплинга на равных правах звучат и литературная речь, и песенные интонации, и высокий библейский стиль, и лондонский «кокни», а там, где это надо, – профессиональные жаргоны моряков или мастеровых, и мастерски воспроизводимый солдатский сленг, особенно густой в некоторых из «Казарменных баллад»:

Капитан наш куртку справил, первоклассное сукно!
(Пушкари, послушайте рассказ!)

Нам обмыть обновку надо - будет самое оно,
Мы ж не любим ждать – давай сейчас!

(«Куртка», пер. Э. Ермакова)

или в другой балладе, «Часовой играет в жмурки»:

Грит младший сержант, дневальный,
Часовому, что вышел в ночь:
– Начальни-краула совсем « хоки-мут»,
Надо ему помочь.
Много было вина, ведь ночь холодна,
Да и нам ни к чему скандал,
Как увидишь – шо пшел к караулке он –
Подай хочь какой сигнал.

(пер. Э. Ермакова)

Именно вот за такие, постоянно и умело употребляемые просторечия, Киплинга и обзывали литературным хулиганом. За кокни, за сленг, за сухой, иногда весьма непривычный для читателей поэзии профессиональный жаргон слесарей, машинистов, моряков, солдат, за это демократичное и немыслимое в то время расширение поэтического словаря, когда границы поэзии и разговорного «низкого штиля» размываются, а синтаксис в то же время максимально раскрепощен.

В 1892 году Киплинг выпустил свою вторую книгу стихов: поэтический сборник «Казарменные баллады». Книга называлась «Barrack-Room Ballads and other Ballads», т.е. буквально «Казарменные баллады и другие баллады» (для более естественного по-русски звучания я это название перевел, как «Казарменные баллады и другие стихи» – собственно, в некоторых английских изданиях эта книга так и называлась). Многие из включенных в нее стихов одобрил стареющий и ослепший Уильям Хенли. Кроме «Баллады о Востоке и Западе», открывавшей в первом издании эту книгу, в ней были еще две баллады, тоже хорошо известные читателям по периодике. Это – «Ганга Дин» («Gunga Din») и «Мандалей» («Mandalay»). Именно эти три стихотворения более всего и способствовали мгновенному росту известности поэта.

«Мандалей» – очень емкое стихотворение, целая повесть о жизни солдата, «отравленного навсегда» Зовом Востока, яркой природой и мимолетной любовью, столь же экзотической, как природа. «Мандалей» – стихотворение-воспоминание, стихотворение-жалоба. Человеку, вернувшемуся в туманный Лондон после службы в экзотической Бирме, человеку, оторванному от яркого мира, с которым он так сжился, вся английская жизнь видится пресной и серой:

Моросит английский дождик, пробирает до костей,
Я устал сбивать подошвы по булыжникам аллей!
Шляйся с горничными в Челси от моста и до моста
О любви болтают бойко, да не смыслят ни черта!

Рожа красная толста,
Не понять им ни черта!
Нет уж, девушки с Востока нашим дурам не чета!
А дорога в Мандалей?

Мелодическое звучание стиха, как бы положенного на мелодию популярного в свое время вальса, захватывает читателя, особенно если читать вслух. Его ведет за собой музыка, сливающаяся с яркой живописью, и она тут становится важнее, чем желание следовать за сюжетом.

Первичны в «Мандалее» именно звучание и краски. Поэтому и в переводе этому стихотворению особенно противопоказаны стыки согласных, зиянья и прочие звуковые корявости, а более всего – неестественность, натужность речи. Вот как музыкально и просто у Киплинга звучит начало стихотворения:

By the old Moulmein Pagoda lookin' lazy at the sea,
There's a Byrma girl a settin', and I know she thinks o' me
For the wind is in the palm-trees,
and the temple-bells they say
Come you back, you, British soldier,
come you back to Mandalay

Смотрит пагода в Мульмейне на залив над ленью дня.
Там девчонка в дальней Бирме, верно, помнит про меня.
Колокольцы храма плачут в плеске пальмовых ветвей:
Эй, солдат, солдат британский, возвращайся в Мандалей!

Естественность речи у Киплинга всегда очень сильно проявлена. И музыкальность очень важна. В переводе, как минимум, надо избегать звуковых спотыканий. Когда я переводил это стихотворение, то стремился сохранить доминантность звуков «н» и «л», исходящих из слова «Мандалей», чтоб создать необходимую киплинговскую эвфонику, мне было нужно, чтоб слова звучали будто на фоне серебряных колокольчиков пагоды, которые качает ветер...

Вот эта же строфа из перевода начала 30-х годов XX века:

На Восток лениво смотрит <u>обветшалый</u> старый храм,
Знаю, девушка-бирманка обо мне скучает там.
Ветер в пальмах <u>кличет</u> <u>тихо, колокольный звон смелей</u>:
К нам вернись, солдат британский, возвращайся в Мандалей!

Или такие строки из перевода середины 30 годов :

Где, у пагоды Мульмейнской, блещет море <u>в полусне</u>, -
Знаю - девушка из Бирмы вспоминает обо мне.
В звоне <u>бронзы колокольной</u> слышу, словно <u>невзначай</u>:
«Воротись, солдат британский!
Воротись ты в Мандалай!»

А вот цитата из перевода 90-х годов XX-го века:

Возле пагоды старинной, в Бирме, дальней стороне,
Смотрит на море девчонка и скучает обо мне.
Голос <u>бронзы колокольной</u> кличет в пальмах <u>то и знай</u>:
«Ждем британского солдата, ждем солдата в Мандалай!»

Кто ждет, неясно...Всюду я подчеркнул слова, или обороты, которые мне кажутся лишними, не соответствующими духу подлинника.

В этих трех переводах, по-моему, совсем не видны мелкие серебряные колокольчики, звенящие под ветром на каждом этаже пагоды. Тут громко бухают вполне европейские церковные, бронзовые колокола.

И еще мне не нравятся в этих переводах банальные эпитеты, разжижающие стихотворение. Кроме того, стих интонационно сильно утяжеляется определениями, поставленными после определяемого слова. Впечатление, что здесь такой порядок слов не несет смысла, а случаен, чтоб в строчку легче влезло.

В Лондоне в том же 1892 году Киплинг познакомился с молодым американцем, издателем Уолкоттом Байлестером. Вместе они начали писать повесть «Наулахка» («The Naulahka»). Киплингу в результате показалось, что повесть не получилась. В том же году Байлестер умер от тифа. Одному заканчивать и переделывать повесть, начатую вдвоем, Киплингу уже не хотелось. Но и этот труд не пропал зря: от несостоявшейся повести осталось все же несколько написанных Киплингом вставных стихотворений...

А в конце того же 1892-го года Киплинг женился на сестре Байлестера Каролине, и они поселились на севере США в штате Вермонт. Там у них родились две дочери. В глухом и сосновом Вермонте, в северных лесах, не находя себе места, тоскуя по Индии не менее остро, чем солдат из стихотворения «Мандалей», Киплинг пишет одну из самых лучших своих книг – сборник рассказов со вставными стихами «Книга джунглей» («The Jungle Book», 1894). Затем – «Вторую книгу джунглей» («The Second Jungle Book», 1895). И еще выпускает свой третий стихотворный сборник «Семь морей» («The Seven Seas», 1896), в котором после основного корпуса стихов

была впервые опубликована вторая половина цикла «Казарменные баллады».

Вскоре после выхода этой книги Киплинг с женой переехал в Англию. По совету врачей зиму они проводят в Южной Африке.

Там с Киплингом познакомился знаменитый завоеватель, выдающийся администратор и в каком-то смысле теоретик британского колониализма – премьер-министр Капской колонии Сесиль Родс. По его имени названа завоеванная им, колонизированная и даже слегка цивилизованная его стараниями страна Родезия. Первые школы для местного населения там открылись почти сразу после начала колонизации. Этот человек многими чертами своей личности напоминает киплинговских героев.

Родс подарил Киплингу дом на территории своего колоссального поместья. Семья Киплинга стала почти ежегодно проводить в этом доме три-четыре зимних месяца. «В этот дом – вспоминает Киплинг, – с 1900 по 1907 мы приезжали всей семьей каждую осень. Особенно радовались там наши дети: они играли со зверями, которых было много в огромном имении Родса. А в загончике, чуть выше нашего дома, проживала лама, которая страшно любила плеваться. Ну, понятно, дети мгновенно переняли эту ее привычку».

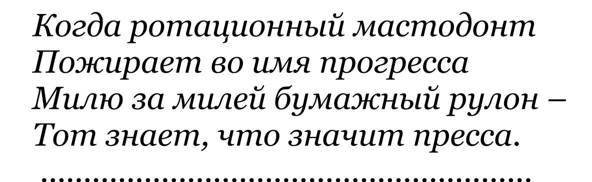
Когда в 1902-м году С. Родс умер, Киплинг написал на его смерть стихотворение «Заупокойная», в котором есть такие строки:

Он вдаль смотрел поверх голов,
Сквозь время, сквозь года.
Там в муках из его же слов
Рождались города.

(Пер. Е. Витковского)

Во время англо-бурской войны 1899-1902 годов Киплинг, к тому времени уже хорошо знавший местную обстановку, стал постоянным военным корреспондентом сразу нескольких лондонских газет. «Вы должны помочь нам издавать газету для армии здесь, на месте!» – сказал Киплингу известный журналист «Таймса» П. Ландон. И Киплинг, естественно, согласился. «Пожизненный журналист» по собственному определению, Р. Киплинг в одном из самых своих мощных стихотворений, так и названном «Пресса», рисует труд журналистов не романтическими красками, а скорее жесткими чернобелыми штрихами:

Тот, кто стоял полночной порой
Под штормовым ревом,
Кто меньше своей дорожил душой,
Чем свежим печатным словом,

Когда ротационный мастодонт
Пожирает во имя прогресса
Милю за милей бумажный рулон –
Тот знает, что значит пресса.
…………………………………………

Дать павлину хвастливому хвост подлинней?
И слону не прибавить ли весу?
Сиди! Владыки людей и вещей
Только Мы, кто делает прессу!

Именно во время «странной войны» с бурами, в которой бесконечные походы и отсутствие сражений изумляли и вместе с тем невероятно изматывали солдат, которых буры постоянно подстреливали, Киплинг написал несколько впоследствии знаменитых стихотворений. Это прежде всего – одна из вершин поэзии Киплинга – «Пыль» («Boots»):

День–ночь–день–ночь – мы идем по Африке,
День–ночь–день–ночь – все по той же Африке.
(Пыль–пыль–пыль–пыль – от шагающих сапог!)
И отпуска нет на войне.
…………………………………………………………

Я–шел–сквозь–ад – шесть недель, и я клянусь,
Там–нет–ни–тьмы – ни жаровен ни чертей,
(Но–пыль–пыль–пыль–пыль – от шагающих сапог!)

(Пер. А. Оношкович-Яцыны)

В 1901 году выходит лучший роман Киплинга «Ким» («Kim»), в котором описываются приключения английского шпиона, «туземно-рожденного мальчика», и странствующего по Индии буддийского монаха.

А в 1902 году после окончания англо-бурской войны Киплинг купил в Англии в графстве Сассекс поместье, где и жил до самой смерти в 1936-м году, наезжая, однако, и в дом, подаренный С. Родсом.

Киплинг увлекался техническими новинками и очень быстро провел в свой сассекский дом электричество. Он по совету строителя Асуанской плотины в Египте, знаменитого английского инженера У. Уилкокса, построил собственную миниатюрную электростанцию, отсоединив водяное колесо от старой мельницы. Уилкокс рассчитал, что эта домашняя электростанция сможет давать 4,5 ло-

шадиных силы. Для освещения поместья этого оказалось вполне достаточно.

В том же году Киплинг купил один из первых автомобилей, появившихся в Англии. Вот как он описывает одну из поездок в окрестностях своего нового поместья:

«*Мы, да и еще несколько других спятивших «прогрессистов» приняли на себя всю тяжесть общественного презрения. Аристократы привставали в своих шикарных ландо и посылали нам вслед все проклятия, какие только можно было выдумать. Цыгане, пивовары в фурах, пассажиры двуколок угрожали нам всеми карами, какие способны были придумать, ну, короче, нашими врагами стали все на свете, кроме бедных лошадок, которые вели бы себя вполне спокойно, если бы на них не орал кто ни попадя*».

Первой написанной Киплингом в Англии книгой стали «Сказки» («Just So Stories») с великолепными вставными стихами, которые многие из нас помнят с детства в переводах С. Маршака: «Горб верблюжий», «Кошка чудесно поет у огня» и другие. Вскоре после сказок Киплинг выпустил книгу квазиисторических рассказов «Пак с холма Простакова» («Puck of Pook's Hill»). А в 1906 году вышел сборник рассказов и стихов для детей, опять же на темы ранней и средневековой английской истории. В этой книге множество вставных стихов, иллюстрирующих разные исторические повествования, при этом нередко тематически «опрокинутых» в тогдашнюю современность.

В те годы Киплинг вел активную политическую деятельность, много писал о грозящей войне с Германией, выступал в печати против суффражизма и поддерживал консервативную партию.

В 1907 г. Киплингу была присуждена Нобелевская премия по литературе «за наблюдательность, яркую фантазию, зрелость идей и выдающийся талант повествователя». «Это была для меня огромная и неожиданная почесть» – писал позднее Киплинг.

А Киплинга-поэта, как и многих других лучших поэтов, шведская академия так и не заметила...

К середине жизни стиль прозы Киплинга заметно изменился. Лаконичность и стремительная отрывистость повествования сменились более медленной и изысканной манерой письма, он становится все более тщательным стилистом, все дальше уходя от журналистских приемов. Об этом можно судить по рассказам в книгах «Пути и открытия» («Traffics and Discoveries», 1904), «Действия и противодействия» («Actions and Reactions», 1909), «Разнообразие живых существ» («A Diversity of Creatures», 1917), «Ограничение и обновление» («Limits and Renewals», 1932). В каждой из этих книг есть по несколько вставных стихотворений. Часть из них относится к лучшим поэтическим произведениям Киплинга, и поэтому некоторые из этих стихов я поместил в эту книгу.

В 1907 году, кроме Нобелевской премии, Киплинг был удостоен почетных степеней Кембриджского, Оксфордского, Даремского и Эдинбургского университетов; а вскоре он получил награды еще и от Сорбонны, и от университетов Страсбурга, Афин и Торонто.

Во время первой мировой войны, после того, как его единственный сын пропал без вести, Киплинг вместе с женой стали активно работать в Красном Кресте.

Как член Комиссии по военным захоронениям, Киплинг много путешествовал и во время одной из поездок он познакомился в 1922 году во Франции с английским королем Георгом V, с которым писателя связала до конца жизни глубокая дружба.

«Никто не забыт, и ничто не забыто – я могу сказать это не только от имени Комиссии, но и лично от себя» – сказал поэт королю, прочитав ему стихотворение «Королевское паломничество», посвященное поездке короля по военным кладбищам на французской земле в 1922 году. Так что изречение, которое в Советском Союзе повторялось на каждом углу и применялось ко Второй мировой войне, на самом деле относилось к Первой, и автором его был Киплинг, а не средней руки советская поэтесса Ольга Берггольц.

Георг V проводил значительную часть года в Париже, отчасти поэтому и Киплинг стал нередко в Париже бывать. В 1923 году Киплинг выпустил в Париже книгу «Ирландские гвардейцы в Великой войне» («The Irish Guards in the Great War»), посвященную полку, где служил его сын.

Умер Киплинг в 1936 г. в Лондоне, а через два дня после него умер и Георг V. Киплинг был похоронен в Уголке Поэтов в Вестминстерском аббатстве. Однако никто из известных писателей не пришел на его похороны. Левые его не любили за консерватизм и за насмешливое отношение к лагерю «социалистов-фабианцев», а правые не прощали ему ни его независимую позицию, ни насмешливое отношение к мирку викторианских литераторов, ни его демократизм. И вот – имена большей части этих известных литераторов забыты, а Киплинга, вечного парию среди благопристойных английских писателей, в Англии, да и не только в Англии, хорошо знают и очень любят.

«Когда хоронят Гулливера, лилипутам негоже идти за его гробом – вспоминает слова И. Хейзинги (сказанные по иному поводу) автор предисловия к русскому однотомнику прозы и стихов Киплинга, изданному в конце двадцатого века, Е. Витковский, и от себя добавляет: «Англия хоронила своего величайшего поэта – быть может, самого большого с тех пор, как в 1674 году навсегда закрыл свои слепые глаза Джон Мильтон»

Я никак не считаю это высказывание преувеличением.

4.

Редьярд Киплинг – первый англичанин, ставший обладателем Нобелевской премии по литературе – и поныне самый молодой в истории из ее лауреатов. В 1907 году ему было 42 года. Но только в наше время в Англии начала происходить медленная переоценка его богатого литературного наследия...

Жизненная философия и философия творчества Киплинга поразительно сходны с идеями его современника, замечательного голландского культуролога Йохана Хейзинги (1872-1945), высказанными в самой знаменитой его книге «Хомо люденс» («Человек играющий»):

«*Вся поэзия вырастает в игре: в священной игре поклонения богам, в праздничной игре ухаживания, в воинственной игре поединка, уснащенного похвальбой, бранью и насмешкой, в игре остроумия и находчивости. В какой же степени сохраняется это игровое качество поэзии в процессе усложнения и развития культуры?*»

Сильнее всего, видимо, игровая сторона поэзии проявляется в произведениях сюжетных – поэме, басне, балладе. Сказка Киплинга «Краб, который играл с морем» великолепно иллюстрирует это положение голландского культуролога.

Киплинг и сам жанр баллады неразделимы.

Русский читатель впервые столкнулся с балладами в переводах В. А. Жуковского из Вальтера Скотта и Ф. Шиллера. У Пушкина к балладам можно отнести «Песнь о вещем Олеге» и «Жениха». Но по-настоящему стал использовать этот жанр А. К. Толстой. Он и поныне остается лучшим из мастеров баллады в непереводной русской поэзии.

То, что баллады Киплинга очень легко и естественно воспринимаются русским читателем, обусловлено во многом именно В. А. Жуковским и А. К. Толстым, основателями столь обычной теперь для нас русской балладной традиции.

Целая толпа поэтов XX-го века, тяготевших к жанру баллады вообще и к Киплингу в частности, как я уже говорил, появилась в литературе именно после опубликования в 1922 году переводов Ады Оношкович-Яцыны. В значительной степени эти переводы из Киплинга и повлияли на русских послереволюционных поэтов, многие из которых иностранных языков не знали. Эти переводы открыли новую поэтику, так непохожую ни на вялую символистскую, ни на претенциозную футуристическую. Открыли, как интонационный ключ для романтики вообще, совсем не мрачность байроновскую или лермонтовскую, а сюжеты и интонации, полные силы и жизнелюбия, – «праздничные, веселые, бесноватые», если повторить строчку Н. Тихонова.

Сейчас многие переводы А. Оношкович-Яцыны, если не считать «Пыли» и еще нескольких лучших ее работ, кажутся несколько топорными. Ну хотя бы потому, что Киплинга мы воспринимаем не так однолинейно и приблизительно, как первая его переводчица. И все же она была первой, и в новую для нее поэтику шла почти вслепую... Хотя ее редакторами и были два таких крупных литератора, как Лозинский и, видимо, до него, по утверждению И. Одоевцевой, Н. Гумилев. Однако естественно, что по прошествии целого столетия – а «большое видится на расстоянье» – мы читаем Киплинга во многом иначе, чем это было возможно в самом начале XX века...

Тут стоит вспомнить не только о настоящей русской поэзии XX-го века, но и о «низких видах», или жанрах стихов, порожденных прежде всего советской властью – о тех «кентаврах средней советской поэзии», в которых перепевы маяковского «главарства-горланства» облекались в пушкинские ямбы. Эти кентавры на поверку довольно быстро оказались чучелами...

Я имею в виду, прежде всего, так называемые советские массовые – в основном маршевые – песни, непременно хвастливые в силу самой специфики жанра. Ведь даже они, при всей их плоскостности и примитиве, тоже не обошлись без подражания подражателям Киплинга, ну хотя бы без того вида декларативности, которой они научились, конечно, не у самого Киплинга, а у тех советских стихотворцев, кто был слегка покультурнее и знал языки... Вот один из таких «дубовых» примеров: «Нам нет преград / Ни в море ни на суше. / Нам не страшны ни льды, ни облака...». Естественно, что Киплинг в аналогичных «казенных» случаях куда ярче и конкретнее – см. хотя бы цикл его «официальных» стихов» «Песнь англичан», или государственническое стихотворение «Английский флаг». Вот его концовка:

Вот он в тумане тонет, роса смерзается в лед.
Свидетели – только звезды, бредущие в небосвод,
Что такое Английский флаг? Решайся. Не подведи!
Не страшна океанская ширь, если Юнион Джек впереди!

(Пер. Е. Витковского)

Это ведь настоящие стихи, несмотря на их декларативность и политическую ангажированность.

Хотя и неправомерно сравнивать великого поэта с советскими песенниками, но вот балладная советская песня, идущая в конечном счете из подражаний подражателям Киплинга. Кстати, эта песня как раз из лучших. Сравним хотя бы ткань двух баллад.

...Он шел на Одессу. Он вышел к Херсону
В засаду попался отряд:

Налево застава, махновцы направо,
и десять осталось гранат...
«Ребята, – сказал, обращаясь к отряду
Матрос-партизан Железняк, –
Херсон перед нами, пробьемся штыками
И десять гранат не пустяк»...

(М. Голодный)

А вот строки из киплинговской «Баллады о Востоке и Западе», в которой, кстати, тоже есть прямая речь.

Камал его за руку поднял с земли, поставил и так сказал:
«Два волка встретились – и ни при чем ни собака тут, ни шакал!
Чтоб я землю ел, если мне взбредет хоть словом тебя задеть:
Но что за дьявол тебя научил смерти в глаза глядеть?»

Короче, как только советский поэт, неважно, будь то безусловно талантливый молодой Н. Тихонов, или попросту очень бойкий «текстовик» при каком-либо композиторе, пишет «как бы балладу» (а баллада по условию жанра почти всегда о подвиге), он не может, даже если очень хотел бы, отделаться от киплинговских интонаций. Нередко эти интонации восприняты не прямо из первоисточника, а взяты у более талантливых и более грамотных русских подражателей Киплинга. Конечно, искренность, напряженность каждой строки и музыкальность английского поэта оказывается доступной мало кому из этих подражателей, подражающих подражателям...

И вот Редьярд Киплинг, как бы ретроспективно уже неотделимый от русской поэзии, и более того – в силу хронологии неотделимый от поэзии именно советского периода, почти в самом начале этого периода был в СССР строжайше запрещен идеологическими шаманами, как впрочем и еще очень многие западные писатели. В 1947 – 1953 годах под запретом уже оказалась почти полностью вся современная западная литература, кроме небольшой части писателей-коммунистов. Доходило до того, что такой активно-коммунистический автор, как Бертольд Брехт, более чем на пять лет попал в список авторов, «нежелательных» для советских театров!

Очень малая часть литературного наследия Киплинга публиковалась в СССР после 1936 года. Собственно, благодаря сказкам и «Маугли» Киплинг оказался практически переведен в детские писатели. Конечно, запрет на Киплинга в послевоенные годы был только частицей запрета вообще на все «западное». Он был результатом того идеологического похода, который в СССР после войны официально именовался «борьбой против буржуазного космополи-

тизма», а по сути был выражением жесткой антиинтеллигентской линии вообще и вершиной государственного антисемитизма в частности. Запрет этот выражался не только в нападках всей спущенной с цепи ортодоксальной советской критики на «зарубежную» литературу. Он проявлялся даже и в таких бытовых мелочах, как перемена по приказам, поступавшим с самых верхов, названия папирос «Норд» на «Север», или «французской булки» на «городскую», или в превращении футбольного форварда в «нападающего».

Итак, естественное течение эстетического процесса было нарушено политическим вмешательством. Возникает вопрос, почему это вмешательство было встречено народными массами с известным ликованием? Ведь в подобном случае, кроме простого страха, видимо, работает и еще нечто более глубинное, более значительное?

По мнению Й. Хейзинги, сама возможность чудовищного разгула цензуры «*становится реальностью не столько в силу своеволия той или иной власти, сколько в результате того, как властям этим удалось в действительности, а не для видимости, овладеть сознанием культурного слоя своей страны*». Вот как Хейзинга объясняет многие чудовищные изменения в народном сознании: «*Доктрина абсолютной власти Государства заранее оправдывает любого державного узурпатора, оправдывает, прежде всего, активным вступлением полуграмотной массы в духовные области, девальвацией моральных ценностей и слишком большой «проводимостью», которую техника и организация придают всему обществу*». Это очень точная характеристика некоторых процессов в русской культуре (процессов, к сожалению, ставших снова весьма актуальными и сегодня!)

Сходные с Хейзингой мотивы звучат в стихотворении «If» – одном из самых декларативных и самых программных у Киплинга (см. А. Зверев. «Редьярд Киплинг. Вглубь одного стихотворения», ИЛ, No. 1, 1992). В разных переводах оно носит разное название – иногда это «Заповедь», иногда «Когда», иногда «Если». В русском переводе этого стихотворения четко прослеживаются две концепции. В одних переводах подчеркнута разговорная, даже почти бытовая интонация:

О, если ты спокоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,
И если ждать умеешь без волненья,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь...

(Пер. С. Маршака)

Или так:

Когда ты тверд, а весь народ растерян
И валит на тебя за это грех,
Когда никто кругом в тебя не верит,
Верь сам в себя, не презирая всех.
Умей не уставать от ожиданья,
И не участвуй во всеобщей лжи,
Не обращай на ненависть вниманья,
Но славой добряка не дорожи!

(Пер. В. Бетаки)

Другая же концепция, которую представляет прежде всего перевод М. Лозинского под названием «Заповедь» – это торжественное, высоким библейским стилем написанное назидание. Вот его начало:

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя наперекор вселенной,
А маловерным отпусти их грех...
Пусть час не пробил, жди не уставая.
Пусть лгут лжецы – не снисходи до них,
Умей прощать, но не кажись, прощая,
Великодушней и мудрей других..

Вот об этих «маловерных» и пишет И. Хейзинга. Из них, в массе, по его мысли и состоит, к сожалению, большая часть любого общества: «*Во всех проявлениях духа, добровольно жертвующего зрелостью, мы в состоянии видеть только приметы угрожающего разложения. Для того чтобы вернуть себе освященность, достоинство и стиль, культура должна идти другими путями*» («Человек играющий»).

А литературовед А. Зверев в уже упомянутом исследовании стихотворения «If» замечает: «*То, что позднее назовут пограничной ситуацией, знакомой людям, которые в минуты жестоких социальных встрясок были обречены существовать на шатком рубеже между жизнью и смертью, для Киплинга было не отвлеченностью, а привычным бытием. Вот откуда необманывающее впечатление и новизны, и этической значительности лучшего, что им создано*». Ты можешь стоять выше событий, если ты –

Молчишь, когда твои слова корежа,
Плут мастерит капкан для дураков...

Стихотворение было написано когда-то как назидание сыну, и оно в какой-то мере отражает этическую программу масонов, тесно переплетенную с заимствованной, в основном, из кальвинизма суровой англиканской моралью.

Культура, если следовать взглядам Хейзинги на нее, предполагает сдержанность, возможность и способность не усматривать в своих намерениях что либо «главное», «достигшее предела», то есть близкое к абсолютности, или – что еще страшнее – к идеалу, а увидеть себя внутри добровольно принятых жестких ограничений. Вот как говорит об этом Киплинг в стихотворении «Дворец» – монологе Короля-Строителя, переделывающего работу безвестного предшественника:

Не браня и не славя работу его, но вникая в облик дворца,
Я читал на обломках снесенных стен сокровенные мысли творца:
Где поставить контрфорс, возвести ризалит, я был в гуще его идей,
Прихотливый рисунок его мечты я читал на лицах камней.

И опять Хейзинга: «Истинная культура требует честной Игры по принятым правилам. Нарушитель этих правил разрушает и самое культуру. Для того чтобы игровое содержание культуры могло быть созидающим, или двигающим ее саму, оно должно быть прежде всего чистым. И никак не должно состоять в ослеплении или отступничестве от норм, предписанных разумом, человечностью или верой».

В самые агрессивные моменты бытия советской идеологии Киплинг удостоился в СССР даже клички «антисоветский». Ну, это уже был крайний «пример так называемого вранья» (М. Булгаков), да еще и глупости! Про СССР поэт не то чтобы не слышал, но он его не интересовал. Ни в стихах, ни в прозе Киплинга Советский Союз не возникал. Разве что в одном стихотворении, о котором едва ли грамотеи из партийных верхов знали. Вряд ли кто-то из них читал когда либо, даже случайно, стихотворение «Россия – пацифистам». Впервые по-русски оно было опубликовано в 1986 году. По случайному совпадению, именно тогда появились впервые и одновременно два русских перевода: М. Гаспарова в Москве (естественно, в советских условиях не попавший в печать, но вызвавший политический скандал) и мой в Париже (тогда же тут и напечатанный). А ведь это, пожалуй, единственное стихотворение Киплинга, которое можно назвать было бы «антисоветским». Но, повторяю, с невероятной натяжкой, поскольку написано оно в 1918 году, когда никто не мог знать, что получится из февральской революции, из октябрьского переворота, или же из разогнанного большевиками

чуть позднее Учредительного Собрания... Короче, страна по сути «советской» не была еще года два-три после этого!..

Поэт обращается к британским «джентльменам-пацифистам» как бы от имени революционной России:

Бог с вами, мирные джентльмены! Нам только дорогу открой –
Пойдем копать народам могилы с Англию величиной!
История, слава, гордость и честь, волны семи морей –
Все, что сверкало триста лет, сгинет за триста дней!

Триста лет – это срок царствования в России династии Романовых (1613-1917). Триста дней – похоже на «просвет» между Февральской революцией 1917 г. и «якобинским переворотом в Петрограде» 25 октября того же года... Так есть ли гарантия, что с Британской империей не произойдет что-либо похожее на то, что случилось с Российской?

Итак, первое относительно объемное издание стихов Киплинга в СССР – это выпущенный ГИХЛ-ом в 1936 году сборник. Видимо, случайно он появился как раз в год его смерти. В этом небольшом сборнике есть статья Р. Миллер-Будницкой, занявшая чуть ли не полкниги, но представляющая собой всего лишь раздутую во много раз статейку Т. Левита из тогдашней «Литературной энциклопедии» (частично подготовленной под редакцией Л. Троцкого), статейку, пронизанную одним пафосом: «Надо знать своего врага».

Поначалу удивительным кажется, что собаки, которых вешали на Киплинга и благовоспитанные члены викторианского общества, и не столь благовоспитанные члены Союза Советских Писателей, оказывались чаще всего одной и той же породы!

Но если задуматься, то не так уж это странно.

Викторианство в Англии и стиль жизни и мышления в СССР сталинского периода с его пресловутым «соцреализмом» чрезвычайно схожи.

Викторианский «здравый смысл» всегда был на стороне консервативной неизменности и привычной застылости хорошо известных ценностей. Точно так же советская власть очень быстро пришла к охране тех самых усредненно-мещанских ценностей, которые ниспровергала революция. Советское правительство быстро стало крайне антиреволюционным. Бунтари привели к власти охранителей, после чего погибли в мясорубке мещанского по сути, по вкусам, по представлениям режима.

Кстати, рассматривая всю человеческую историю, как постоянную смену форм жизни, причем «революционным» путем, официальные советские историки молчали о том, что же будет после достижения «великой цели». «По умолчанию» предполагалось всякое прекращение любых изменений. То есть вечный и счастливый застой.

«Общественное мнение» викторианской Англии объявило бунтарское творчество молодого Киплинга «литературным хулиганством». Особенно возмущала многих та непочтительность, с которой поэт описывал сильных мира сего. Например, он осмелился сделать персонажем сатирических стихов саму королеву Викторию! Непочтителен Киплинг был и в отношении Господа Бога. Он с ним не только предельно фамильярен, но и фигурирует Бог у Киплинга почти всегда в иронических, а то и сатирических стихах и балладах в образе, мягко говоря, приниженном...

Советская мораль была очень близка к викторианской, так что советское недоверие и антипатия к Киплингу вполне естественны.

В связи с этим можно вспомнить мерзкие цензурно-идеологические кампании против В. Маяковского, вспыхивавшие как еще в царской России так и потом, куда шумнее, в ранней советской. Только, в отличие от Маяковского, Киплингу викторианское общество повредить ничем не могло...

Маяковский столь же верно служил своей общественной системе, как Киплинг своей. Только оба они по некоему довольно наивному идеализму далеко не все в соответствующих действительностях принимали. Но ведь оба хотели – каждый свою – систему улучшить до уровня идеальной! А такое «ремонтничество» искренних и честных сторонников любой системы ею всегда воспринимается в штыки, да и куда агрессивнее, чем открытая вражда политических противников!

Киплинга с Маяковским роднит не только бунтарство и желание эпатировать, прежде всего их роднит отношение к языку. Оба они широко открыли ворота разговорному языку улицы и многим другим языковым пластам, которым до них в литературу был «вход воспрещен»...

Пока выкипячивают, рифмами пиликая,
Из роз и соловьев какое-то варево,
Улица корчится безъязыкая –
Ей нечем кричать и разговаривать!»

(«Облако в штанах»)

Кстати, такие свободные отношения с родным языком нередко дразнят гусей куда сильней, чем разрушительные идеи.

5.

Киплинг, несомненно, был империалистом. Только это слово в применении к Киплингу никогда не включало в себя презрения к местному населению.

В его произведениях, и прозаических, и поэтических отчетливо возникают две связанные с колониями темы: первооткрывательство и современные ему колониальные войны. Он ощущает себя гражданином империи, и в его жизненных установках несомненно присутствует желание сохранить империю, доставшуюся британцам от отцов и дедов.

Но сначала о первооткрывателях. О них Киплинг написал немало стихов. Он рассказывал о подвигах искателей приключений, бродяг, скитальцев, неутолимо жаждущих свободы и новизны:

Отцы нас благословляли,
Баловали как могли, –
Мы ж на клубы и мессы плевали:
Нам хотелось – за край земли!
(Да, ребята),
Хоть пропасть – но найти край земли!
………………………………………………………………

Край земли – вот наши владенья,
Океан? – Отступит и он!
В мире не было той заварухи,
Где не дрался бы наш легион!

Кто эти люди? Первооткрыватели? Или авантюристы? Они неутомимы и неутолимы. Их много. Они – «легион, неизвестный в штабах», и большей частью открытия они свершают на собственный страх и риск, не ожидая благословения свыше:

Так вот – за Джентльменов Удачи
(Тост наш шепотом произнесен),
За яростных, за непокорных,
Безымянных бродяг легион!
Выпьем, прежде чем разбредемся ,
Корабль паровоза не ждет –
Легион, не известный в штабах –
Опять куда-то идет.

Это ведь не только те, кто

...ныряли в заливы за жемчугом,
Голодали на нищем пайке
Но с найденного самородка
Платили за всех в кабаке.
(Пей, ребята!)

Это и те, кто «дарил» Империи новооткрытые земли, создавая ее по частям. И страсть к приключениям незаметно переходит у Киплинга в призыв к потомкам продолжать отцовское дело, неутомимо создавая по кускам «Империю, над которой никогда не заходит солнце».

Кроме «Потерянного легиона» к такого рода империалистическим стихам относятся и «Песня мертвых», и «За уроженцев колоний», и один из главных киплинговских шедевров – «Песня Банджо». Во всех этих стихах звучат (на заднем плане, но вполне внятно) эпические библейские интонации. К стихам этого рода можно отнести и «Женщину Моря», где тема первооткрывательства слита с мифотворческой тенденцией, весьма заметной в поэзии (а особенно в прозе) Киплинга.

В защите и сбережении Империи Киплинг видит не только верность заветам отцов, но и долг человека и гражданина. В киплинговском мироощущении забота о дальних странах, входящих в Империю, – почетная необходимость. Жителей этих стран нельзя презирать, наоборот, необходимо, как делал это «отъявленный колонизатор Сесиль Родс», вкладывать свой труд и силы в прогресс этих народов. Об этом стихотворение «Бремя белого человека». Альтернативой такому подходу к колониям является «экономическая доктрина» фонвизинской г-жи Простаковой: «научи, братец, как оброк-то взымать, а то мы как семь шкур содрали, так больше ничего-то и взять не можем».

В результате этого подхода лондонские снобы оказываются (парадоксально, но факт!) куда более враждебны Киплингу, чем настоящий военный противник, ну хотя бы дикий суданец Фуззи-Вуззи, которого Киплинг как достойного врага уважает с долей неприкрытого восхищения:

За твое здоровье, Фуззи, за Судан, страну твою,
Первоклассным, нехристь голый, был ты воином в бою!
За здоровье Фуззи-Вуззи, чья башка копна копной:
Чертов черный голодранец, ты прорвал британский строй!

(Пер. С. Тхоржевского)

Со всей обычной для себя яростью поэт выступает против снобизма «верхов», напоминая о долге каждого британца перед Империей. Еще в самых ранних произведениях он сатирически опи-

сывает столичных чистоплюев и хвастунов, таких как «Пэджет – член парламента», ничего не смыслящих в жизни колоний, но сующихся всюду со своим мнением:

Член Парламента Пэджет был говорлив и брехлив,
Твердил. что жара индийская –
«азиатский солнечный миф»...
...

В июне – дезинтерия, вещь простая для наших мест
Согнулся осанистый Пэджет,
стал говорить про отъезд...

(Пер. Е. Витковского)

Киплинг с открытым пафосом, смягченным разве что усмешкой, требует уважения к тем, кто строит и охраняет Империю:

Конечно, презирать мундир, который хранит ваш сон,
Стоит не больше, чем сам мундир
(ни хрена ведь не стоит он!)
Смеяться над манерами подвыпивших солдат –
Не то, что в полной выкладке тащиться на парад!

(«Томми», пер. В. Бетаки)

«Казарменные баллады» по сути обращены ко всем строителям империи, к инженерам, офицерам, солдатам, ко всем, кто делает свое дело на своем месте. По традиции различные сборники стихов Киплинга в самых разных английских изданиях открываются прямым обращением – стихотворением «Прелюдия»:

Я делил с вами хлеб и соль...
Вашу воду и водку пил,
Я с каждым из вас умирал в его час
Я вашей жизнью жил...

Одно из основных свойств личности Киплинга – его не показной, а естественный демократизм, его уважение к человеку, независимо от его происхождения, к человеку «делающему свое дело». Тут уместно вспомнить и «Томми», и «Ганга Дин». Вот начало «Посвящения Т. А.», то есть Томасу Аткинсу, которое открывает книгу «Казарменные баллады»:

Для тебя все песни эти.
Ты про них один на свете
Можешь мне сказать, где правда, где вранье,
Я читателям поведал
Твои радости и беды,
Том, прими же уважение мое!

Поэт четко определяет свое отношение к людям, с которыми он бок о бок живет и трудится. Он требует уважения и к британскому солдату Томасу Аткинсу, и к индийскому водоносу Ганга Дину, внесшему свой вклад (всего только жизнь!) – в существование все той же Империи. И к бортовому инженеру-механику Мак-Эндрю... И еще – особая для Киплинга тема, – он требует от столичной публики уважения ко всем английским «уроженцам колоний», к «гребцам имперской галеры», таким как он сам и его друзья.

Все более и более требовательно звучало на пороге двадцатого века в европейском обществе требование большей открытости и даже относительной демократизации жизни. У Киплинга это требование появляется в балладах и стихах, где простонародная речь персонажей, рывком обогащая язык, революционизирует и самый стиль произведений. Вот почему, как это ни парадоксально, империализм Киплинга, во-первых, демократичен, а во-вторых, напоминает не только о правах, но куда больше об обязанностях колонизаторов:

Мы выпили за Королеву,
Теперь за отчизну пьем,
За наших английских братьев.
Может, все же, мы их поймем.
Поймут и они нас тоже...
Но вот, Южный Крест и зашел...
За всех уроженцев колоний
Выпьем. И – ноги на стол!

За всех уроженцев колоний (встать!)

Итак, «выпили за Королеву» – уважительно, не правда ли? Но с другой стороны, не обращая внимания на традиционное, на такое очень английское уважение к коронованным особам, Киплинг часто пишет стихи, по остроте сатиры напоминающие разве что Свифта, которого викторианцы проклинали не менее старательно, чем Киплинга:

Просторно Вдове из Виндзора:
Полмира числят за ней.
И весь мир целиком добывая штыком,

Мы мостим ей ковер из костей
(Сброд мой милый! Из наших костей!).
Не зарься на Вдовьи лабазы,
И перечить Вдове не берись.
По углам, по щелям впору лезть королям,
Если только Вдова скажет: «Брысь!»
(Сброд мой милый! Нас шлют с этим «брысь!»)

(Пер. А. Щербакова)

И «Вдова из Виндзора», и стихи о героическом «солдаматросе» («Морская пехота») с бесспорной их сатиричностью содержат жесткое требование: власть имущие не должны забывать, чьими руками и заботами, чьей отвагой и трудами строилась и держится самая великая из империй, какую знало когда-либо человечество. А в наиболее острой из баллад на эту тему, в «Празднике у Вдовы», Киплинг по фольклорной общеевропейской традиции изображает сражения, как пиры. Этот фольклорный образ, кстати, существует у всех европейских народов: достаточно вспомнить хотя бы «Слово о полку Игореве». Киплинг заостряет свою сатиру до крайности романтического гротеска:

«А чем там поили-кормили в гостях,
Джонни, Джонни?»
«Тиной, настоянной на костях».
«Джонни, ну, ты и даешь!»
«Баранинкой жестче кнута с ремешком,
Говядинкой с добрым трехлетним душком
Да, коли стащишь сам, – петушком
На празднике нашей Вдовы».

(Пер. А. Щербакова)

Не случайна здесь в интонации явная пародийная «отсылка» читателя к одной широко известной старинной английской балладе:

Отчего, скажи мне, так красен твой меч,
Эдвард, Эдвард...

(Пер. А. К. Толстого)

Можно представить себе изумление ее величества королевы Виктории, прочитавшей о том, что она кормит своих солдат «Баранинкой жестче кнута с ремешком, /Говядинкой с добрым трехлетним душком...» Или «Весь мир целиком добывая штыком / Мы мостим ей ковер из костей...» По словам современников, старая королева

была этими стихами весьма шокирована... Только шокирована!!! Что ж, викторианская Англия – не СССР. Итак, с одной стороны, ортодоксальным патриотом Киплинг никогда не был, а с другой все-таки иногда был, и не случайны для него такие стихи, как уже цитировавшийся тут «Английский флаг», вполне параллельный самой рассоветской декларативной «поэзии»... Только киплинговской мощи, проявившейся даже и в этом стихотворении, у советской поэзии не было...

Пожалуй, до шестидесятых годов Киплинга воспринимали почти исключительно, как поэта, воспевающего прежде всего «имперские ценности». Однако он все-таки куда сложней. Иногда Киплинг предстает и космополитом.

Вот последняя, итоговая строфа одного из главных, программных, стихотворений Киплинга, «Песни Банджо»:

Лира древних прародительница мне!
(О, рыбачий берег, солнечный залив!)
Сам Гермес, украв, держал ее в огне,
Мой железный гриф и струны закалив,
И во мне запела мудрость всех веков.
Я – пеан бездумной жизни, древний грек,
Песня истины, свободной от оков,
Песня чуда, песня юности навек!
Я звеню, звеню, звеню, звеню...
(Тот ли тон, о господин мой, тот ли тон?)
Цепью Делос-Лимерик, звено к звену,
Цепью песен будет мир объединен!

(Пер. В. Бетаки)

В эту «цепь песен», в непрерывность пути всемирного искусства от античности до наших дней Киплинг верит глубже, чем в силу оружия...

Киплинг не однозначен. В начале Первой Мировой войны он яростно выступал против всего немецкого, на него даже стали появляться карикатуры по этому поводу. В СССР его обзывали «поджигателем войны» и через сорок лет после того. Но вот отрывок из стихотворения «Благодетели», написанного еще во время Первой мировой:

...Всех, кто в доспехах или без,
Дым пушек уравнял.
Когда ж за психов-королей,
Людей погибли тьмы,
Тогда устали от вещей.
И устрашились мы.

Диктату времени пора
Зов древний подчинить:
Лук-панцирь как нибудь с утра
И пушку отменить!
Не то любой тиран готов,
(Толпа любая – тож!)
Враз все плоды людских трудов
Угробить ни за грош!

И опять некая параллель обнаруживается между Киплингом и Хейзингой, который начинает один свой трактат с апокалиптического предчувствия: «Ни для кого не было бы неожиданностью, если бы однажды безумие вдруг прорвалось в слепое неистовство, которое оставило бы после себя эту бедную европейскую цивилизацию отупелой и умоисступленной, ибо моторы продолжали бы вращаться, а знамена – реять, но человеческий дух исчез бы навсегда» (1935 г.).

Тогда же ужас перед первыми газовыми атаками дал Киплингу толчок для стихотворения «Гефсиманский сад», отразившего реакцию военных, не понимавших еще, что применение средств массового уничтожения, начавшееся в годы Первой Мировой войны с хлорных, а потом ипритных атак, знаменует новую сверхварварскую войну XX века.

Военный журналист и поэт, для которого мужество и стойкость были самыми важными человеческими чертами, пишет о войне, но далеко не всегда ее героизирует. Увы, героизации войн отдала дань вся мировая литература, начиная с античных времен и как минимум до 60-х годов XX века.

Наверно, имеет смысл тут вспомнить Константина Симонова. Его военные стихи по мироощущению сродни киплинговским, не сатирическим, а тем серьезным романтическим стихам, где на первый план выходят традиционные мужские добродетели. Кстати, Симонов гораздо лучше подражал Киплингу в собственных стихах, чем переводил его. Он почему-то очень странно перевел стихотворение «Молитва влюбленных», эти стихи узнать в симоновском переводе невозможно. Почему-то он вольно перекладывает только нечетные строфы, а четные почему-то просто не переводит! В результате киплинговские 48 строк у него превращаются в 20, да и те не очень похожи на подлинник... Только «Гиены» у Симонова сделаны хорошо.

Было немало разговоров о расизме Киплинга. По сути все они базируются на одном стихотворении – «Бремя белого человека», весьма поверхностно прочитанном, а точнее – на одном его названии:

Неси это гордое бремя,
Родных сыновей пошли

На службу тебе подвластным
Народам на край земли.
....

Неси это гордое бремя,
Не как надменный король:
К тяжелой черной работе
Как раб себя приневоль.
При жизни тебе не видеть
Порты, шоссе, мосты,
Так строй же их оставляя
Могилы таких как ты...

(Пер. А. Сергеева)

Так можно ли это назвать расизмом? Не более, чем титанический организаторский труд Сесиля Родса, не только завоевавшего, но и во многом цивилизовавшего Родезию. А еще он начал цивилизовать как зулусское, так и бушмено-готтентотское население Южной Африки и прекратил кровопролитие между этими народами.

На самом деле, противопоставляет Киплинг не белых и цветных, а людей долга и пустозвонов. Наверно, отношение к долгу пришло к Киплингу из кальвинизма.

«Я так и не смог понять, – писал в начале 20-го века в своей автобиографии Леонард Вулф, служивший на Цейлоне в колониальной администрации, – то ли Киплинг лепил характеры своих героев по точному образу и подобию англо-индийцев, то ли мы сами лепили свои характеры по образцу киплинговских героев» (из уже упоминавшейся тут книги Н. А. Вишневской и Е. П. Зыковой «Запад есть Запад»).

Стихотворение «За уроженцев колоний» говорит само за себя:

Тут качали нас в колыбели,
В эту землю вложен наш труд,
Наша честь, и судьба, и надежда
По праву рожденья – тут!
....

За наших черных кормилиц,
Чей напев колыбельный дик,
И – пока мы английский не знали –
За наш первый родной язык!

Еще одно очень важное для понимания мировоззрения Киплинга стихотворение – знаменитая «Баллада о Востоке и Западе». Вот как звучит это стихотворение в переводе Е. Полонской:

Да, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут.
Пока не предстанут небо с землей на страшный Господень Суд
Но нет Востока и Запада нет – что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает.

Я перевел эти строки иначе:

Запад есть Запад, Восток есть Восток – им не сойтись никогда
До самых последних дней Земли, до Страшного Суда!
Но ни Запада нет, ни Востока, ни стран, ни границ, ни рас,
Если двое сильных лицом к лицу встретятся в некий час!

Мне представляется, что мой перевод точнее передает эту заданную в самом начале пропасть, которая, однако, оказывается преодолима сходством двух отважных сильных людей.

Конечно, культ сильного человека был Киплингу присущ, – сильного, но справедливого.

В стихотворении «За уроженцев колоний» появляется еще одна важная для Киплинга тема – романтический прогрессизм. Вот как звучат четыре завершающие строчки из него в переводе А. Оношкович-Яцыны, названном «Туземец»:

(Протянем же кабель, (встать!)
От Оркнея до Горна,
С петлею, чтоб мир захлестнуть!
От Оркнея до Горна
С петлею, чтоб мир затянуть!

Перевод этот мне кажется крайне неудачным из-за употребления слов «затянуть» и «захлестнуть», звучащих по-русски страшновато. Затянуть мир в петлю? Захлестнуть его петлей? Не исключено, что ни Оношкович-Яцына, ни ее критики и редакторы Гумилев и Лозинский не поняли, что речь идет о протянутом по морскому дну телеграфном кабеле, обеспечивающем связь между людьми.

By the might of our Cable-tow (Take hands!)
From the Orkneys to the Horn
All round the world...

Я перевел эти строки вот так :

За Телеграфный Кабель! (взяться за руки!),
Проложенный в глубине морской,
Чтоб с мысом Горн связать Оркней

Одной неразрывной петлей!
Вокруг земли!

Радостный прогрессизм возведен Киплингом на романтический уровень, что вполне сходно с настроениями незадолго до того столь же радостно приветствовавшего всякий технический прогресс Жюля Верна! Технический прогресс для большинства образованных людей того времени был очевидным бесспорным благом. Собственно, некоторые сомнения в ценности прогресса возникали только после мировых войн, когда выяснялось, что прогресс наблюдается и в производстве оружия. Но в целом в XX веке прогрессизм был в ходу – целый жанр научной фантастики развился вслед за Ж. Верном и Г. Уэллсом. А какой гимн самоотверженному труду ради прогресса у Стругацких («Понедельник начинается в субботу»)! Да и трудно не отдать должного техническому прогрессу, общаясь с людьми по интернету и выискивая информацию, пользуясь «Гуглом».

Еще одно «прогрессистское» стихотворение Киплинга – «Королева» – начинается вот как:

«Романтика, прощай навек,
С резною костью ты ушла!» –
Сказал пещерный человек...

Но романтика Киплинга не сидела в каменном веке или средневековье, она была его современницей, жила «здесь и сейчас». Она просто «водила поезд девять семь»...

Послушен под рукой рычаг,
И смазаны золотники.
И будят насыпь и овраг
Ее тревожные свистки...

(Пер. А. Оношкович-Яцыны)

Кстати, машинист, как один из владык над техникой, персонаж крайне важный как в стихах, так и в прозе Киплинга. Тут тоже прослеживается сходство с Маяковским, можно вспомнить его слабую поэму «Летающий пролетарий», или другое выражение того же прогрессизма: «... я привез из Парижа «рено», а не духи и не галстук!» Преувеличенное преклонение перед техникой, как перед особым романтическим явлением и чуть ли не главным содержанием нынешнего дня – еще одна черта, общая у этих двух поэтов. Между прочим, «романтизация сегодняшнего дня», романтизация повседневной жизни – одно из важнейших требований так называемого соцреализма. Но советское казенное литературоведение, естественно, не желало видеть, что эта романтизация задолго до со-

ветской литературы жила у такого для них сомнительного автора, как Киплинг.

Особняком стоит у Киплинга стихотворение «Холодное железо». Написано оно в жанре притчи, который Киплинг очень любил. Его рефрен – «Холодному железу подвластен род людской». И смысл этого рефрена Киплинг опровергает на протяжении всего стихотворения, и каждый раз по-разному. То упор делается на отрицании железа, как орудия насилия, то важнее автору упор на слове «холодное», когда он утверждает необходимость человеческого тепла в отношениях между людьми, а то – и вот так:

...Корона – тому, кто ее схватил, держава – тому, кто смел,
Трон – для того, кто сел на него и удержаться сумел?
«О, нет, – барон промолвил, – склонясь в часовне пустой
Воистину железу подвластен род людской:
Железу с Голгофы подвластен род людской!»

Это единственное у Киплинга по сути своей христианское стихотворение. При этом личная киплинговская философия абсолютно не религиозная, а скорей позитивистская, как и у большинства крупнейших литераторов рубежа веков.

Неизбежно возникает вопрос: как позитивист может быть романтиком? Ответ кажется почти парадоксальным: да, Киплинг романтический писатель, но философски сам он, как личность, романтиком никогда не был. Он ощущал себя писателем для молодежи, иногда даже детским писателем и чувствовал себя, как всякий последовательный позитивист, прежде всего педагогом, воспитателем тех, для кого пишет, тех, кому он всей душой желал, чтобы они усвоили главные общечеловеческие ценности, которые в основном сосредоточены и, как известно, впервые сформулированы именно христианством.

Молодежь во все времена склонна к романтизму и общечеловеческие ценности она тоже трактует в романтическом ключе.

Важнейшей моральной ценностью для Киплинга является чувство долга. Такое отношение к долгу, как у Киплинга, свойственно кальвинистам и масонам.

Собственно говоря, возможно, что притча, как жанр, развивается у Киплинга именно после того, как он основательно ознакомился с масонством. Вступил он в масонскую ложу еще в Индии. «*В 1885 году меня приняли в масонскую ложу, называвшуюся «Надежда и упорство» Я тогда не достиг еще положенного возраста. Но члены ложи ожидали, что я стану хорошим секретарем....... Секретарем я не стал, но узнал еще один мир. И это было мне очень кстати*» – писал Киплинг в своей автобиографической книжке «Кое-что о себе».

Еще одна сторона киплинговского кредо сформулирована в балладе «Последняя песнь»:

Наклонился Бог и тотчас все моря к себе призвал он,
И установил границы суши до скончанья дней:
Лучшее богослуженье –
(У него такое мненье)
Вновь залезть на галеоны и служить среди морей!

(Пер. В. Бетаки)

Эта баллада – почти что басня, и «мораль» ее выражена в последней тут процитированной строке. В ней уже возникает максима, особо любимая иезуитами: «Вера без дел – мертва».

Е. Гениева в статье о Киплинге написала: «*Свои эстетические и этические соображения Киплинг изложил в некоторых стихах, которые звучат как манифест («Век неолита», «Томлинсон»)*». Однако ни манифестом, ни даже притчами оба эти стихотворения не являются: они куда шире, стереоскопичней. Ведь притча, как и басня, не выходит за рамки аллегории, в которой что-то одно обозначается чем-то другим, но тоже одним. Томлинсон – персонаж не вполне притчевый, он вполне реалистичен: это тип, занимавший в социальной структуре застойного, предельно консервативного викторианского общества не последнее место.

Что же касается стихотворения «В эпоху неолита», то оно направлено против попыток канонизировать какие бы то ни было правила для искусства, это по сути стихотворение о свободе творчества, как и стихотворение «Когда на последней картине земной...». Оба они по значительности и актуальности для любой эпохи далеко вышли за аллегоричность притчи.

Влияние масонских идей несомненно прослеживается в творчестве Киплинга. Вообще влияние масонства на европейскую и мировую культуру огромно.

Масонами были композиторы Гайдн, Бетховен, Моцарт, Лист, Паганини, писатели И. В. Гете, Вальтер Скотт, Марк Твен, Тагор, Оскар Уайльд, поэты Роберт Бернс, Редьярд Киплинг. Список русских масонов включает Суворова, Кутузова, Пушкина. Масонами были Сумароков, Новиков, Баженов, Воронихин, Левицкий, Боровиковский, Жуковский, Грибоедов, Волошин, Гумилев, Осоргин, Газданов... Да и философско-этические взгляды Льва Толстого, кстати, были тоже очень близки к масонству, что он сам не однажды признавал.

В стихотворении «Отёсан камень» Киплинг как бы от имени Мастера говорит:

Но чтобы труженик вовек
Мечту о рае не отбросил,
Он в Царстве Божьем – человек,
Он царь и бог в раю ремесел.

Ведь мастера всегда находятся на некоей мистической Высоте Умения, они – где-то между людьми и Высшим разумом:

Владей рукой моей, владей!
И мы, работники, не будем
Нуждаться в помощи людей,
Посильно помогая людям.

(Пер. Р. Дубровкина)

Более всего связь Киплинга с масонством проявляется в стихотворении «Дворец», где сжато изложена одна из основ масонской идеологии.

Строящий пользуется и планом, и материалом предшественника, безымянный труд которого еще не создал совершенства, чтобы создать свою постройку, более совершенную, но и она тоже далеко не окончательна:

И было то Слово: «Ты выполнил долг, дальше – запрещено:
Другому зодчему сей дворец, тебе продолжать не дано».

Не столько безымянность труда, как ведущий принцип, тут важна, сколько постоянная неудовлетворенность результатом, и надежда на то, что твое дело завершит тот, кто придет за тобой, и он будет лучше тебя:

«Кладка была небрежной и грубой, но каждый камень шептал:
«Придет за мной строитель иной – скажите, я все это знал».

Сходные идеи высказаны в «Волшебной горе» Томаса Манна, в диалоге Нафты и Сеттембрини, в частности, в их разговоре о готических соборах, созданных многими поколениями строителей, чаще всего безымянных, причем излагает эти идеи католик, иезуит Нафта. Но широта его воззрений заставляет нас воспринимать его как в некотором смысле «всечеловека».

Киплинг очень честный человек, об его интеллектуальной честности очень хорошо написал Джордж Орвелл:

«Киплинг обладал качеством, редко или даже никогда не встречающимся у большинства «просвещенных» деятелей, – чувством ответственности и, по правде говоря, если его не любят «прогрессивные», то столько же за это качество, сколько за «вульгарность».

Потому что все левые партии индустриализованных стран в глубине души должны бы знать, что они борются с тем, что на самом деле сами разрушить никак не хотят. Они провозглашают интернационализм, а в то же время борются за повышение уровня жизни, который несовместим с этой целью. Мы все живем, грабя азиатских кули, и те из нас, кто «просвещен», говорят, что кули должны быть освобождены. Но наш уровень и само наше просвещение требуют как раз грабежа малых стран. Гуманитарий – всегда ведь лицемер, и Киплинг точно знал это».

Слова Орвелла объясняют в немалой мере отношение к Киплингу как советских идеологов, так и английских снобов, долго еще после конца эпохи вздыхавших по викторианству.

6.

Все мы с детства знаем чуть ли ни наизусть сказки Киплинга в переводе К. Чуковского со вставными стихами к ним в переводах С. Маршака. Многие вполне обоснованно считают эти сказки одной из вершин киплинговского творчества.

Сказки... Откуда они у Киплинга? Вроде бы, он совсем не сказочник. Но дело в том, что сказки его – это прежде всего разные подходы к мифу, как к первооснове всякого творчества. А рассказы о Маугли – просто мифотворчество, что стало очевидным для широкого читателя уже совсем недавно, только после появления других, более поздних мифотворцев, Льюиса, Толкиена, и в какой-то степени Дж. Роулинг.

Й. Хейзинга говорит: «*Имеем ли мы дело с мифологической образной системой или же с эпической, драматической, лирической, с древними сагами или современным романом – всюду, в качестве сознательной или неосознанной цели, выступает одно: вызвать напряжение словом, которое приковывает слушателя (или читателя). И всегда субстратом поэзии является ситуация из человеческой жизни или акт человеческого переживания, которые способны это напряжение передать другим людям. Вместе взятые, эти ситуации и эти акты немногочисленны. В самом широком смысле они могут быть сведены по преимуществу к ситуациям борьбы и любви или к смешанным...*» (Из «Человек играющий» («Homo ludens»).

Рассказы о Маугли и сказки держали детей-читателей в том самом напряжении.

Так что любовь к Киплингу у русских читателей с детства. Только, к сожалению, далеко не весь он был переведен. И многие стихи в этой книге – «впервые на русском языке»[1].

ΩΩΩ

[1] «Впервые на русском языке» – так назывался устный альманах, которым руководил Е. Г. Эткинд. Участники альманаха два раза в год выходили на сцену ленинградского Дома писателей и читали стихи, прозу, критические статьи.

306

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания

С. 10. **Прелюдия**

Большинство английских изданий поэзии Р. Киплинга открывается по традиции этим стихотворением 1896 года.

С. 12. **Основной итог**

А Иосиф? Продвиженье / До Начальника Снабженья – Иосиф Прекрасный – библейский персонаж, иудейский патриарх, сын Иакова и Рахили. Проданный в египетское рабство братьями, он довольно быстро, благодаря своим талантам, стал первым советником фараона и по сути дела управлял всей экономикой Египта (см. знаменитый роман Томаса Манна «Иосиф и его братья»).

С. 13. **Шифр нравственности**

Гелиограф – зеркальный телеграф.

С. 16. **Дурень**

В оригинале – «Вампир». Стихотворение навеяно знаменитой одноименной картиной двоюродного брата поэта Ф. Берн-Джонса, изображающей женщину-вампира, склонившуюся над распростертым на постели мужчиной.

С. 17. **Моя соперница**

Шуточное стихотворение – как бы монолог сестры поэта.

С. 23. **Посвящение к «Казарменным балладам»**

Одно из самых ярких у Киплинга «мифотворческих» стихотворений. *В беззвездье эфира* – то есть в некоем мире, недоступном никому (возможно, идея этого своеобразного подобия Эдема пришла Киплингу из образа тибетской «Шамбалы»). Там живут не святые, не блаженные, как это было бы в любом религиозном преданье, а «мореходы, титаны, борцы – создатели нашего мира», которые общаются с Богом так же свободно, как герои древнегерманских мифов общались с Одином (Вотаном) в пиршественном зале Валгаллы, и имеют право даже посещать Аид. *На рыжей звезде* – этот образ явно исходит из поэмы Э. А. По «Аль-Арааф», а *Наставник счастливых ремесел* взят, возможно, из масонской лексики (см. для сравнения стих. «Когда на последней картине земной», где Бог тоже назван Мастером). *Девять богинь* – музы античной мифологии. *Азраил* – в еврейских поверьях и исламе – Ангел Смерти. Изначально «Казарменные баллады и другие стихи» печатались без этого стихотворения, написанного позднее и добавленного автором в книгу только в издании 1909 г.

С. 24. **Посвящение Томасу Аткинсу**

Томас Аткинс – нарицательное имя британского солдата, придуманное еще герцогом Веллингтоном во время войн против Наполеона. Эти условные имя и фамилия с тех пор так и писались сначала в образце ведомости на получение довольствия, а затем и во всех образцах солдатских бумаг.

С. 25. **Денни Дивер**

Написано на мелодию уличной полублатной песни «Жил был матрос Зануда-Билл».

С. 27. **Томми**

См. примечание к стихотворению «Посвящение Томасу Аткинсу».

С. 30. **Фуззи-Вуззи (Суданские экспедиционные части)**

Фуззи-Вуззи – нарицательное – суданец. От слова fuzzy (англ.), «курчавый». Под контролем британских войск была практически вся долина Нила, но в разных районах Судана часто вспыхивали локальные восстания. Тактика суданцев в сражениях с армией была примитивна, но действенна: они притворялись убитыми, а потом, вскочив, ударяли англичанам в спину. Но вскоре англичане уже перестали попадаться на эту уловку *(Прим. перев.)*.

С. 34. **Горная артиллерия**

В оригинале – «Screw-Guns» (легкие в перевозке по горам свинтные пушки). *Тсс, тсс* – окрик, которым погоняют мулов. *Лушаи* – народ группы банту в Южной Африке. *Нага* – горские племена северной Индии. *Афридии* – воинственное племя в Афганистане (из пуштунских племен).

С. 42. **Верблюды (Товарные поезда Северной Индии)**

Патаны – один из горских народов Афганистана.

С. 46. **Вдова из Виндзора**

Вдова – солдатское и слегка пренебрежительное прозвище королевы Виктории Первой (1819-1901, царствовала с 1837 по 1901 г.). Ее долгое царствование называется викторианской эпохой (не только в истории Соединенного Королевства, но и в британской культуре этого периода). Говорят о викторианском стиле в искусстве (помпезный и официальный неоклассицизм с примесью тяжелого барокко; по сути дела – это архитектурная и живописная эклектика, а не стиль), говорят также о викторианском образе мышления (предельно упорядоченный, очень здравомысленный, «приличный» и консервативный взгляд на вещи) и т. д. Киплинг очень не любил викторианство. *Виндзорский замок* – летняя резиденция анг-

лийских королей. *Дети Вдовицы* – Киплинг в юмористическом ключе намекает на термин «дети Вдовы» (символическое название масонства). *Ложа* (имеется в виду масонская ложа) – так поэт иронически называет тут всю Британскую империю. *Давид-Псалмопевец* – царь Израиля и древнейший из его поэтов, автор значительной части псалмов. *Возьмись за крылья зари* – слегка измененная строка из псалма 138.

С. 48. **Бляхи**

Силвер-стрит - улица в Дублине, на которой находится множество пивных и ресторанов. Драки и столкновения ирландских солдат с английскими, расквартированными в столице Ирландии, были тут частым явлением.

С. 54. **Мандалей**

Одно из самых знаменитых стихотворений Киплинга. Написано на ритмы популярного в те годы вальса. Существует в нескольких переводах (анализ других переводов см. в статье). *Мандалей* – старинная столица Бирмы на реке Иравади, по которой во время Англо-бирманской войны 1885-1886 гг. постоянно курсировала военная английская флотилия, во многом и решившая судьбу этой войны. *Мульмейн* – порт в приморской части Бирмы на реке Сатвин. *Рангун* – нынешняя столица Бирмы в дельте Иравади. *Супи-Яулат* – также Супаялат, последняя королева Бирмы, жена бирманского короля Тхибава (Тибо), потерявшего престол в результате упомянутой здесь войны (фотографию ее с королем и принцессой Супаяйи см. на с. 55). *Тик* – драгоценная порода дерева, добываемого в лесах Бирмы и Индии. *Десять заповедей* – основные этические законы иудейской религии, чтимые и в любой из христианских конфессий, главнейшие законы, данные Богом Моисею на двух каменных скрижалях. Здесь – расширенно – вообще европейский образ жизни, не властный «к востоку от Суэца», ибо у Востока – свои законы жизни, и западная мораль там неуместна... Как писал Киплинг в одном из рассказов, там «область, где властвует Провидение, кончается, и человек подпадает под влияние азиатских богов и демонов».

С. 58. **Пикник у Вдовы**

В этой сатирической балладе Киплинг изображает, согласно общеевропейской фольклорной традиции, сражения как пиры. *Вдова* – солдатское прозвище королевы Виктории, см. примечание к стих. «Вдова из Виндзора».

С. 60. **Переправа у Кабула**

Река Кабул – приток Инда. На ее берегу находится одноименная столица Афганистана. Кабул англичане брали не раз, но «окончательно» он был взят и почти разрушен английскими войсками в ходе второй Англо-афганской войны (1878-1880). Во время штурма Кабула внезапное наводнение стало причиной гибели в водах реки сорока шести солдат и одного офицера.

С. 63. **Маршем по дороге**

Кико киссиварсти, что вы не хемшер арджи джо – «Ну шевелитесь, что вы там опять отстаете?» (хиндустани). «Томми крепко и нерушимо уверен в том, что он глубоко знает восточные языки и прекрасно говорит на хиндустани. А на самом деле он в основном пользуется жестами» (*прим. Киплинга*).

С. 67. **Баллада о Востоке и Западе**

Одно из стихотворений, мгновенно прославивших автора. *Рессалдар* – офицер туземной кавалерии из выслужившихся афганцев или индийцев. *Хайберский перевал* – естественные ворота из Индии в Афганистан. *Пешавар* – город на тогдашней границе Индии и Афганистана в 8 км от Хайберского перевала.

С. 75. **Баллада о «Боливаре»**

Бискай – Бискайский залив (между северной Испанией и Бретанью вдоль атлантического побережья Франции), славится частыми и сильнейшими бурями.

С. 77. **Затерянный легион**

Первооткрыватели и землепроходцы, корсары и основатели новых колоний, да и вообще всяческие путешественники и авантюристы – любимые герои как стихов, так и прозы Киплинга. В этом стихотворении (которое один из занудных советских поэтов-переводчиков 60-х гг. на заседании секции перевода Ленинградского отделения Союза писателей во всеуслышание назвал «гимном маргинальности, а попросту аморальным воспеванием антиобщественного явления»), Киплинг подчеркивает, что авантюристы, в определенном смысле, и есть «создатели нашего мира», и могут встретиться нам в любой точке земли. Но ведь и сам Киплинг, по замечанию К. Г. Паустовского, «странствовал по свету, по всем уголкам земли, куда протянулась рука Англии или куда она хотела бы протянуться». Ну что ж, в этом смысле поэт – безусловно и сам один из солдат этого «затерянного легиона». Название стихотворения – явная ассоциация с известной историей якобы бесследно пропавшего в северной Британии Девятого легиона из армии римского полководца Помпея (1 век до н.э). На самом же деле, легион этот, потерявший в сражении с кельтскими «партизанами» своего орла (главный знак легиона, сходный по значению со знаменем наших времен) был по законам того времени расформирован. *Свэг* – скатка из одеяла, служащая также вместо заплечного мешка, в которую завернуты все нехитрые пожитки австралийского сезонного рабочего или бродяги. *Саравак* – государство на о. Борнео (основное население – даяки). В течение второй половины 19 века Саравак управлялся т.н. Белым Раджой. Последний Белый Раджа передал власть над Сараваком Англии в самом конце того же века. *Масаи* – многочисленное племя из народов банту, живет в основном в Кении. *Но с найденного самородка / Платили за всех в кабаке* – имеется в виду обычай австралийских золотоискателей обмывать богатую находку (подробнее см. в цикле рассказов австралийского писателя, последователя Киплинга Генри Лоусона «Шапка по кругу»).

С. 79. **Объяснение**

Стилизация под индийские или персидские поэтические притчи.

С. 80. **Еварра и его боги**

Очередная притча, стилизованная под древнее сказанье. Варианты одной легенды в разных изложениях, якобы взятые из фольклора неведомой страны. Характерно для Киплинга, что почти всегда религиозные ассоциации у него выглядят как бы не всерьез, а порой и вовсе пародийно. Так, Бог в большинстве его произведений лишен всякого традиционного величия и запросто беседует с людьми, а библейские события часто трактуются в осовремененном и почти всегда пародийном духе («Легенды о Зле 2», «Блудный сын», «Головоломка мастерства» и др. – ср. с Б. Брехтом, Е. Шварцем или Й. Ладой).

С. 83. **Головоломка мастерства**

Одно из нескольких стихотворений Киплинга, в которых он излагает свою философию творчества, напоминая, что «искусство не прогрессирует и поэтому – Гомер не хуже Уайльда». Иронический прием резкого и пародийного, как правило, осовременивания традиционных сюжетов встречается у Киплинга нередко. По всей вероятности, именно Киплинг и был «изобретателем» этого приема. Позднее приемом этим широко пользовались А. Камю, Б. Брехт, Е. Шварц, Й. Лада и многие другие.

С. 86. **В эпоху неолита (пер. В. Бетаки)**

Этот мой перевод публиковался несколько раз в разных изданиях стихотворений Р. Киплинга начиная с 1986 года. По ошибке в сборнике «Мохнатый шмель» (М., Эксмо-пресс, 1999) и в сокращенном повторении того же издания под названием «Заветные острова» этот перевод оказался приписан Михаилу Фроману. Перевод М. Фромана, который я помещаю здесь вслед за моим, публиковался в советском издании 1936 года (ГИХЛ) и в издании «Риппол-классик» 1998 г. *Бовэ* – город во Франции, где велись интенсивные раскопки (в подлиннике стихотворения вместо Бовэ фигурирует Солютрэ, тоже район раскопок культуры каменного века). *«Мовэ»* (фр. mauvais) – плохой.

С. 88. **В неолитическом веке (пер. М. Фромана)**

Outré (фр.) – преувеличенный.

С. 90. **Легенды о зле**

Два стихотворения эти по сути дела ничем не объединены, кроме авторской воли.

Первое из них явно примыкает по теме к стихам из «Книг Джунглей», а второе, как это нередко бывает у Киплинга, пересказывает пародийным образом библейскую легенду.

С. 92. **Томлинсон**

Одно из самых знаменитых произведений Р. Киплинга. *Беркли-сквер* – квадратная площадь в центре Лондона, но в довольно тихом районе, одно из престижных мест обитания крупных буржуа.

С. 104. **Купцы**

В некотором смысле этих моряков – полуторговцев-полупиратов – поэт тоже относит к числу «создателей нашего мира». *Пэдди Дойль* – герой старинной матросской песни, сопровождавшей поднятие паруса. *Кой-что дает захват* – Тут видится признание того, что тогдашние купцы были одновременно и пиратами, нередко грабившими как береговые поселения, так и встречные корабли (имеется в виду в основном положение дел в 17-18 веках). *Камбуз* – на больших старинных судах (как правило, трехмачтовых) располагался обычно в надстройке на палубе между первой и второй мачтами. *Шлюп-балка* – продольное бревно на палубе для прикрепления шлюпок. *Вспыхивали ванты огнями на ходу* – так наз. «огни святого Эльма», известное атмосферное явление электрической природы. *Голландец против ветра / Летел на всех парусах* – Имеется в виду легенда о «Летучем Голландце». *Лотовый* – по морскому поверью морской черт, обрывающий лоты. Все прочие упоминаемые тут персонажи происходят также из матросских легенд и поверий.

С. 107. **Гимн Мак-Эндрю**

На «Мэри Глостер» – см. поэму «Мэри Глостер». *Брикеты* – угольная пыль, связанная глиной, – дешевое, но плохое топливо. «*Вельш», «Вангарти»* – хорошие сорта угля.

С. 113. **За уроженцев колоний!**

Сам будучи уроженцем колонии, поэт уделяет этой теме немалое место как в стихах, так и в прозе. Именно на этих людях, по его убеждению, и держится «империя, над которой никогда не заходит солнце». *Четыре новые нации* – Имеются в виду наиболее крупные страны английского языка (кроме самой Англии и США) во времена Киплинга, четыре т. наз. «британских доминиона», выросшие из колоний: Индия, Австралия, Канада и Южная Африка. Они перечислены в том порядке, в каком поэт упоминает их в этом стихотворении. *Аббатство* – Вестминстерское аббатство, место коронации английских королей, а также усыпальница великих людей Англии. *За Телеграфный Кабель!* – Трансатлантический подводный телеграфный кабель, связавший Европу с Америкой. В свое время его прокладку журналисты именовали «свершением восьмого чуда света». *Оркней* – острова в северной Шотландии. *Мыс Горн* – южная оконечность Южной Америки.

Одной неразрывной петлей – поэт говорит тут о кабеле, сделавшем возможной трансатлантическую, а в скором времени и всемирную, телеграфную связь.

С. 117. **Королева**

Кулеврина – длинноствольная старинная пушка, предшественница гаубицы.

С. 127. **Песнь Банджо**

Банджо – популярный музыкальный многострунный инструмент, пришедший в Европу из Индии. *Младщий сын пройдет по горькому пути* – По праву майората (придуманному в феодальные времена, чтобы не дробить именья и поместья, и в Англии особо чтившемуся), все владения по наследству достаются старшему сыну. Младшим дорога, как правило, была в духовенство или в офицеры, а порой и на чиновничью службу в колонии... (см. также «Долгий путь» и «Блудный сын»). *Пеан* (древнегреч.) – торжественный гимн, восхваление, первоначально – гимн Аполлону. *Делос* – один из греческих островов, на котором родился Аполлон. *Лимерик* – город в Ирландии, где возник жанр своеобразных частушек, вскоре ставший особым видом абсурдистской поэзии. Особенно жанр лимерика был развит знаменитым английским поэтом Эдвардом Лиром (1812-1888). *Цепью Делос–Лимерик...* – поэт слегка иронически отмечает крайние вехи существования европейской поэзии: от рождения Аполлона и до новейшей «абсурдистской» поэтики.

С. 132. **Якорная**

Написана, видимо, на мотив какой-то матросской песни. *Кабестан* – барабан для наматывания якорного каната, надетый на вертикальную ось, торчащую из палубы. При подъеме якоря матросы идут по кругу, нажимая на рукоятки кабестана. *Брашпиль* – лебедка, через блок которой канат скользит и подается на кабестан. *Грот* – самый большой парус корабля, обычно на второй мачте (гротмачте). *Стаксель* – косой передний парус, крепящийся к передней мачте (фок-мачта) и бушприту. *Принайтовить* – закрепить. *Тетка Кэрри* – по матросскому поверью, владычица бурь. Ее *цыплята бедовые* – буревестники. *Шлюп-балка* – продольное бревно на палубе для прикрепления шлюпок.

С. 134. **Хозяйка морей**

Еще одно из мифотворческих стихотворений Киплинга. Возможно, что Женщина Моря или Хозяйка Морей – просто символический образ Англии. Не исключено также, что в реальности почвой для этого символического стихотворения послужили возникшие в нескольких портах Англии в восемнадцатом веке и существующие поныне уже во всем мире т. наз. «бординг-хаузы» (дешевые гостиницы или ночлежки для моряков, уволившихся с одного судна и еще не поступивших на другое). Кстати, антверпенский Бординг-хауз (по-фламандски «Сиимен-хуйс») в семидесятых и восьмидесятых годах XX века постоянно служил местом встречи

советских моряков с русскими эмигрантами-«контрабандистами», раздававшими морякам русские книги, изданные на Западе и запрещенные в СССР.

С. 138. **Последняя песня Честного Томаса**

Верный (Честный) Томас или Томас-Рифмач – прозвища Томаса Лермонта (1220-1297), шотландского поэта, имя которого обросло легендами. Главная из них гласит, что Томас провел семь лет (показавшихся ему одним днем) у Королевы Фей в подземном царстве, где и сам стал королем, о чем упомянуто в этой балладе. М. Ю. Лермонтов считал (и, видимо, не без оснований), что ведет свой род от Томаса Лермонта. В Англии и России существует Общество по сравнительному изучению творчества этих поэтов.

С. 143. **Сказание об Анге**

Притча мифотворческого характера. Еще одна якобы стилизация под фольклор неведомых стран и времен.

С. 145. **Трехпалубник**

Стихотворение, безусловно, имеет отношение к мифотворческим стихам, но вместе с тем ироничность его тоже очевидна.

С. 147. **Мэри Глостер**

Баронет – низший из наследственных дворянских титулов в Англии (но выше нетитулованного дворянина или эсквайра.) Мог быть пожалован монархом за особые заслуги перед государством. *Клипер* – быстроходный парусник для перевозки ценных и срочных грузов (часто говорят «чайный клипер»). Последним клипером, не сдавшимся в многолетнем соревновании по скорости между парусными и паровыми судами, была знаменитая «Катти Сарк». *Ты женился на этой костлявой...* – сэр Антони, новоиспеченный баронет, явно описывает аристократку во многих поколениях, и недоволен выбором своего сына. *Вокруг Макасара* – Макасарский пролив находится в Индонезии между о. Борнео и Целебесом (Сулавеси). *Малый Патерностер* – небольшой островок близ южного входа в пролив. *Харроу* – одна из старейших в Англии школ для детей из привилегированных сословий (там некогда учился Д. Г. Байрон). *Тринити-колледж* (Троицкий колледж) – неизвестно, оксфордский или кембриджский колледж с таким названием имеет в виду автор. *Буду пить из родного колодца...* – Парафраз из библейской «Книги Притчей Соломоновых»: «Пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя ... Источник твой да будет благословен. И утешайся женою юности твоей» (Притчи 5: 15-18).

С. 153. **Вступление к «Казарменным балладам»**

Тут разработан (не впервые) любимый мотив Киплинга: положение о том, что искусство не прогрессирует (см. также «Головоломка мастерства»).

С. 154. **Марш «Стервятников»**

Стихотворение написано как бы от лица особого отряда головорезов типа позднейших «командос» или «спецназа».

С. 157. **Солдат и матрос заодно**

Полуют – надстройка на корме корабля. *Вдова* – солдатское прозвище королевы Виктории, см. примечание к стих. «Вдова из Виндзора». *«Биркенхед»* – английское судно, потерпевшее крушение на скалах у берегов Южной Африки в 1852 г. Оно получило огромную пробоину в носовой части, и для того, чтобы выиграть время для спасения женщин, детей и невоенных пассажиров, все морские пехотинцы, транспортировавшиеся на этом корабле, выстроились на корме, так что носовая пробоина оказалась частично в воздухе. Это дало возможность команде спустить шлюпки и спасти большую часть пассажиров. Все морские пехотинцы погибли вместе с кораблем. *«Виктория»* – флагман английского флота, разбился в 1893 году. Солдаты и офицеры морской пехоты, вопреки приказу покинуть судно, пытались задраить внутренние переборки на корабле и почти все погибли.

С. 160. **Бабы**

Пром – бирманский город. *Джемадар* – лейтенант (в туземных войсках). *Хугли* – город в Западной Бенгалии, недалеко от Калькутты. *Нимач* – город в индийском штате Мадхья-прадеш.

С. 167. **«Мир так хорош»**

Ласкар (греч. слово, вошедшее в солдатский англ. жаргон) – наемный солдат или матрос. *«Хем декти дей»* (хинди) – «Я смотрю вперед», обычный возглас матроса на смотровой площадке передней мачты («марсового»). *Шканцы* – центральная часть верхней палубы на военных судах. *Скат* – распространенная карточная игра. *Аден* – скала и город у южного входа в Суэцкий канал.

С. 169. **Послание к книге «Семь морей»**

Культ Мастера и даже отождествление его с Богом характерно для масонских мотивов, которые нередки в творчестве Киплинга. Другая очень важная для поэта идея этих стихов – свобода творчества от чего бы то ни было.

С. 173. **Дворец**

Самое значительное из т. наз. масонских стихотворений Киплинга, в котором сжато изложена одна из основ масонской идеологии. Масоны – общества т. наз. «вольных каменщиков», организации как благотворительные, так, изредка, и умеренно революционные, и отчасти мистического толка. Древнейшие документы, рассказывающие о жизни и деятельности английских строительных рабочих – это артельные уставы XIV и начала XV веков. Первые масонские ложи – это нечто вроде предшественников позднейших профсоюзных движений. Отсюда идет и строительная символика, используемая в масонстве, отсюда происходит и благотворительный характер деятельности масонских лож. С философской точки зрения, масонство – одно из ответвлений эзотерики. В центре внимания тут духовное самоусовершенствование. Аллегорически, каждый масон строит внутренний храм, совершенствуя свои морально-этические качества. Обязанность (очень важная по всем масонским уставам) хранить тайну проистекает в частности из следующих соображений. Масонство – движение филантропическое. Но «доброе дело, о котором объявили во всеуслышанье, служит не столько добру, сколько гордыне того, кто его сделал. Подлинная благотворительность должна быть анонимной». По мере роста числа лож возникала необходимость координировать их деятельность. Поэтому в Лондоне в 1717 году четыре ложи объединились и создали своеобразный орган надзора, Великую Ложу. 24 июня 1717 года Лондонская Великая Ложа Вольных Каменщиков начала открытую деятельность. Именно это – та дата, которую называют многие исторические исследования в качестве времени основания движения. В 1723 году в Англии была опубликована «Книга Уставов», написанная шотландским священником Джеймсом Андерсоном. Типографским способом эти «Уставы» были впервые изданы в Америке в 1734 году Великим Мастером масонов и всемирно известным ученым Бенджамином Франклином в Филадельфии. Масонское братство пустило корни и по всему европейскому континенту. К концу 30-х годов XVIII века ложи существовали уже в России, Италии, Бельгии, Германии, Швейцарии. К масонству принадлежали многие выдающиеся деятели человечества: композиторы Й. Гайдн, Л. Бетховен, В. А. Моцарт, Ф Лист, Н Паганини; писатели И. В. Гете, Вальтер Скотт, Марк Твен, Р. Тагор, Оскар Уайльд, поэты Роберт Бернс, Редьярд Киплинг. Масонами были такие известные люди, как У. Черчилль, Д. Астор и Г. Форд. Не менее выдающимися людьми были и русские масоны: А. Пушкин, А. Суворов, М. Кутузов – уже этих трех имен довольно, кстати, чтобы отбросить дурацкую идеологическую спекуляцию о «масонском заговоре против России». Да список известных русских масонов можно и продолжить: Сумароков, Новиков, Баженов, Воронихин, Левицкий, Боровиковский, Жуковский, Грибоедов, Волошин, Гумилев, М. Осоргин, Г. Газданов... Философско-этические взгляды Льва Толстого, кстати, были тоже очень близки к масонству, что он сам не однажды признавал.

С. 175. **Бремя белого человека**

Взгляд Р. Киплинга на «Долг Колонизатора». Лучшим примером в этом был для поэта его друг, знаменитый завоеватель и позднее губернатор Капской провинции (теперь ЮАР) Сесиль Родс, по имени которого была позднее названа завое-

ванная им и отчасти цивилизованная его стараниями страна Родезия (при Родсе там было построено около 200 школ для местного населения).

С. 177. **Дозор на мосту в Карру**

Это и последующие три стихотворения написаны, что называется, по горячим следам на темы Англо-бурской войны (1899-1902), которую поэт считал позорным уроком для Англии (см. примечание к следующему стихотворению), хотя и участвовал в ней сам в качестве одного из основных военных корреспондентов.

С. 180. **Урок (Англо-бурская война, 1899-1902)**

Жестокая правда об Англо-бурской войне, ясная тогда всему миру, но впервые высказанная Киплингом так резко и нелицеприятно, навлекла на поэта бурю газетных обвинений в «потере патриотизма».

С. 182. **Южная Африка**

Стихотворение носит неявный, но определенно иронический оттенок, изображая колонию в виде любовницы (для сравнения см. здесь другие стихи о той же войне и прежде всего «Урок»). *Сент-Джаст* – город на западном краю Корнуэл-лского полуострова. То есть тут смысл «аж из самой глухой провинции пришлось призывать солдат»...

С. 185. **Пыль (Пехотные колонны)**

(В подлиннике «Boots» – башмаки). Рефрен этого стихотворения тут в порядке исключения приводится (в отличие от прочих переводов Ады Оношкович-Яцыны) не в том виде, как он был опубликован в первом издании ее переводов 1922 года, отредактированном М. Лозинским (и, по некоторым сведениям, до него – Н. Гумилевым). Тут я нарушаю общий принцип подхода к ее переводам и рефрен даю в том устоявшемся виде, в каком к этому тексту привыкли читатели разных поколений. Слишком уж знаменито это стихотворение именно в этом виде, и при всем уважении к истории перевода, я все же склонен согласиться с А. Долининым, который в своих комментариях к английскому изданию Киплинга (Poems, Short Stories, М., 1983) пишет, что в соответствии со стихом из Экклезиаста (Библия) слово *discharge* у Киплинга в данном стихотворении означает все же «отпуск» (вот контекст этого слова в «Экклезиасте»: «...над смертным часом нет власти, и отпуска нет на войне» (пер. ак. И. М. Дьяконова). Подробнее об этом стих. см. в статье. И вот еще интересное устное свидетельство Ирины Одоевцевой, рассказавшей автору этих строк примерно такую историю: *«...увидев текст перевода Ады, Гумилев просто рассвирепел и, приказав нам обеим выйти в гостиную, начал яростно черкать и надписывать.. Полчаса спустя он позвал нас в кабинет и, буркнув, что Ада арифметике не обучена, и что ему пришлось почти все стихотворение заново переписать, прочел нам с Адой уже тот самый*

вариант перевода, который Вы знаете по книжке 1922 года, а черновик Ады со своими переделками скомкал и отправил в корзину под столом. А про рефрен... ну, тут я точно не знаю, может Лозинский потом для советского издания сам переделал, а может и Фиш... Но Фиш мало что знал... Думаю, что это все же Лозинский...» (рассказ Одоевцевой я цитирую по памяти, как записал я его дня через два, уже вернувшись из Йера в Париж).

С. 190. **Россия – пацифистам (пер. В. Бетаки)**

В этом стихотворении, написанном в 1918 году под впечатлением от большевистского переворота 25 октября 1917 года и всех прочих последующих событий, в том числе уже только что начавшейся гражданской войны в России (1918-1922 гг.), поэт ужасается «неслыханным мятежам» и сожалеет о гибели одной из последних империй, пророчески усматривая в агрессивности еще даже не возникшего неведомого государства опасность его для всей Европы. *Все, что сверкало триста лет* – в 1913 году царская Россия отмечала трехсотлетие дома Романовых, царствовавших до февраля 1917 года. *Триста дней* – похоже на период между февральской революцией и октябрьским переворотом. *Когда превратится и ваша держава...* – Р. Киплинг тут обращается как бы от имени России не только к английским «верхам», но и к правительствам всего цивилизованного мира.

С. 195. **Мастер**

«Русалка» – лондонская таверна. *Бен Громовержец* – драматург Бен Джонсон (1573-1637). *Скрываясь от лесничих* – в молодости Шекспир занимался браконьерством.

С. 196. **Очень старая песня**

Лилит (библ. апокрифич.) – первая жена Адама, сотворенная, как и он, из глины, а не из его ребра, и потому равная мужчине (когда Адам отказался признать это, она от него улетела). В древнееврейской демонологии она – суккуб, т. е. демон в женском обличье, насилующая мужчин.

С. 198. **Стихи к сказкам в переводах С. Маршака**

Классические переводы С. Маршака, публиковавшиеся бесчисленное количество раз.

С. 207. **Стихи к рассказам о Маугли из «Книги Джунглей»**

В переводы не включены краткие стихотворные эпиграфы. Все переводы, кроме «Законов Джунглей», публикуются впервые.

С. 209. **Законы Джунглей**

Багира, Шер-Хан, Балу, Хати – Наименования животных на хинди, ставшие у Киплинга именами собственными (Багира – пантера, Шер-Хан – тигр, Балу – медведь, Хати – слон). *Логово Волка – крепость* – Как и некоторые другие «статьи» этих законов, эта фраза пародийна. Она прозрачно намекает на британскую поговорку «Мой дом – моя крепость».

С. 216. **Дорожная песнь Бандар-логов (Обезьяньего народа)**

Бандар-лог (хинди) – обезьяний народ. По мнению Р. Миллер-Будницкой (в предисловии к первому советскому изданию стихов Киплинга 1936 г.), под видом обезьяньего народа, хвастающего постоянно великими победами, но ничего не совершившего, Киплинг якобы имел в виду США. Современное литературоведение отбросило этот неубедительный, но очень советский домысел.

С. 218. **Песнь – угроза Маугли сельчанам**

Карела – лиана из семейства дынных.

С. 219. **Поучения Балу**

В «Книге Джунглей» медведь Балу – воспитатель и учитель волчат.

С. 220. **Песня маленького охотника-гонда**

Гонды – народ из древнейшего, доарийского (дравидского) населения Индии. Гонды очень маленького роста.

С. 223. **Цыганская тропа**

Было впервые опубликовано в английской периодике. Ни к какому из пяти сборников стихов не относится. Вольная переделка этого стихотворения Г. Кружковым («Мохнатый шмель на цветущий хмель..») была использована в кино в качестве песенки-шлягера. *Джонка* – китайский парусный корабль.

С. 225. **Цыганские телеги**

Вступительное стих. к рассказу «Мадонна в окопах» из книги «Приходы и расходы». *Роми* (рома) – самоназвание цыган, *джорджи* (цыг.) – все не цыгане.

С. 227. **Блудный сын**

Это расширенный эпиграф к 5-й главе романа «Ким» – библейская притча о возвращении блудного сына «к радости отца его» (Лук. 15:11). Этот сюжет использован поэтом иронически в применении к современной ему Британии. Намеренно, вопреки «западному» источнику, поэт строит стих на манер персидской поэзии, на редифах, «прилепленных» к рифме, чтобы самим употреблением этой частой восточной формы стиха посмеяться над западным обычаем майората, по сути представляющим варварское, т.е., по мнению Киплинга, «восточное» явление.

С. 229. **Города и троны и страны...**

Вставное стихотворение из рассказа «Кентурион Тринадцатого» (о последних годах римского владычества в Британии) из книги «Пак с холма Простакова».

С. 230. **Два пригорка**

Еще одно стихотворение из цикла об Англо-бурской войне, но написанное несколько позднее тех четырех, что помещены выше. В связи с этими стихами: выражение «третий не прикуривает» (от одной спички) произошло, якобы, от английского солдатского присловья: «Первый от спички прикурил – бур поднял ружье. Второй прикурил – бур прицелился. Третий прикурил – и наповал».

С. 233. **Азбучные боги**

В этом остро сатирическом стихотворении Киплинг намеренно обозначает культурно-исторические периоды, как геологические, когда, естественно, человека еще не существовало, желая тем подчеркнуть, что все модные новшества – только хорошо забытые очень старые идеи. *Пес вернется к своей блевоте, и свинья – на свой навоз* – Притчи 26:11, а также 2. Петр. 22.

С. 235. **Зов возвращения**

Это как бы обращение Англии к ее детям, живущим во всех странах мира (из книги рассказов «Действия и противодействия»).

С. 236. **Песня пиктов**

Из числа вставных стихов в книге «История Англии для детей», написанной совместно с Ч. Р. Флетчером.

С. 238. **Песнь Митре (Тридцатый легион, ок. 350 г.)**

Митра – божество в монотеистской митраистской религии, распространившейся в эллинистическом мире (с I в. н. э. – в Риме, со II в. – по всей Римской империи); особой популярностью пользовалась в пограничных провинциях, где стояли римские легионы, солдаты которых были главными приверженцами культа Митры, считавшегося богом, приносящим победу. Сохранились остатки многочисленных святилищ-митреумов вблизи римских лагерных стоянок. Вопрос, в какой степени митраизм связан с персидским зороастризмом, где также фигурирует бог Митра, остается нерешенным. Так или иначе, митраизм был так широко распространен в Европе, что многие историки считают победу христианства над этим мощным конкурентом простой случайностью.

С. 241. **Колыбельная для острова св. Елены (пер. О. Кольцовой)**

Вступление к рассказу «Священник поневоле» в книге «Награды и феи». Тут перечислены основные эпизоды жизни Наполеона Бонапарта, умершего в 1821 г. в ссылке на этом острове. *Те, кто стоял за короля, отведали свинца* – Имеется в виду подавление генералом республики Бонапартом роялистского мятежа в Париже 5 октября 1795 г. *Аустерлиц* – Победа Наполеона над русско-австрийскими силами при Аустерлице 2 декабря 1805 г. *Где императорский трон* – Наполеон был коронован и стал «Императором французов» за год до аустерлицкой победы. *Трафальгар* – У мыса Трафальгар 21 октября 1805 г. произошла решающая морская битва между флотом Наполеона (под командой адмирала Вильнёва) и английским флотом, которым командовал адмирал Нельсон, победивший и погибший в этом бою. После такого поражения Наполеон уже не мог предпринять высадку в Англии. *Березина* – Неожиданная переправа Наполеона через эту белорусскую реку 27 ноября 1812 г. спасла его от окружения русскими армиями. *Ватерлоо* – Ватерлоо (недалеко от Брюсселя) – место последней битвы Наполеона. Эта битва, произошедшая 18 июня 1815 года, после «ста дней», была выиграна английским главнокомандующим герцогом Веллингтоном и прусским маршалом Блюхером.

С. 243. **Дорога в лесу**

Вставное стихотворение, поставленное вместо эпиграфа перед рассказом «Марклейские колдуньи» («Награды и феи»).

С . 244. **Песнь деревьев**

Тёрна, Ясеня, Дуба – эти три дерева в английском фольклоре считаются национальными, как в русском фольклоре береза.

С. 248. **Пресса**

Стихотворение, заключающее рассказ «Деревня, постановившая считать Землю плоской» из книги «Разнообразие живых существ». Тут Киплинг отдает должное своей первой профессии. В стихотворении звучит косвенный упрек журналистам, зачастую (во все времена!) роняющим профессиональную честь.

С. 250. **«If»: Три параллельных перевода**

Одно из самых известных произведений Киплинга. Вступительное стихотворение к рассказу «Братец Педант» в книге «Награды и феи». Стихотворение адресовано Киплингом его сыну Джону Киплингу, позднее пропавшему без вести в Первую Мировую войну.

С. 254. **Просьба**

Стихотворение, которым традиционно завершается любое английское издание стихов Киплинга. Стихотворение считается своеобразным завещанием поэта, поскольку оно завершало последнее прижизненное издание его стихов (1933 г.) .

***

Книга публикуется в редакции составителя. На фронтисписе портрет Р. Киплинга работы его двоюродного брата Ф. Берн-Джонса. На обложке использована гравюра У. Стрэнга. На с. 112 – иллюстрация Г. Пайла к «Гимну Мак-Эндрю». На с. 144. фрагмент фриза В. Васнецова «Каменный век». На с. 202, 204 и 237 иллюстрации Р. Киплинга к «Сказкам». Иллюстрации на с. 211-221 выполнены В. Ватагиным. Имена большинства фотографов, запечатлевших британских солдат времен Киплинга в различных уголках земного шара, остались неизвестны – но известно, что фотография на с. 57 была сделана в Бирме в 1885 г. У. Хопером. Наконец, фотография последнего короля Бирмы Тибо, королевы Супаялат и принцессы Супаяйи была напечатана с негатива, найденного англичанами в королевском дворце в Мандалее.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕМЬ МОРЕЙ

ПЯТЬ НАЦИЙ

МЕЖВРЕМЕНЬЕ

ВСТАВНЫЕ СТИХИ ИЗ ПРОЗАИЧЕСКИХ КНИГ

Книги издательства Salamandra P.V.V.

Джозайя Флинт. Хобо в России. 108 с., илл.

Воспоминания американского писателя-бродяги Джозайи Флинта о путешествиях в Россию, Льве Толстом и жизни в Ясной Поляне, странствиях с русскими бродягами, столичной полиции и генерале Куропаткине. Первый перевод на русский язык.

А. Я. Гуревич. Москва в начале XX века: Заметки современника. 212 с., илл.

Написанные на склоне лет воспоминания А. Я. Гуревича, участника советской космической программы, живо рисуют облик навсегда ушедшей Москвы. Память автора сохранила драгоценные детали и приметы быта Москвы начала XX века.

Борис Херсонский. Новый Естествослов. 154 с., илл.

Новая книга известного поэта, автора более десяти поэтических сборников, содержит вариации на тему Естествослова-Бестиария и представляет собою поэтические переложения средневековых текстов.

Роман Шмараков. Под буковым кровом. 208 с., илл.

В этой книге доктор филологических наук и прекрасный переводчик античной поэзии Роман Шмараков представляет свои прозаические опыты – семь изысканных и стилистически безупречных новелл, действие которых переносит читателя из древней Греции в Германию XVIII века, Италию времен Ренессанса и Россию «дворянских гнезд» века девятнадцатого.

Дилан Томас. Собрание стихотворений 1934-1953. 258 с., илл.

Первый полный перевод на русский язык канонического собрания стихотворений одного из величайших английских поэтов XX в. Дилана Томаса, отобранного самим Томасом в качестве поэтического наследия. Переводы известного поэта и переводчика Василия Бетаки снабжены подробными комментариями и статьей о жизни и творчестве Томаса.

Кики. Мемуары Кики. 243 с., илл.

Самая знаменитая натурщица XX века, она вдохновляла Сутина и Модильяни, Фуджиту и Кальдера, Брассая и Пикабиа, была возлюбленной Ман Рэя, подругой Жана Кокто и Макса Эрнста и удостоилась титула «королевы Монпарнаса». Первый русский перевод откровенных мемуаров Алисы Прен, прославившейся под именем Кики (1929) дополнен в нашем издании предисловиями Эрнеста Хемингуэя и Фуджиты, подробными комментариями и другими материалами, а также мемуарными отрывками, написанными Кики в 1950 г.

Редьярд Киплинг. Избранные стихи из всех книг. 331 с., илл.

Книга, подготовленная к изданию известным поэтом и переводчиком В. Бетаки, включает лучшие стихотворения Редьярда Киплинга из всех его книг в наиболее удачных поэтических переводах. Некоторые стихотворения представлены в двух-трех переводах. В книге есть и старые, давно полюбившиеся русскому читателю переводы, и довольно много совсем новых. Многие стихотворения Киплинга, никогда не переводившиеся на русский язык, представлены в этой книге впервые.

Книги серии «Gemma magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма»:

Райские цветы, помещенные в седми цветниках. 80 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. I).

Первая книга серии «Gemma Magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма» знакомит читателя с редкостным масонским изданием – переводом мистического шедевра XVII в. «Херувимский странник».

История доктора Джона Фаустуса. 40 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. II).

Впервые на русском языке – перевод народной книжки о знаменитом чародее и некроманте докторе Джоне Фаустусе, изданной в Англии в 1787 году.

Крата Репоа. 100 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. III).

Первое за почти 100 лет полное переиздание знаменитого трактата «Крата Репоа» – таинственной книги, которая оказала глубокое влияние на судьбы европейского и русского масонства XVIII-XIX веков и стала «фундаментальным документом» европейской эзотерики в целом.

М. И. Попов. Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. 80 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IV).

«Описание древняго славенскаго языческаго баснословия» (1768) одаренного писателя, поэта и переводчика М. И. Попова стало одним из первых сочинений, ре/конструировавших мифологический пантеон, демонологию и народную магию древних славян. С XVIII в. этот важный источник оставался труднодоступен для широкого читателя.

Артур Конан Дойль. Пришествие фей. 241 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. V).

Словно великий сыщик Шерлок Холмс, сэр Артур Конан Дойль, блестящий писатель и убежденный спиритуалист, расследует в этой книге историю с фотографиями фей, сделанными в первые десятилетия XX в. двумя девочками из глухой английской деревушки. Первый полный и откомментированный перевод на русский язык.

Джон Ди. Рог Венеры. Священная Книжица черной Венеры. 68 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VI).

Первый русский перевод любопытного гримуара XVI века, чье авторство приписывается выдающемуся английскому ученому и эзотерику, советнику королевы Елизаветы I, герою многих книг и легенд Джону Ди. В этой магической книге рассказывается, как с помощью ритуала «Рога Венеры» вызвать демонов и заставить их повиноваться и разыскивать спрятанные сокровища.

Ильин А. Я. Из дневника масона 1775-1776 гг. 54 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VII).

Дневник А. Я. Ильина – ценный исторический документ, рассказывающий о временах расцвета российского масонства и о повседневной жизни и деятельности масонского мастера последней четверти XVIII столетия. Подготовленный к печати в начале минувшего века известным историком В. И. Саввой, дневник А. Я. Ильина впервые за более чем 100 лет публикуется в полном объеме, с включением масонского шифра – «Литер ордена В.К.».

Книги серии «Библиотека авангарда»:

Владимир Гольцшмидт. Послания Владимира жизни с пути к истине. 85 с., илл. (Библиотека авангарда: Вып. I).

Первое современное издание произведений «футуриста жизни» Владимира Гольцшмидта (1891? – 1957), поэта, агитатора, культуриста и одного из зачинателей жанра артистического перформанса. Основатель московского «Кафе поэтов» и создатель памятника самому себе, авантюрист и йог, ломавший о собственную голову доски во время выступлений, Гольцшмидт остался легендарной фигурой в истории русского футуризма.

Филиппо Томмазо Маринетти. Битва у Триполи (26 октября 1911 г.), пережитая и воспетая Ф. Т. Маринетти. 97 с., карта, илл. (Библиотека авангарда: Вып. II).

Основатель итальянского футуризма, неистовый урбанист и певец авиации и машин Филиппо Томмазо Маринетти – на фронте итало-турецкой войны. Книга поэтической прозы «Битва у Триполи» в полной мере отразила как литературное дарование, так и милитаристский пафос итальянского футуриста. Переведенная на русский язык эгофутуристом и будущим лидером имажинизма В. Шершеневичем, «Битва у Триполи» не переиздавалась с 1915 г. и давно является библиографической редкостью.

Е. П. Радин. Футуризм и безумие: Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов. 94 с., илл. (Библиотека авангарда: Вып. III). Факсимильное изд.

Наряду с острой критикой футуризма, понимаемого как мистическое течение, в книге содержится немало ценных наблюдений касательно ряда основных принципов футуристической креативности. Особое внимание автор, психиатр Е. П. Радин, уделяет творчеству В. Хлебникова, а также приводит многочисленные примеры текстов, рисунков и картин душевнобольных. В предисловии к факсимильному переизданию этой редкой ныне книги монография Радина (1914) рассматривается на фоне дискурса «вырождения» и «дегенерации» конца XIX – начала XX вв.